Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 6

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Акшин БАБАЕВ. ***Из цикла «Маленькие листья»*** 19
Натиг РАСУЛЗАДЕ. *Киноновеллы* 28
Малик ДУРСУНОВ. **Кизиловая водка и ее роль в развитии философской мысли Кара-дайы.** *Повесть* 56
Константин ТАРАЕВ. *Рассказы* 94

ПОЭЗИЯ

Фикрет ГОДЖА. **Размышления в Рамадан.** *Поэма* 4
Ибрагим ИМАМАЛИЕВ. *Стихи* 49
Камилла КЕРИМОВА. *Стихи* 110
Луиза ГЛЮК. *Стихи* 130

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ГРИЧ. **Верность себе** 15
Мая КАСИМОВА. **Этапы творчества и мастерства писателя Натига Расулзаде** 41
Марат ШАФИЕВ. **Краткая история русскоязычной бакинской поэзии** 88
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Опекун. Позитивная дискриминация** 116
Ляман БАГИРОВА. *Литературные портреты* 121

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 20. 5. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2021 г.

ПОЭТЫ НЕ УМИРАЮТ!

Началось утро с горькой новости о Фикрете. Знал я, что он чувствует себя неважно, а всё-таки надеялся... А вездесущий интернет уже и снимки с похорон дал. Печально. Один из самых близких мне людей ушел, хоть мы и нечасто контачили.

Allah rəhmət eləsin.

И ничего мы поделать не можем...

Посылаю поэму Фикрета, которую перевел лет пять назад. И главку о нем из моей книжки.

А я напишу несколько слов... Хочется хоть так попрощаться.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Да, конечно, остаются стихи, которые читали и будут читать многие тысячи людей. Остаются песни, которые пели и будут петь десятки и сотни тысяч. Остаются поэты, которым открыл дорогу к читателю Фикрет Годжа. Остаются сотни людей, приходивших в уютный кабинет Первого секретаря Союза писателей Азербайджана по самым разным делам, иногда далеким от литературы. И, наверное, ни один не ушел не выслушанным, не встретившим сочувствия и внимания. Фикрет Годжа был щедро одарен от природы. Великим талантом поэта, что случается редко. Но куда реже небо отпускает вместе с этим уникальным даром еще и драгоценные таланты доброты, человечности, и неиссякаемое чувство юмора, и любовь к жизни и к людям. А в Фикрете все это соединялось. Он рано получил признание, рано стал воистину народным поэтом – куда раньше, чем был награжден этим званием формально. Не было такого уголка в Азербайджане, где люди не знали бы его и его стихов. И в Москве, где он учился в Литературном институте, у него остались верные друзья, замечательные деятели русской культуры, всю жизнь сотрудничавшие с ним и любившие его. Такая слава, такая известность кому угодно могли бы вскружить голову. Но Фикрет Годжа и к славе своей, и к званиям, и к должностям, и к многочисленным поклонникам относился с чувством юмора. И никогда не было ни одной фальшивой ноты в его общении с людьми – будь его собеседником рабочий или министр. Мне повезло – я знал Фикрета многие десятилетия. Видел его и в минуты торжества, и в тяжкие для него дни. И всегда и во всем он оставался верным себе, никогда ни на миг не потерял лица. Он был благороден – и никогда и ни в чем этому врожденному благородству не изменял. Его любили. И простые люди, звавшие его после выступлений к себе в дом, делившиеся с ним своими заботами и горестями. И руководители страны, не раз спасавшие его от страшных болезней. Мне кажется, его нельзя было не любить. Наверное, я пристрастен, но трудно пережить горечь его ухода. Да, Фикрет Годжа очень многое успел и очень многое оставил живым. Но его самого, его души, его смеха, его обаяния уже не вернуть. И как невосполнима эта утрата.

Будь Благословенна память Поэта.

Allah Rəhmət Eləsin.

Александр ГРИЧ

ФИКРЕТ ГОДЖА

РАЗМЫШЛЕНИЯ В РАМАДАН

Поэма

Аллах мой,
тысячи лет
тысячи рук
люди к тебе простирали,
прося насущного хлеба...
Безмолвно внимало небо.
Рамадан – покаяния месяц,
великий пост,
он тобою дан...
Но – Рамадан ли, не Рамадан –
времени бег обычен и прост.
Говорят, когда-то
молитва была –
и с небес на землю
падали перепела...
А теперь, когда люди
молят:
«Хлеба!» –
руки, ноги и головы
падают с неба,
горькие,
словно слезы,
льются дожди...
Боже мой, подожди!
Разве этого мы у тебя просили?
Ты – на небе своем седьмом –
и в мощи, и в силе,
как же позволить ты мог,
чтобы людей убивали,
у самых твоих у ног?
Человек научился летать,
покорился воздух ему
для того ль,
чтоб множилось горе
в его дому?
Разве ты хотел,
чтобы тот, кто благоговейно
прежде глядел в небеса,
нынче в ужасе
прятал глаза?
... Я подумал:
«Пожалуюсь...
Не могу молчать,
хоть и без жалоб
всю свою жизнь прожил...»

Голос свыше:
«Ты кому
на кого пожаловаться решил?»
«Тебе... На тебя, Всемогущий...»
Может быть,
долетит мой голос
в райские кущи.
Жалуюсь истово –
вместо того, чтобы славить тебя
и восклицать: Осанна!
Говорят в народе:
«Иди, Гасану пожалуйся на Гасана!..»
Мы летим по твоей Вселенной,
бескрайней, вроде,
на земле невеликой,
как на одном самолете.
И в полете этом,
вроде, все друг другу родня...
Почему же нет
в нашей жизни
спокойного дня?
Аллах мой, Бог мой,
ты высок, ты велик.
Неужели беды земные
не омрачают твой лик?
Каково тебе видеть
как люди глотки режут друг другу,
чтоб захватить
твоего создания часть?
Убивают за деньги, за землю, за власть...
Иногда мне кажется,
они готовы подол
одеяния твоего украсть,
покуда ты спишь,
и снести на базар –
лишь бы был пожирней барыш,
в этом – их благодать.
Боже мой, они тебя самого
готовы продать –
взгляните-ка!
Называется это теперь – политика.
Захват – политика,
политика – грабежи,
политика – речи сладкие, полные лжи.
Банков и корпораций блистающие этажи,
ядерного оружия ад –
политика,
везде, где ты без вины виноват, – политика.
Если ты украдешь гроши –
ты, конечно, вор.
Если ты крадешь миллион –
совсем другой разговор.

Политика – хамелеон.
Политика – соска резиновая,
малым народам в рот.
Молчи, народ!
Участь твоя сладка –
жуй резину, если нет молока.
Питайся словами сладкими,
если пустой живот.
Так добрая половина
планеты нашей живет.
Разве такой политикой
будешь сыт?
Аллах мой, над нами
проклятье твоё висит.
За людьми наблюдая
со своей вышины –
ты стал заложником тех,
кто тобой самим созданы.
Как же мечтать о чуде?
Кто в итоге спасет наши души?
В небе – люди,
люди – на море,
люди – на суше.
Каждый считает,
он – прав,
потому что понял,
как на самом деле устроен свет...
В результате – правы все и во всём.
Посмотри:
нигде виноватых нет.
И кто бы
где бы
что бы ни делал-
в одиночку, толпой, вдвоём –
везде поминают
имя твоё.
Зло творят или добро -
имя твоё осенит любые дела.
«С богом!» – скажет один,
другой твердит: «Я Алла!»
Ученый шепчет эти слова,
их повторяет болван.
«My God!» – говорит Джон,
«Боже мой!» – говорит Иван.
Говорит, говорит...
И какие дела нечестивые
тут же творит!
...Убежать от этого мира безбожного,
скрыться хоть днем,
хоть в ночи...
Но куда убежишь?
Кто откроет двери,

если знать не знаешь,
в чьем кармане ключи.
И в бессилии падаешь ниц
у твоих у ног...
Аллах мой, Бог мой!
Ты – един,
и ты – одинок.
Меру твоего одиночества
не передать словами,
а потому – молчу.
Боже мой,
в безмолвии
болью своей
поделиться с тобой хочу.
Чтобы быть к тебе ближе –
не надо взбираться на минарет.
Не надо провидцем быть,
чтобы зло увидеть
при свете дня.
Мой Аллах,
наш разговор –
навсегда секрет.
Ты, пожалуйста,
никому не выдай меня.
И прости,
если речью моей
совершаю грех,
Мною совесть движет
и боль –
не страх.
Слушай:
на земле появилась порода тех,
для которых ты – не Аллах.
Золото – их кумир,
деньги – их доброта,
их нетленная совесть –
банковские счета.
Им принадлежат
дороги и города,
их капиталы растут,
как после дождя грибы.
Почитай, полмира сегодня –
у них рабы.
О них говорят: «Крутой!»
Рукой махнет –
на тебя прольется
дождь золотой.
Взмах другой –
и ты остался
гол, как сокол.
И пока других
на молитву зовет муэдзин,

этот – купит, продаст,
знак невидный подаст –
и будто сама Земля для него тормозит,
как его лимузин.
Он забыл,
что из праха создан
и вернется во прах.
Он купается
в славословии и похвалах.
Слушай,
ему уже нужен
личный его Аллах,
чтоб судил его
именно так,
как нужно ему...
Он-то знает:
ему не попасть в тюрьму.
Он – удачливый вор,
не пойманный до сих пор...
Ты прости меня, Боже,
за грешный мой разговор.
Понимаю, что нет в запасе
жизни другой –
но ликующей черни
я быть не хочу слугой,
и не вижу
голодным и сирым,
заселяющим шар земной,
кроме тебя
защиты иной.
В самом деле,
кого, кроме Бога
убоится всесильный
золота бес?
Мой Аллах,
вот если бы ты ненадолго
спустился с небес,
если бы в наши будни,
в наши шкуры залез.
Если бы ты
безнаказанного – наказал,
если бы показал
карающую мощь доброты,
если б на нечестивых
огненный меч опустил...
Боже мой,
я знаю –
душой неспокоен ты.
Многих из них,
презренных,
сам ты выдумал,
сам взрастил.

А они решили,
что их благородна вера,
что к ним благосклонна
судьба сама...
И они потеряли меру,
сошли с ума.
Что им наши дела,
наши дома?
Они воздвигают
себе дворцы.
Они позабыли,
что они – торгаши, дельцы,
им кажется: ныне они
мирозданья творцы,
так они о себе говорят...
А что они
на самом деле творят?
Приходит к тебе
наглец и бездарь,
скользкий, как змей.
Казалось бы – в шею его гони!
А на деле –
тронуть его не смей.
У него за спиной – они.
А у них свои
привилегии есть,
и тех, кто на них посягнет –
участь зла.
Помнишь классику?
Козел
твой кишмиш на базаре ест.
Не гони козла!
Потому что –
вон, на углу,
его хозяин,
бандит известный,
Наджафгулу.
Так что, милый,
животное это не трожь.
...А для кого-то
этот Наджафгулу
очень даже хорош.
Что в этом мире творится?
Не разберешь...
Помнит такой господин:
объединяют
соседство, родство,
религия, местность,
правда и ложь...
Никто не один.
Нам об этом
напоминают щедро.

Но не делят
кров и богатство,
поля и недра.
По законам
границ, языков, страны
мы разъединены...
Даже когда на словах дружны –
враждуем в делах.
И тебе известно это, Аллах.
Видно, есть особый
у нашего времени дар,
если мир
похож на большой базар,
где все и всё
покупают и продают.
Здесь один закон:
«Обманывай ловко!»
Не сумел –
захлопнется мышеловка.
...Для чего ты честным
пытаешься быть упрямо?
Вон один для другого
заботливо роет яму.
А чтобы наверняка
в нее провалился
гость дорогой,
стелет ямы поверх
ковер дорогой.
Вот и живи –
ни правой, ни левой ногой
не знаешь, куда ступить.
Не знаешь, верить кому
среди лжи и лести...
Господи,
нет на этом базаре места
для чести
и для души.
Кто тут правит?
Естественно, торгаши.
Так что ты своих ангелов
посылать сюда не спеши,
рынок – не лучшее место,
чтоб им – развернуть крыла.
Век двадцатый сгорел дотла,
а у нового – снова руки
кровью обагрены.
Пережили люди
две мировые войны –
смерть, увечья, гробы.
Пережили люди
выраставшие на глазах
термоядерные грибы...

Неужели мы
не достойны иной судьбы? –
я тебя спрошу.
Когда в человеке, тобою созданном,
так много страсти и сил –
почему он ненависть
в сердце своем носил,
почему он иного удела
у тебя не просил:
накормить голодных,
больных исцелить,
страждущим – помочь,
почему он земли бесплодные
не оросил,
ради блага людского
работая день и ночь?
Разве не мог он
задуматься, не спеша,
как устроить,
чтоб не наличные, а душа,
чтобы чистое сердце
было главной из всех валют?
И, наверное,
не был бы мир наш тогда
так жесток и лют,
и счастливо бы зажили люди
в общем дому,
позабыли бы,
что такое голод и страх,
воспарили бы,
словно ангелы
на прозрачных крылах.
Почему
такое не сбудется?
Почему?
Отчего мы, люди, иные –
были и есть?
... Словно груз
нас тянут к земле
и злоба, и лесть,
месть и ненависть,
тщеславье и ложь –
в бессилье молчу.
Перед мечтою своей
о людях с крылами ангелов –
я зажигаю свечу,
в том, что жизнь безнадежна,
увериться не хочу.
Но вижу мир обреченный,
бессильный весь,
но знаю людей:
они не ведают, что творят.

Ему говорят:
«Себе на шею ярмо повесь!»,
а он как будто этому рад.
Позабыв намеренья добрые,
едва поднявшись с колен,
думать не думающие
обо всём,
наших грехов, и грязи,
и мерзости тлен –
в третье тысячелетье несем.
Нет на планете нашей
счастья и сна,
залпы, бомбежки, взрывы,
и кровь, и боль.
То бушевала
арабских бунтов весна,
то чередой –
цветных революций прибой.
Гибель детей,
материнские слезы...
Страшен
сон этот,
длящийся уже не день и не год.
Вот он, над нами –
людскою кровью окрашен
третьего тысячелетья
зловещий восход.
Как дождутся
рассвета мирного люди,
чтобы – не танков гул,
не снарядов вой?..
В залах конгрессов,
в залпах дальних орудий
зреют зерна
третьей войны мировой.
Каждый твердит о мире –
какая ложь! –
а за спиной
давно наточенный нож.
Как ты, мой Боже,
видя это, живешь?
Боже, это не ты
раздоры наши посеял,
твои пророки
учили:
«Убийство – грех!»
В Магомета верь,
в Иисуса ли,
в Моисея –
Бог – один,
мир – один,
и небо – одно на всех!

Только как благоверным
дождаться твоих чудес,
если падает
черная смерть
с голубых небес?
Днем ли, ночью –
ждем её или не ждём –
падает смерть.
На города чужие,
на отчий дом
падает смерть.
Вроде, мирно вокруг –
ни тревог, ни битв –
падает смерть.
Даже под звуки
благостные молитв –
падает смерть.
Ты язык и веру нес
сквозь века –
падает смерть.
На дитя в колыбели,
не знающее ни веры, ни языка –
падает смерть.
А на каком языке,
ответить изволь,
под бомбами вопиют
страданье и боль,
ужас и страх?
У боли – один язык,
он внятен тебе, Аллах.
...Боюсь, ты устанешь от нас
при таких-то делах.
Отвернешься
одним непрекрасным днем,
и рукой махнешь,
и скажешь:
«Горите огнем!»
Вас из рая изгнал
всемогущий Бог.
Смилостивился, сжалился,
вам помог
дом построить,
поле засеять,
вырастить сад.
Не для того, чтоб вы
вернулись назад.
Не для того,
чтобы присвоили вновь
чужие труды,
и разорили дома,
и разметали поля,
и вырубили сады...

Не для того,
чтобы вы вопили:
«Велик Аллах и высок!»,
добывая своей наживы
смрадный кусок.
Все равно для вас –
прилавки иль алтари –
червь корысти злой
пожирает вас
изнутри.
И пока дипломаты
кружили и ворожили,
дан приказ –
и ничто для вас
границы чужие.
А потом,
господа умелые,
вы опять на черное
скажете: «белое».
Развязка близка.
Остановитесь!
Верните назад войска.
Пока есть шанс
не совершить
ваш самый последний
гибельный шаг.
Остановитесь!
И, может, вы увидите вдруг,
как безграничен
Вселенский простор вокруг,
как прозрачен
звездный отблеск
на куполах...
Бог велик.
Всемогущ Аллах.
Лишь ему подвластны
времен и пространства ход.
А вам, господа,
пора вернуться в народ,
в будни наши
где люди смеются и плачут,
где полны делами обычными
день и ночь,
где не нужно трибуны и пъедестала.
Помните:
Время разбрасывать камни уходит прочь.
Собираем камни – такое время настало...

Вольный перевод с азербайджанского Александра Грича
2015г.

ВЕРНОСТЬ СЕБЕ

Фикрет Годжа… Давние его стихи вспомнились.

…Как хорошо, что весны есть и зимы,
А мы не знаем времени границы,
И что един наш мир необозримый:
Под нами – рыбы, а над нами – птицы.

Как хорошо, что небу улыбнемся,
Что поглядим, как ветер волны множит,
Что мы в конце концов к земле вернемся,
Или она вернется к нам, быть может…

Ах, кто кому принадлежит – не важно,
Мы зря об этом непрестанно судим,
Ведь все, что человек вершит отважно,
Останется равно – земле и людям.

Мы ищем в прошлом завтрашних ответов,
Мы в новый день спешим, к иным пределам…
Как хорошо, что есть на свете белом
Грядущее… Хотя и странно это.

Бывает, когда переводы так же близки тебе, как собственные стихи. Это случается, конечно, чрезвычайно редко, но все-таки случается. Так у меня с Фикретом. Первопричина тут, конечно, в оригинальных стихах: Фикрет Годжа – поэт сильный, своеобразный, парадоксальный. Все это осталось бы в его стихах, и я все это увидел бы наверняка, если бы мы и не были знакомы. Но я очень рад, что знаю Фикрета лично многие годы, и каждая встреча с ним была радостью. Когда человек талантлив – он во всем талантлив. Сейчас мне кажется, что еще до того, как я познакомился с Фикретом, я видел его портрет, написанный Тогрулом Нариманбековым: изумрудные глаза на пол-лица и ощущение какой-то детской наивности (ему на портрете – лет 25), так вот – сочетание детской наивности и мудрости старца. Он же неслучайно взял псевдоним Годжа – «Старик». Убейте, не помню, где познакомились. Начну с того, что помню лучше всего – как мужественно вел себя Фикрет, когда у него неожиданно обнаружилась страшная болезнь. Он ни в чем и никогда не показал слабины, паники, да просто – дурного расположения духа, которое в этом состоянии неизбежно. Человек носит в себе мину замедленного действия, и механизм тикает…

Шел под солнцем я неторопливо,
Как горы, переваливая года.
И вдруг я увидел – я у обрыва
И вниз меня тянет, туда…

И кончались эти стихи, переведеные Мансуром Векиловым, так:

Тьма отступила и скрылась далече,
В дальние дали… Да?

Я совершенно уверен, что мужество Фикрета сыграло огромную роль в том, что он преодолел страшную болезнь. Многие окружающие тогда (а дело было около тридцати лет назад) с ним уже попрощались. Помню, как сокрушенно покачивали головами, ничего не говоря вслух, редакторы издательства «Советский писатель» в Москве, где тогда выходила в моих переводах его книга. Молчаливо считалось, что

это – как бы прощальное издание. Какое счастье, что всё оказалось не так.

А Фикрет был в своем репертуаре. «*Врач мне говорит*, – рассказывал он, – *не сиди на сквозняке! Наивный человек – он думает, у меня есть, что застуживать*!» (Он лишился тогда легкого).

…Среди откликов на мои «заметки о писателях» были и такие голоса: «Какие они все у тебя хорошие, правильные, сильные, талантливые – ну просто идеальные! Странно как-то…»

А чего странного, уважаемые господа? Я пишу о людях, которых люблю. Которых я знал многие годы. Иных уж нет, другие, к счастью, живы. Никто из них не идеален, и создание образов положительных героев меня интересует меньше всего.

Да будем мы к своим друзьям пристрастны,
Да будем думать, что они прекрасны!

– эти слова Беллы Ахмадулиной очень отвечают тому состоянию, которое я хотел бы передать.

* * *

Еще из высказываний Фикрета: «Поэзия – дело сугубо индивидуальное, неподвластное никаким законам, правилам и установкам. Это – как боль. Можно всей душой сочувствовать человеку, но ощутить его боль как свою – не фигурально, а в реальности – нам не дано. Мы пишем в одиночку и умираем в одиночку. Близость к народу, если она существует, не от нас зависит, и, уж конечно, не от правительства… Может быть – от времени? Поэтому лукавая задумка Советской власти – все эти звания «народных» и «заслуженных» – лишена всякого творческого смысла. Вроде и неловко об этом говорить, когда сам 50 лет носишь это звание, но я же давно об этом писал, давно, не сегодня!»

* * *

Я попросил Фикрета выступить в школе, когда Роман, мой старший, был, кажется, классе в седьмом. То есть – самое начало восьмидесятых, время глубокого и благодатного застоя. Первые слова Фикрета были: «Мы оставляем вам задыхающийся от мазута Каспий, гибнущие от ядовитых дождей леса. Оставляем города, в которых скоро невозможно будет дышать из-за автомобильных выхлопов. Мы оставляем вам планету, где две трети населения голодает, где все время идут неправедные войны, где несправедливость правит и торжествует. Многие говорят, что человечество близко к самоуничтожению – вот какой мир мы оставляем вам в наследство. И вы должны понять, куда вы этот мир поведете».

Помню расширенные от страха глаза учительницы. Но – знаменитый поэт, лауреат и т.д. Раз он так говорит, значит, в этом что-то есть. А дети как раз реагировали совершенно нормально. Им было интересно.

* * *

Запомнил мысль Фикрета, к которой он не раз за годы нашего знакомства возвращался. Передаю не точные слова, понятно, а смысл.

«Часто говорят, что мы – «народ поэзии». Сомневаюсь. Из этого должно, вроде, вытекать, что народ стихи читает и знает. А у нас действительно чуть не каждый пишет стихи. Но это как в том анекдоте про чукчу: «чукча не читатель, чукча – писатель»... Иногда кажется, что у нас в Азербайджане, к сожалению, уже нет читателей, а только одни писатели… А на самом деле настоящей поэзии очень мало. И мало людей, ее понимающих. А писать – да, все пишут…»

Его давние стихи – о настоящих поэтах:

Падают деревья над Курой,
Отчего – никто не знает толком,
Говорят – от старости и только
Падают деревья над Курой.

Высохли их мощные стволы,
Ветви вниз опущены бессильно,
И не слышно над рекою синей
Звука суматошного пилы…

Сами, молча, в шелесте воды
Рушатся, не находя опоры,
Дерева… Посадки будут скоро,
Саженцев поднимутся ряды.

Только эти саженцы – не лес,
Слишком всем ветрам они покорны.
Долго им еще готовить кроны,
Чтобы доставали до небес,

Много надо выждать зим и лет,
Выдержать и солнце, и морозы…
А пока – кустарник здесь разросся.
Кустикам простор – деревьев нет!

Видно, были слишком высоки,
Слишком широко простерли длани…
Как богатыри на поле брани
Падают деревья у реки.

Фикрет Годжа говорил: «В каждом человеке сидят двое – умный и дурак. Всю жизнь между ними происходит борьба, и к старости один добивается над другим заметного преимущества... Дурак, к сожалению, побеждает чаще...»

…А однажды мы с Фикретом попали в автомобильную аварию – этот день непросто вспоминать, даже через столько лет. По узкой шувелянской улице несся самосвал. Надо представлять себе абшеронские стародавние поселки, их разнобой дувалов и домишек, их улочки с неожиданными поворотами, где и двадцать километров в час – большая скорость. Этот самосвал несся на все пятьдесят-шестьдесят. А «для безопасности» непрерывно гудел. Совершенно не помню его водителя – и без него было о ком думать. На переднем сидении рядом со мной был Фикрет, на заднем – наши жены и маленький сын Яшка, было ему года четыре. Это мы с Людой и Яшкой приехали в гости к Фикрету на дачу, и решили поехать на море. Вот и поехали…

Я осторожно высовывал нос машины в закрытый поворот, гудка самосвала не услышал. Удар был очень сильный. Нас спасло то, что, отброшенные самосвалом, мы ударились задом в ворота школы, а они были заперты, но замок оказался хлипкий. А потому – ворота распахнулись, спружинили и как бы погасили удар. Благодарение небу, никто из нас сильно не пострадал. Ушибы, ссадины – и только. Поистине, судьба нас всех хранила, потому что на то, что осталось от автомобиля, смотреть было страшно. Мы были совершенно ошарашены. Помню, на улицу выскочили люди, стали спрашивать, нужна ли помощь, потащили нас всех к себе в дом, за праздничный стол. И вот за столом Фикрету стало плохо. Но – удивительное дело – он и в этом состоянии как будто больше всего заботился о том, чтобы не привлекать к себе внимания.

Через несколько дней я зашел к нему. Фикрет был непривычно мрачен. «Да нет, – отмахнулся он на мои вопросы, – все в порядке. – И спросил таинственно: –

Ты знаешь, что такое «чылтак»? Я не знал. «Короче говоря, – продолжал Фикрет, – мы должны проделать тот же маршрут, что мы так неудачно завершили в воскресенье, но теперь уже завершить его успешно, благополучно, с удовольствием. Чтобы в душе не оставалось страха и обиды. Таким образом, мы с этим делом и с неприятными воспоминаниями о нем покончим раз и навсегда. Как ты думаешь?»

Не помню, что я ответил, но слово «чылтак» с тех пор запомнил. И, бывало, когда случались неудачи, думал – надо «сделать чылтак». И делал… И помогало. Хотя в словаре точного значения этого слова я так и не посмотрел никогда.

* * *

Когда в зрелом возрасте, после большого перерыва, я снова сел за руль, привыкал водить с трудом. Пришлось попотеть. Мудрый Фикрет утешал меня: «Ты же знаешь, что шофера – самый тупой народ, знаешь? Вот! А машины они хорошо водят. Не огорчайся, привыкнешь!» И, как всегда, настоящий поэт оказывается прав, даже когда говорит вещи странные…

* * *

Было в советское время такое заведение – бюро пропаганды советской литературы. И раз в месяц, иногда – реже, иногда – чаще, соединенные в группы по нескольку человек, советские писатели ездили встречаться с трудовыми коллективами, чтобы быть, естественно, ближе к народу и его нуждам. Мы с Фикретом довольно часто оказывались в одной группе. Всегда приятно было смотреть, как он общался с читателями… Никакого сюсюканья, никакого заигрывания. И – искренняя радость, когда кого-то из выступавших принимали теплее и лучше, чем его. (А поэты – даже самые умные и талантливые – ревнивы к успеху других, как женщины). У Фикрета этого близко не было.

* * *

Он когда-то давно перевел на азербайджанский цикл моих стихов и опубликовал. Переводы были, по-моему, замечательные – не слова были переданы, а настроение и музыка. «…Tez-tez yeni il gələcək/Bu ilin üstə,/Bu il ağır ilim oldu…»

У меня и в самом деле было тогда очень трудное время в жизни – и счастлив я, что друзья и товарищи были со мной рядом. Фикрет – в том числе.

* * *

К старости мы становимся иными. Как написал Борис Слуцкий,

Нет, оступаться – слишком кость ломка,
И мало времени у старика,
И чересчур близка
Та самая, последняя черта,
которую никто не переходит…
Поэтому так часто к ним приходят
И высота,
И чистота.

У Фикрета в недавнем интервью прочел пронзительные строки об этом, ими и закончу:

«Я уже тот человек, который понимает, что, молясь Богу, все равно, в какую сторону смотреть. Необязательно смотреть в сторону Каабы. Если я молюсь Богу, я стою лицом к нему, куда бы ни смотрел.

Новый человек, живущий во мне, это понимает».

АКШИН БАБАЕВ

Из цикла «Маленькие листья»

ВСЕГО ЛИШЬ КАПЛЯ

Когда Медина собралась в аэропорт, уже наступила ночь. Самолет прибывал в три утра. Мысленно она упрекала Фуада: «Ну куда такое годится? Каждый раз из Москвы возвращается ночным рейсом. Как будто дневного нет! Когда спрашиваю, говорит, что не хочет никого беспокоить. Решила теперь каждый раз ездить в аэропорт и встречать его. Честно говоря, мне эти его московские командировки порядком надоели. Чуть что – сразу в Москву. Устала я. Меня не интересуют ни его докторская, ни его достижения в сфере кибернетики. Хочу, чтобы всегда рядом был. Потому что люблю его, очень. А он? Он тоже. Раньше думала, что так никого и не встречу. А потом все быстро как-то произошло. Встретила Фуада, он посватался, я согласилась. Хороший он человек. Но почему-то одно мое желание никак не выполнит. Мне очень хочется, чтобы он подарил мне куклу. А он лишь смеется. «Ты что, маленькая?» Ой, как я хочу, чтобы он сегодня, как выйдет из самолета, подарил бы мне красивую куклу». Медина размечталась и не заметила, что уже добралась до аэропорта. Глаза ее светились. На губах играла улыбка. Она радовалась. Фуад не поверит своим глазам. Ночью, одна, она приехала в аэропорт, чтобы встретить его.

Ей вспомнился их последний разговор.

– Быстро возвращайся, слышишь?

– Слушаюсь.

– Быстро.

– Слушаюсь.

– Ты только говоришь «слушаюсь». Недельная командировка затягивается на полмесяца.

– А что мне делать? Не получается. Научная работа это. Закончу докторскую, распрощаемся с такими командировками.

– Хорошо, подожду.

– Ладно, что тебе привезти из Москвы?

– Куклу. Красивую куклу. С золотыми волосами, с большими глазами. С маленькими губками. С пухлыми ручками. В нарядном платьице.

– Когда ты перестанешь просить куклу? Ты же не маленькая...

– Ну очень хочется мне, Фуад. Очень хочется, чтобы ты привез мне оттуда куклу.

– Ну, хорошо...

– Ты каждый раз обещаешь, но не привозишь. В этот раз...

– Хорошо, куплю. Который сейчас час? Опоздаю вдруг.

– Давай я тоже с тобой поеду.

– Не нужно. Не за границу еду...

– Встретить приеду.

– Не говори глупостей. Ночью возвращаюсь. Скажу по телефону, когда. Ключ с собой. Не волнуйся.

...Самолет ночного рейса приземлился. Сначала объявили по громкоговорителю. Потом пассажиры стали спускаться по трапу. Вскоре на выходе показался Фуад и не поверил своим глазам. Среди встречающих была Медина. Сначала он обрадовался, потом нахмурился, когда приблизился, вместо приветственных слов сухим и несколько раздраженным тоном спросил:

– С кем приехала?
– Одна.
– Как одна?
– Просто одна. А моя кукла... Купил?
– Эх... Будто других дел больше не было.
Когда сели в машину, тем же тоном Фуад спросил:
– Может, случилось что? Дома все в порядке?
– В порядке.
Глаза Медины заблестели. Но она сдержала слезы. Водитель включил радио.
Полилась музыка. Ни Медина, ни Фуад не проронили ни слова.

Медина мысленно вернулась в свои детские годы. Когда началась война, ей было пять лет. Как и всем детям военного времени, ей было не до игрушек, не до кукол. Она тоже рано повзрослела. Превратилась в серьезного, задумчивого ребенка. Потом пошла в школу, помогала во всем матери. Не было у Медины детства из-за войны. Не было детских радостей. Она часто оглядывалась назад, пыталась найти свое детство. А оно превратилось в маленькую куколку и в школьном ранце стало сопровождать ее повсюду. И в университетские годы эта куколка тоже не бросила ее. Во время лекций Медина иногда открывала свою сумку, любовалась ею, украдкой посылала воздушные поцелуи и радовалась, как ребенок.

Когда добрались до дома, Фуад взял Медину за руку.
– Обиделась, что ли?
– Нет, – ответила Медина, – не обиделась.

Утром, когда Медина собирала в сумку ученические тетрадки и готовилась пойти на работу в школу, где работала учительницей, Фуад еще сладко спал. На мгновение Медине показалось, что этот богатырского телосложения мужчина совершенно чужой ей человек, какой-то незнакомец. Ей снова захотелось вернуться назад, в детские годы. «У Фуада скоро защита докторской. Только мне ничего этого не нужно. Не нужно! Ничего! Я только хочу его внимания. Хочу его вниманием вернуть свое потерянное детство. Самое обычное внимание! Эх... я тоже странная. За каждую мелочь цепляюсь. Ведь я люблю Фуада. Он же мне не чужой. Он ведь мне самый родной, дорогой человек. А кукла, что такое кукла? По сравнению с нашей любовью кукла всего лишь капля. Вот именно, всего лишь капля! Из-за одной капли ничто не разрушится. Ничто, ничто!»

Только Фуад не знал того, что и море вырастает из таких капель.

АЙВОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Ни один листок не шевелился. Уходящие ввысь тополя казались написанными рукой художника. Ариф открыл обе створки окна и увидел на улочке пожилую пару. Оба тяжело передвигались. «Как хорошо, что родителей отвезли на дачу. Они бы такую жару не перенесли».

Шла последняя неделя июля. Дачники давно уже сбежали за город, у кого не было дач, разъехались по курортным местам. В городе остались те, кто работал, и те, у кого не было средств на курорт. Семью Ариф отправил в деревню, у друга был там дом. Сам остался в городе. Готовил себе. Когда было лень готовить, питался в ресторанах и закусочных. А возвращаясь домой с работы, каждый раз себе говорил: «Надо бы проведать родителей. Совсем я совесть потерял. Пока они в центре жили, как-то получалось все. А как переехали в Ахмедлы... Прямо с глаз долой, из сердца вон. Эх... Только я ведь без вины виноватый. Целый завод на мне, не шутка. Только и слышишь: доставь, обеспечь. Не знаю, я директор трубопрокатного завода или завода «доставь-обеспечь». Ладно... Хорошо, что мир не без добрых людей. Не без

таких, как Солтан... Хоть он мне и двоюродный брат, а как родной, приехал, забрал родителей к себе на дачу отдохнуть. Да, Солтан лучше меня, надежнее. На свою дачу я в свое время не накопил. Хорошо, что есть Солтан! Надо бы на дачу эту выбраться, надо бы родителей проведать...».

Зазвонил телефон. Ариф ответил. Это был Энвер. Его заместитель.

– Что дома делаешь?

– Умираю от жары. Что еще можно делать в такую жару?

– А что кондиционер себе не поставишь?

– Начнут судачить.

– Да ладно, люди вон себе самолет покупают, и ничего. На работе есть кондиционер, а дома нет. Так и заболеть недолго.

– Да мало осталось, скоро конец этой жаре.

– Ну нет, это же Баку, Баку... Теплым денькам у нас до ноября время есть. Ну ладно, скажи, что собираешься делать?

– Ничего. А что?

– Да друг у меня один есть. Позвонил, заедет скоро за мной. Говорит, поехали на дачу, гульнем. А я знаю, что ты один, вот решил и тебе позвонить. Поехали: и поужинаем, и развеемся.

Арифа это приглашение очень даже устроило. Ему сейчас лень было даже подумать, что нужно себе готовить ужин, а потом еще посуду мыть.

– Ну? – торопил Энвер.

– Ладно...

– Тогда жди, подъедем, посигналим.

– Договорились.

«Эх, Ариф, предатель ты. Гулять собрался, а к родителям так и не собрался. Как назло, где именно эта дача двоюродного брата, толком ведь и не знаю. Сказал, что в Загульбе. По телефону приблизительно описали. Ну ничего, мой водитель еще тот проныра, найдет. Завтра же после работы накуплю продуктов, поеду к ним. Нельзя ведь так». За ним заехали. Когда тронулись в путь, вечерняя прохлада ворвалась в салон автомобиля через открытые окна, Ариф забыл обо всем и успокоился: «Я тоже человек, имею право один раз отдохнуть». По дороге говорили обо всем. О погоде, о природе, дороговизне, болезнях... Друзья Энвера работали в торговле. Один был начальником обувной базы, другой рядом с моргом держал шашлычную.

– К кому на дачу едем? – спросил Энвер.

– Есть у меня друг один, в Загульбе. К нему на дачу едем.

– У моего двоюродного брата тоже есть дача в Загульбе, – откликнулся тут же Ариф. Его словам никто не придал значения.

Тот, кто вез к своему другу на дачу, сказал, что хозяин дачи сейчас сам в Кисловодске. Дачу на это время отдал ему. Вот, когда ему вздумается, он и ездит на эту дачу покутить, отдохнуть, иногда ночует там, иногда возвращается в город.

Машина остановилась перед закрытыми воротами. Боковая дверь в воротах тоже была закрыта. Тот, кого Энвер называл другом, начал яростно стучать кулаком по двери и кричать:

– Эй, мужик, эй, мужик, эй...

В ответ не раздалось ни звука. Колотивший по дачной дверце не сдавался, продолжал колотить и кричать...Наконец издалека послышался голос:

– Иду.

– Чтоб тебе пусто было, чтоб тебя разорвало, идет он. Шевелись давай.

– Сторож? – спросил Энвер.

– Нет, родственник друга. Он за деревьями, за дачей смотрит, а жена его мне еду готовит. В прошлый раз нас пятнадцать человек здесь было. Отлично покутили тут, ели-пили, гульнули.

Ворота дрогнули и начали медленно открываться.

– Что за дела, мужик? Давай, давай, живенько. Пошел к машине, из багажника взял бастурму, отнес в дом, разжег мангал, живенько...

В раскрытых воротах стоял кареглазый старик. Ариф бросился вперед:

– Отец?

– Добро пожаловать, сынок.

Все удивленно переглянулись. Все, кроме Арифа. Он смотрел на видневшиеся за оградой дачного участка айвовые деревья. Вспомнились ему услышанные в детстве слова одного старца:

– От айвы этой одно лишь название, одно лишь название.

СПИСОК

Большой мастер доживал последние дни. Врачи не стали скрывать, сказали ему прямо, что в запасе у него совсем мало времени осталось.

В доме никого не было. Он тяжело приподнялся, встал, умылся, заварил себе чай, вдруг поспешно оделся, чтобы выйти из дома. Он знал, что если жена вернется сейчас домой с продуктами, то ни за что не отпустит его на работу. Позвонил. За ним прислали машину. Задыхаясь, поднялся по лестнице. Открыл дверь своего кабинета на втором этаже, вошел.

Хороший у него был кабинет, нарядный. Он окинул взглядом стены, кресла, поднял глаза на люстру. Ему тяжела была не только та мысль, что скоро надо будет расстаться с жизнью, женой и детьми, но и этот кабинет представить без себя было выше его сил.

Немного спустя вошел его заместитель. Спросил о самочувствии и протянул большому мастеру список, который был у него в руках.

– Пятнадцатого вручаются награждения. Нужна ваша подпись. Если кого-то считаете... или кого-то хотите... Ваша воля.

Большой мастер внимательно изучил список. Изменился в лице. Схватил ручку и зачеркнул в списке одно имя так, что продырявил бумагу.

– Заново распечатай!

Заместитель выпалил «будет сделано» и побежал выполнять.

– Еще раз напечатай! – сказал он, бросившись к сидящей за компьютером девушке.

Девушка печально качнула головой. Поняв, чем именно она недовольна, заместитель склонился к ней и тихо сказал:

– Доченька, а давай ты не будешь вмешиваться в такие вещи.

Девушка не сдержалась:

– Несправедливо это. Вычеркнутый и есть самый достойный.

Заместитель сказал что-то сквозь зубы. Девушка не поняла.

Заново распечатанный список заместитель торжественно положил перед большим мастером. Тот внимательно просмотрел, подписал и удовлетворенно про себя сказал: «Вот так вот, задам тебе жару, поганец».

Похожие на два высохших колодца впавшие глаза его сверкнули.

Из кабинета понесло зловонием.

ОДИН ШАГ

Явер дал себе слово: жить как все. Не лезть из кожи вон из-за каждого, как мама говорит, встречного-поперечного. Только слово свое держать не умел. Кто бы ни обратился к нему, позабыв обо всем на свете, сломя голову опять бежал на помощь.

Дома ждали его и беспокоились мама и жена Зулейха. Алхас мал еще был, ничего не понимал. Был бы повзрослее, наверное, как мама и бабушка, тоже бы беспокоился.

Вчера Явер вернулся домой поздно. Зулейха на него обиделась, мама тоже. В этот раз задержался он потому, что сидел у постели заболевшего коллеги. Зулейха как узнала, что заболевший товарищ по работе никто иной, как Вагиф, только и сказала в сердцах:

– Ты и правда чудак. Уже и забыл, сколько гадостей он тебе сделал.

– Нет, почему забыл, не забыл, – тихо ответил Явер и невольно положил руку на сердце.

– Что, что случилось? – всполошилась Зулейха.

– Ничего!

– Опять сердце?

– Пройдет.

– Не иди к врачу, не лечись. Лучше беспокойся о других!

Последние слова Зулейхи будто ключиком сверкнули в мыслях Явера. Он взял этот ключик, открыл дверцу воспоминаний и шагнул им навстречу.

Первой была тетя Амина. Ее сбила машина. Бессовестный водитель трусливо скрылся. Явер остановил попутку и отвез тетю Амину в больницу, потом навещал ее, пока она не выписалась. Явер работал в редакции газеты. Кроме зарплаты, получал еще гонорары за свои материалы. Весь свой месячный гонорар он потратил тогда на тетю Амину. Зулейха расстроилась: «В больницу отвез. Потом проведал бы ее раз-другой и все дела. У тебя же тоже семья есть. На те семьдесят, что ты в больнице оставил, я бы в дом что-нибудь купила. Ты получаешь двести, я восемьдесят. А квартплата, а коммунальные, а в гости кто придет, а мы пойдем...».

Следующим был Гамбар. В самые тяжелые для его семьи минуты рядом был Явер. Чего только не сделал тогда Явер для Гамбара. Не для своей семьи, а для его детей из кожи вон лез. А еще был такой Ахад-киши. Он внезапно и скоропостижно умер. Его сына Явер на ноги поставил. На работу устроил. Сколько он тогда времени и усилий потратил на сына Ахада-киши, сколько порогов обил...

Зулейха выключила свет, Явер отпустил воспоминания и попытался уснуть, только сердце все ныло. Ночью вызвали неотложку, отвезли его в больницу. Когда забрезжил рассвет, Явер подумал, что все его многочисленные друзья-товарищи, родственники и знакомые скоро ринутся гурьбой в больницу, чтобы навестить его. Поэтому первым долгом решил встать с койки и привести себя в порядок, умыться, причесаться. Медсестра увидела, как он пытается встать.

– Эйвазов! Вам запрещено вставать!

Явер расстроился.

– Ладно. Будь по-вашему. Что поделаешь...

Вечером после работы зашла его проведать Зулейха, принесла с собой продукты, домашнюю еду. Она долго сидела у его койки, отвечая на его нескончаемые вопросы.

– С работы кто-то звонил?

– Джахангир...

– Так значит, на работе знают, что я в больнице?

– Конечно!

– И в какой именно, тоже знают?

– Конечно!

– Кто-то звонил из родных-знакомых?

– Я звонила. Сказала Расиму, Ровшану, Лятифу... Только вот такова жизнь...

– Нравится тебе поспешные выводы делать. Терпение имей. Вечер только наступил. Придут еще проведать...

Зулейха ушла. В больничных палатах приглушили свет. Явер все никак не мог уснуть и все размышлял: «Надо же... Странная штука жизнь. Кто-нибудь все равно придет, меня навестят, знаю. Но мне важно было сегодня, чтобы сегодня же. Я в первый раз попал в больницу. Сам, как только слышал, что кто-то в больнице, все бросал и мчался навестить. Все думал, если хоть на день опоздаю, неудобно будет, стыдно. Да уж, век живи, век учись. Эта моя больничная койка хорошим пробным камнем стала, правильно говорят, что жизнь нас учит. Ну вот, Явер, теперь и ты живи как все, стань обычным человеком. Зулейха права. Все, стану другим человеком. Вот даже если кому-то в этой самой палате что-то нужно будет, отвернусь лицом к стенке и сделаю вид, что мне все равно».

Лежавший на соседней койке старик пару раз кашлянул и спросил:

– Что, сынок, не спится?

– Не спится...

– Переживаешь, поэтому не спится. Слышал я твой разговор с женой. Не пришел никто... Ну и не надо. Думаешь, ко мне кто-то приходит? Никто, кроме жены, не приходит навестить. Жена мне и вместо матери, и сестры, и друга...

– Нет, не согласен я с вами, – Явер приподнялся, – у каждого свое место есть. Я вот всю жизнь, забывая себя, о других заботился, о других больше думал. Только не буду больше. Хватит с меня самоотверженных поступков. Буду обычным человеком.

Старик опять откашлялся.

– Чтобы обычный человек совершил самоотверженный поступок, порой нужно сделать всего один шаг. От заурядности до самоотверженности тоже всего один шаг. Не стоит отказывать людям в этом одном шаге. И еще дам совет: никогда не жди ответного добра за сделанное добро.

– Да что вы! Я совсем о другом. Я говорю, что...

Явер оборвал себя на полуслове. На противоположной койке задыхался больной.

– Ему кислородная подушка нужна! – вскрикнул старик.

Явер бросился из палаты в коридор. Дежурной медсестры не было на месте. Он поискал глазами кислородную подушку, оглядел ее пустующий стол. Быстро поднялся на второй этаж. Там тоже ничего не нашел. Спустился вниз. Перешел в соседний корпус больницы. Первое, что бросилось в глаза, была кислородная подушка. Он с ликованием схватился за нее, как ребенок, радуясь своей находке, быстро вернулся в палату, спас больного. Медсестра и врач тоже прибежали, но гораздо позже. А старик смотрел на Явера и довольно смеялся:

– Ну что? А говорил, больше никаких самоотверженных поступков!

Черные глаза Явера искрились радостью. Он сегодня сделал доброе дело. Протянул руку помощи тому, кто в этом нуждался.

ЧАСЫ

Часовщик с изумлением уставился на меня.

– Что с вами?

– Ничего, – ответила. Комок стоял в горле.

– Вот, смотрите, какие из этих часов вам нравятся, возьмите взамен... С каждым ведь может случиться такое. Ну, потерял. Сколько дней уже ищу. Наконец сегодня решил: скажу правду. И вас совестно уже утруждать. Каждый день приходите... и бледная вы какая-то... Ведь те часы....

Я не знала, что сказать часовщику. Не знала, как сказать. Правду скажешь... Смогла бы? Оттого, что скажу, мои часы найдутся?

Часовщик все еще таращил на меня глаза и безостановочно говорил:

– Мне страшно неловко. Никогда не попадал в такую ситуацию. Ума не приложу, как могло со мной такое случиться. Вы принесли часы в конце рабочего дня. Торопился я очень. Положил в карман. Может, выронил где. Может, кто и взял, но не признается, теперь как найдешь?

– Я вас умоляю. Скажите, сколько нужно, я заплачу. Только верните мне мои часы. Пусть испорченные. Пусть разбитые.

Слезы закапали из глаз. Достала платок. Отвернулась. Вытерла слезы.

Широкоплечий, с горящими глазами часовщик весь будто в клубочек сжался.

– Значит, потерялись, – жалостливо протянула я.

Снова не смогла удержаться, снова закапали слезы.

– Потерялись, – уныло подтвердил часовщик. – Я вас, правда, понимаю, наверное, это подарок был. Понимаю вас...

Я резко отвернулась, выбежала на улицу. Пальцы у меня были холодные, как лед. Мысли мои были о любимом. Почему его подарок потерялся? Он сейчас, наверное, дома. Говорит, смеется. Перед глазами своей озорной дочурки, наверное, держит часы и говорит:

– Посмотри на часы... Посмотри, который час уже. Ну-ка, за уроки.

А часы тикают, тикают... Кто же нашел мои часы? У кого они теперь? Почему они потерялись, мои часы, почему?!

АЙТЕН АКШИН

Памяти писателя

23 ноября 1936 –10 июня 2020

«Жизнь каждого человека – книга». Этими строчками поэт, прозаик и драматург Акшин Бабаев открывает свой автобиографический роман. Опубликовал он его пять лет назад. Свою книгу назвал «На пороге потустороннего мира» (O biri dünyanın astanasında, 2016).

Потусторонний мир... Тот свет... Как оно там?

Тот мир занимал его мысли не меньше, чем этот – насыщенный событиями, неожиданный крутыми поворотами, ошарашивающий предательством и завистью одних, возвышающий верностью и любовью других, наполненный радостью и горечью, надеждой и безысходностью.

Он рос в атмосфере недомолвок и недосказанности, происходивших в стране и в республике, трагедий большого террора. Детство совпало с голодным военным временем, молодость выпала на период оттепели, расцвет сил пришелся на застойные годы и перестройку, а зрелость – на период развала СССР и независимость Азербайджана.

В одном из интервью он как-то сказал: «Жизнь огромна, насыщена, ее не вместить в одну книгу». Он и не пытался: опубликовал сорок книг научного и художественного содержания, множество учебных, публицистических статей и очерков. Когда его спрашивали, как все совмещает, ведь трудно быть одновременно общественным деятелем, ученым, журналистом, преподавателем, писателем, переводчиком, – улыбался и говорил, что это у него наследственное, от отца, который тоже обладал недюжинными талантами. Молодежи, правда, настоятельно советовал: «Выберите одну область, следуйте по одному пути. Тогда вы сможете достичь желаемого».

Он любил и досконально знал всю азербайджанскую литературу. У него была феноменальная память. Подняв вверх правую руку, с дикцией, которой могли бы позавидовать многие актеры, он мог без остановки читать наизусть отрывки из поэм корифеев азербайджанской поэзии, декламировать стихи абсолютно разных, но одинаково любимых азербайджанских и турецких поэтов. Его первые шаги на литературном поприще тоже были поэтическими.

Он писал стихи всю жизнь. Со школьных лет. Долго не решался опубликовывать. Когда вышел в свет его первый поэтический сборник «Попросил глоток воды...» (Bir içim su istədim..., 2002), он уже был известным прозаиком и драматургом. Эпиграфом к этому сборнику он взял строчки Назыма Хикмета, с личностью и творчеством которого была связана вся его жизнь: «Говорить о себе «Я – поэт», это все равно, что кричать на каждом углу «Я – хороший человек». К этим словам всемирно известного турецкого поэта он, будучи сам признанным назымоведом, добавил следующие строчки: «Я не поэт. Здесь собраны лишь чувства моей души и сердца».

Он был поэтом. Во всех смыслах. Путь поэта и был его тот самый один путь, который он когда-то давно, еще будучи школьником, выбрал, которому подспудно следовал всю жизнь. И в каких бы жанрах ни звучало его журналистское, художественное, публицистическое и научное слово, оставался прежде всего поэтом. Последнее, что он успел написать, были тоже поэтические строчки.

В большую литературу он пришел из журналистики. Это определило его слог. Емкий, краткий, в точку. Он опускал лирические отступления и прямые высказывания, раскрывающие авторское отношение к своим героям и описываемым событиям.

Несмотря на солидный преподавательский стаж за спиной, никогда не сочетал художественность с проповедью. Часто повторял: «Читателя не нужно утомлять». И бесконечно доверял своему читателю, верил в то, что тот сам выстроит образ.

Эту особенность письма Акшина Бабаева, его особенные, доверительные отношения с читателем отметил народный писатель Азербайджана Мирза Ибрагимов: «Каждая из небольших новелл затрагивает один из уголков человеческого сердца, одну сторону нашей богатой, разносторонней жизни, одну чувствительную струну нашего духовного мира. Давайте прислушаемся к струне, звучащей в душе прекрасной Медины из новеллы «Всего лишь капля». Сначала отмечу то, что писатель никак не описывает внешность Медины. Не говорит, что она красива, нежна, легко ранима. К этим мыслям приходим мы сами, читая новеллу. Каждое слово, поступок, жест Медины создает в наших глазах живой образ прелестного, очаровательного, милого человека».

Основной проблемой, которая занимала его всю жизнь, была проблема взаимодействия личности и общества. Через призму этого взаимодействия решались и звучали по-новому в его художественном мире проблемы любви, жизни и смерти, социальной справедливости, раскрывались темы безумия общественного и личного, страха перед новой действительностью, велась открытая война с чиновничеством и обывательщиной (повести «Мужчины жили мало», «Словесная пуля», романы «Землетрясение», «Конец света», повесть «Тупик», пьесы «Раны», «Некролог», «Готовь деньги», «Приглашение», «Подлинная история», «Юбилей сатаны» и многие другие).

Тематика творчества писателя, будь то прозаические, лирические или драматургические произведения, была обширной. С конца восьмидесятых годов доминантные в его творчестве темы памяти, национального единения, патриотизма, свободы наполняются новым звучанием. Карабахская трагедия и боль звучат в его лирике, прозе, драматургии, очерках и выступлениях. Это многочисленные поэтические предостережения и воззвания, символичные названиями («Предатели», 1988, «Испепелишься», 1989, «Проснись, народ!», 1990). По силе и оригинальности жанрового решения выделяется в этом ряду его документальная повесть «Выпавшее на нашу долю», азербайджанское название которой (впрочем, как и во всех случаях) звучит лучше – «Başımıza gələnlər», 1994.

Он не находил себе покоя. Боролся словом. Никогда не соглашался с бытовавшим в ту пору мнением, что о Карабахской боли писать пока рано. Часто высказывал это в своих выступлениях и в печати: «Некоторые говорят, что писать художественные произведения на тему проблемы Нагорного Карабаха рано, нужно, чтобы время прошло. Я не согласен с этой мыслью. Разве в годы второй мировой войны такие наши талантливые мастера слова, как Самед Вургун, Сулейман Рустам, Расул Рза, Ильяс Эфендиев, Энвер Мамедханлы, писали свои произведения не в самый разгар огненных военных дней?»

Можно представить себе, как был бы он счастлив, доживи до освобождения Азербайджаном своих земель от оккупации, как скорбел бы по шехидам и чтил память героев.

Свою малую прозу он любовно называл «Маленькими листьями» (Kiçik yarpaqlar). Маленькие листья писательского древа интересны и занимательны. В них иначе, чем в лирике, драматургии и большой прозе раскрывается литературное дарование тонкого наблюдателя и знатока человеческих душ.

Острый интерес к внутреннему миру своих героев, психологическая манера письма сохраняются и в малой прозе. Прозаик остается верен поэтике простоты и характерной для его творческого мира концепции художественной правды. Открытые финалы, монологический принцип повествования, эпизодичность, фрагментарность, сюжетная незавершенность не являются приемами, а становятся структурным принципом его малой прозы. Пропуская множество подробностей в описании событий и конкретных героев, он в то же время уделяет намного больше внимания небольшим, и на первый взгляд малозначительным деталям. В результате именно эти малозначительные детали обретают особую смысловую нагрузку, начинают тяготеть к поэтическому обобщению, переходят в символ.

Получающиеся моментальные портреты, карикатуры и шаржи, выходящие из-под его пера, становятся живыми и узнаваемыми («Айвовые деревья»). Новеллы уже в названии заключают в себе ассоциации, например, с чашей терпения, которой зачастую хватает одной капли, чтобы переполниться («Всего лишь капля»), или с разными в разное время списками («Список»), ведь росчерком пера вершились человеческие судьбы. Субординационный идиотизм, существующий вне зависимости от общественного строя и находящийся в унисон с низменной стороной человеческой сущности, всегда был объектом острой сатиры писателя Акшина Бабаева. Но он вновь доверяет читателю, знающему то, что достойные поступки совершаются достойными людьми, верит в то, что читатель обязательно задумается над тем, как сам герой рассказа достиг «больших» высот. Его миниатюры отличает писательская способность ничего не рассказывая, поведать историю так, что отпадает необходимость в объемистом романе («Часы»), или без пафоса и нравоучений напомнить о простых истинах, сохраняющих меру человеческого в человеке («Один шаг»).

Он часто рассказывал один эпизод из своего послевоенного детства (есть он и в его автобиографическом романе под названием «Хлебные годы»). Простояв однажды в очереди за хлебом так долго, что на город уже опустились сумерки, он возвращался домой с полагающимся по карточке хлебным пайком, поверх которого бережно нес доставшиеся в тот день крошки и маленькие кусочки хлеба. Шел снег. Он поскользнулся и уронил один из кусочков хлеба. Долго потом в темноте лихорадочно искал этот кусочек, разгребая руками снег. Он нашел тогда этот самый кусочек. Но эпизод с хлебной крошкой, который он в страхе искал в темноте, чувства, охватившие его тогда, остались с ним на всю жизнь. Важным в этих воспоминаниях был внутренний, не по-детски строгий приказ – найти, существенным – отдать. Непременно отыскать, найти, но ни с тем, чтобы торопливо съесть самому, а с тем, чтобы донести до ближнего.

Этим ценностям он оставался верен всю жизнь. На поиски этой крошки, этого маленького кусочка отправляет он и своих героев, наблюдая за тем, сумеют ли они найти, отыскать, получится ли у них донести, не потерять, догадаются ли отдать.

В потерянной крошке хлеба – ключ к символам малой прозы писателя, к ее новеллистике. Символом в его художественном мире становится все, что угодно. Одно слово, один жест, один шаг, росчерк пера, капелька, часики, пес у входа, шарф, кривые очки, снег, один глоток воды. Абсолютно разные, эти символы одинаковы в одном: с них начинается новый отсчет. Это отсчет начала конца. Дружбе, любви, вере, надежде, всему тому доброму и хорошему, на чем держится жизнь, в которой важно не растерять главного и не потеряться самому.

Его как-то спросили, какая из тем главная в его творчестве. Он ответил так же емко, как писал: «Жизнь».

Он очень любил жизнь, со всеми ее радостями и печалями. Часто сокрушался: «То, что хочется еще сказать, больше того, что уже написано». Много и интенсивно работал, многое успел опубликовать, многое осталось незавершенным.

Говорят, что смерть уносит лучших. Правильно говорят, потому что после них остаются достойные поступки, мудрые слова и добрая, светлая память. Оберегать и чтить эту Память – долг живущих.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

КИНОНОВЕЛЛЫ

Побег

Дождь. Пустынная дорога. Едет мужчина за рулем «Жигулей». Навстречу, на всей скорости – грузовик. Грохот столкновения, скрежет металла, звон стекла…

… Из помятой машины с трудом выползает мужчина. Смотрит назад: далеко позади него мчится грузовик, становясь все меньше и меньше под дождем, в тумане…

Идут начальные титры: автор сценария, режиссер и т.д.

… Мужчина, хромая, шагает по дороге. Еле передвигается, падает. Следы крови, ссадины, ушибы на лице мужчины. Вороны, приземлившись недалеко от него, внимательно следят за ним. Он с усилием поднимается на ноги, вороны отлетают прочь. Мужчина идет по дороге, хромая и оглядываясь, в надежде на попутную машину…

… Проходит время. Мы видим его в разных частях дороги. Ему холодно, он кутается в какую-то непонятную куртку. Его нагоняет спортивная машина, за рулем – женщина. Машина тормозит рядом с ним, дверца распахивается. Мужчина не верит своим глазам, все еще пребывая в шоке после пережитой аварии…

– Я видела машину, – говорит она. – Повезло…

Он кивает.

– Нам по пути? – спрашивает она.

Он кивает.

– Садись, – говорит она, внимательно оглядывая его.

Он садится. Она резко трогает с места машину. Некоторое время молча едут. Она разглядывает его нахально. Потом шарит в сумочке, достает сигареты.

– Тебе что, специальное приглашение нужно? – раздраженно спрашивает она.

– Приглашение куда? – не понимает он.

– Приглашение зажечь мне сигарету.

– Но у меня нет спичек.

– Посмотри в бардачке, – говорит она и ворчит. – Спичек у него нет. Что вообще у тебя есть?

Он, удивленный ее тоном, смотрит на нее, достает из бардачка зажигалку. Подносит ей огонь. Она прикуривает, презрительно смотрит на него, выпускает дым прямо ему в лицо.

– Что-то имеешь против? – спрашивает она.

– Против чего?

– Против того, что у тебя вообще ничего нет. Например – мозгов.

Он бросает на нее опасливые взгляды. Не может понять.

– Мне кажется, что вы слишком опасно водите, – говорит он. – Дорога скользкая.

– Кажется ему! Сиди и помалкивай, раз уж напакостил. Ничего тебе не должно казаться.

– Но позвольте…

– Заткнись! Он еще издеваться будет, на «вы» обращается, подонок!

– Я не понимаю… Разве мы знакомы?

– Говорила тебе, говорила – не уезжай, нет, ты никого не слушаешь, никого, никого, никого!

Она жмет на педаль газа.

– Осторожно! – кричит он.

Им чудом удается избежать аварии.

– Я не могу понять, – говорит он и хватается за голову, – не могу понять, почему вы так со мной… Ох, голова раскалывается… Я ничего не помню. Не могу вспомнить… Не понимаю, что со мной… Вы, пожалуйста… – обращается он к ней, но она не дает ему договорить.

Она бьет его по щеке рукой с сигаретой между пальцев, сигарета падает на коврик.

– Что вы делаете!? – кричит он.

Он нагибается в поисках сигареты, поднимает, выбрасывает в окно.

– Не смей называть меня на «вы», шут поганый! – кричит она, нажимая на педаль газа.

– Остановите! – кричит он в страхе. – Останови машину!

Она неожиданно резко тормозит, он ударяется лбом о лобовое стекло.

– Убирайся! – говорит она.

Он выходит из машины. Она на скорости трогает машину с места и исчезает за поворотом дороги.

Холодно. Он ежится в своей куцей куртке на холоде посреди пустынной дороги. Некоторое время топчется, не зная, что делать.

Вдруг на дороге появляется машина, она на задней скорости подъезжает к нему, распахивается дверца.

– Садись, – говорит она. – Ты так легко от меня не избавишься.

– Дайте слово, что не будете ездить как сумасшедшая, – говорит он.

– Садись, я сказала! – кричит она.

Он садится в машину. Она на скорости берет с места.

– Если б не собачий холод, я бы ни за что… – говорит он.

Она, не обращая внимания на его слова, продолжает:

– Я сразу поехала за тобой. Как я обрадовалась, когда увидела на дороге разбитую машину, надеялась увидеть в ней твой обезображенный труп. Подлец, подлец! Мерзкая тварь! Заставил меня сделать аборт, когда я так хотела ребенка, во сне его видела, когда носила в себе, а теперь вижу в кошмарах.

Она снова дает ему пощечину.

– Если б вы не были женщиной… – в ярости говорит он.

– Что?! Что бы ты сделал, жалкое ничтожество?

Он не отвечает. Долгое молчание. Она опять водит слишком рискованно.

– Может, я поведу? – говорит он неуверенно.

– Это еще зачем? Боишься за свою вшивую жизнь? А ты вспомни, как требовал, чтобы я убила в своем чреве невинное существо. Боже!

– Бред, – говорит он. – Это какой-то бред… У меня голова раскалывается, я ничего не понимаю… Это бред, уверяю ва… тебя…

– Теперь для тебя это бред, – говорит она, – конечно. Теперь ты можешь унижать меня, втаптывать в грязь, издевательски называть на «вы», считая в душе мерзкой блядью. Что ж, радуйся, ты выиграл… Хитростью, подлостью, коварством заставил меня избавиться от моего… счастья.

Она вдруг резко тормозит на краю обрыва. Тихо плачет.

– Я правда не знаю, что тебе сказать, – говорит он. – У меня жутко болит голова. Видно, крепко ударился при аварии. Но уверяю ва… тебя, это – недоразумение… Я не имею никакого…

Она смотрит на него, и под ее взглядом он замолкает, не договаривает фразу. Он берет из ее сумочки сигарету. В сумочке он замечает розовый, как новорожденный ребенок, телефон. Курит, глядя перед собой в ненастное, дождливое небо.

– Смотрите, – говорит он, чтобы разрядить напряженную обстановку, – пока мы ехали, ни одной машины не было на дороге, вы заметили? Странно…

Она не отвечает. Долгое молчание.

– Кто-то был за дверью, – вдруг говорит она.

Он не понимает, смотрит на нее.

– Стук в дверь, – говорит она. – Тихий, ночной. Кто-то был за дверью, я чувствовала, что кто-то стоит за дверью. Но когда открыла – там никого не оказалось. Тихий такой стук был. Еле слышный…

– Какой стук? – спрашивает он.

– Сон. Это был сон. Мне приснился стук в дверь.

– А, сон, – говорит он.

– Да, – говорит она. Долго молчит, потом: – Врачи предупредили, что я больше не смогу родить после аборта. Нет шансов. Шансов – ноль. Зачем мне жить? – спрашивает она, обращаясь к нему.

Он в растерянности, недоумевая, смотрит на нее, боясь сказать что-то.

– Посмотри на меня! – вдруг говорит она и быстро выходит из машины. Подходит к краю обрыва и кричит ему:

– Посмотри на меня!

Она сбрасывает шубу и, голая, бросается с обрыва.

Он, онемев от ужаса, смотрит из машины на то место, где только что стояла она… Потом осторожно выходит. Подходит к краю обрыва и опасливо смотрит вниз. Внизу на камнях лежит ее голое, ослепительно белое на фоне пасмурного дня тело. Он долго не может оторвать взгляда от мертвого тела внизу…

… Трели звонка телефона из машины пробуждают его. Он подходит к машине. Достает из ее сумочки телефон…

… Мужчина спит в машине. Резкий стук в окно пробуждает его.

Он смотрит вокруг. Рука офицера полиции манит его из машины.

Он выходит и видит автоматчиков с собаками, полицейскую машину, две дорогие иномарки на обочине дороги, мужчин возле машин. Он осторожно подходит к краю обрыва. Показывает офицеру вниз на мертвое тело. Но внизу нет никакого тела.

– Не понимаю, – говорит он и тут видит женщину в шубе, с которой ехал в машине.

– Вы!? – радуется он. – Вы живы?!

Он еще раз смотрит вниз, чтобы убедиться.

– Садись в машину, – говорит ему офицер, защелкивая на его запястьях наручники.

– Но за что?! – кричит он.

– За что? – офицер ухмыляется. – Побег из тюрьмы, угон двух машин, изнасилование, – офицер кивает на женщину в шубке. – Этого тебе мало?

– Но я не трогал ее! – кричит он. – Поверьте…

– Ничего, – говорит офицер, – хватит и всего остального…

Он, ничего не понимая, озирается вокруг.

– Теперь ты будешь гнить в тюрьме пожизненно, – говорит офицер.

Оба автоматчика, подталкивая, подводят его к полицейской машине.

… Когда он проходит мимо женщины, она тихо, не оборачиваясь к нему, говорит:

– Стук в дверь… Помни…

… На дороге появляется тот самый грузовик, который разбил машину мужчины. Грузовик едет в обратном направлении, на скорости проезжает мимо, небритое лицо шофера, ухмыляясь, смотрит на арестованного мужчину через зеркало заднего обзора.

Не смотреть в глаза

Большие настенные часы в холле показывали без четверти десять, когда он, весь мокрый, вошел в гостиницу. На диване в холле сидел пожилой мужчина и читал журнал, в глубине – девушка у лифта, коридорный, спускающийся по ядовито- зеленой ковровой дорожке на широкой лестнице.

Он настороженно оглядел всех троих и, кажется, остался доволен: они не вызывали в нем подозрений. С короткого плаща его стекали капли дождя, он, оставляя мокрые следы на паркете, прошел к дежурному администратору за конторкой. Тот, бросив косой взгляд на вымокшего посетителя, красноречиво посмотрел на грязные следы от его ботинок на паркете. Проигнорировав взгляд администратора, он вытащил из бумажника какой-то документ, протянул к конторке и глухим, простуженным голосом произнес:

– Комнату до завтрашнего утра.

Администратор, даже не взглянув на документ в руке подозрительного посетителя, прежде чем дать ему заполнить бланк отеля, спросил:

– Деньги у вас есть?

– Не задавайте глупых вопросов, – сказал незнакомец. – Думаете, я не знаю, что за номер надо платить?

Тогда администратор молча протянул ему бланк. И он тут же, у конторки, заполнил его и вернул обратно.

Играя увесистым брелком на ключе от комнаты, он подошел к лифту и поднялся на четвертый этаж. Прошел по коридору, открыл ключом дверь и оказался в простеньком, на одного человека номере, где возле неаккуратно застеленной постели стоял видавший виды маленький письменный стол. Он подошел к столу, выдвинул ящик. Обнаружил в нем кем-то оставленный старый журнальчик для автолюбителей, вытащил из кармана плаща и положил в ящик поверх журнала пистолет с глушителем на дуле. Тихо задвинул ящик. Сняв плащ, он повесил его на вешалку в шкафу, подошел к кровати и повалился на нее, как был, в одежде и мокрых ботинках. Только теперь он почувствовал, как сильно устал; не прошло и пяти минут, в течение которых он, не мигая, глядел в потолок, о чем-то усиленно размышляя, как он уже впал в сон. Впрочем, спал он недолго и чутко, и стоило его ручным часам тихо зажужжать, как он тут же открыл глаза. Глянул на циферблат и поднялся с постели. На часах было десять минут второго. Ночь за окнами, мокрый снег. Он некоторое время глядел на машины, припаркованные у тротуара гостиницы, на медленно бредущего прохожего с обнаженной головой, потом прошел в ванную комнату, которая оказалась просто душевой и туалетом одновременно, вымыл руки под краном, плеснул в лицо холодной водой, чтобы прогнать сон, затем надел плащ, почувствовав плечами его холод. Подошел к письменному столу, достал из ящика пистолет и, пряча его под плащом, вышел из номера.

По коридору он дошел до лестницы возле лифта. Здесь ступени уже были не такими опрятными, как в холле, и не были покрыты ковровой дорожкой. Он спускался по грязным, загаженным ступеням; вдоль стен кое-где были надписи – имена, неприличные слова, какие любят писать подростки, и никто не удосужился их стереть. Гостиница была дешевенькая и сюда обычно, за редким исключением, приходили парочки на ночь, чтобы заняться любовью, а утром разлететься в разные стороны. Он спустился на два этажа и вышел в коридор второго, тихо пошел вдоль стены, отыскивая глазами нужный номер. На некоторых дверях вместо металлических цифр остались лишь светло-серые следы от них. Он дошел до нужной двери. На ней оставалась одна цифра, от другой – след. Он внимательно всмотрелся и убедился, что это и есть номер, который он искал.

Он взялся за ручку двери, но совершенно неожиданно дверь легко подалась внутрь. В номере горел ночник на столе, и отсюда, от двери, правая часть комнаты хорошо просматривалась. Он тихо вошел, плотно прикрыл за собой дверь и, крадучись, прошел по узкому коридорчику в комнату, держа палец на спусковом крючке пистолета под плащом. В комнате никого не было, но из душевой отчетливо доносился шум воды. Он постоял некоторое время посреди комнаты, потом уселся в единственное кресло под торшером, предварительно подвинув его так, чтобы сидеть лицом к душевой. Плеск воды прекратился, он невольно напрягся, взялся за пистолет поудобнее, не вытаскивая его пока из-под плаща, но под плащом навел дуло на дверь, из которой сейчас должен был выйти хозяин номера.

Когда из душа вышла девушка, на ходу натягивая банный халат на голое тело, он опешил, снял палец с курка, чтобы случайно не наделать глупостей. Она испуганно вскрикнула, завидев его, и некоторое время они удивленно смотрели друг на друга.

– Как?.. – произнесла, наконец, она. – Как вы здесь оказались?

– Дверь была открыта, – растерянно ответил он.

– Но это не означает, что вы должны соваться во всякую открытую дверь, – парировала она.

Испуг ее прошел, и теперь говорила она уверенно, напористо, хотя на вид ей было не больше двадцати пяти лет.

– Да, – сказал он спокойно. – Вы правы… Извините…

Он направился к двери, распахнул ее и вышел в коридор. За его спиной девушка захлопнула дверь, и он услышал, как отчетливо дважды повернулся ключ в замочной скважине. Он отошел от двери на порядочное расстояние, вытащил из кармана телефон.

– Я на месте, – сказал он в мобильный. – Но там девчонка.

Он внимательно выслушал ответ, отключил телефон, постоял несколько минут в коридоре, о чем-то усиленно думая. Потом вернулся к двери номера девушки, осторожно постучал. Она открыла дверь сразу же, будто ждала его возвращения.

– Извините, – сказал он. – Я должен войти.

Он ждал от нее естественной в данном случае реакции на его слова: что она молча захлопнет дверь перед его носом или накричит на него, но она неожиданно отстранилась от двери, давая ему возможность пройти в комнату. Впрочем, не приглашая и не прогоняя. Просто отошла от двери. Он прошел в комнату и снова уселся в единственное кресло. За окном теперь лил дождь, с промежутками завывал ветер. Она прикрыла дверь и прошла за ним в комнату, села на краешек кровати и мельком посмотрела на него, ожидая объяснений, но как только он ответил ей взглядом, тут же отвела глаза, словно даже мимолетный взгляд на него был ей противен. Он не знал, с чего начать, понимая, что начать все-таки нужно.

– Сколько вам лет? – после затянувшейся паузы спросил он.

– Для вас это имеет значение? – спросила она, явно ожидая не такого начала объяснений.

– Нет, я так спросил, – сказал он. – Можете не отвечать.

– Двадцать три, – сказала она.

– Вы здесь одна?

– Как видите.

– Вы проститутка? – спросил он.

– Нет, – просто ответила она, ничуть не оскорбившись.

– А что вы делаете здесь одна? Где ваши родители?

Она замялась, не зная, что ответить.

– Их нет, – произнесла она наконец.

– Умерли?

Она кивнула. Он подумал и спросил:

– Как они умерли? Погибли?

– Вы их убили, – сказала она, не глядя ему в глаза.

Он тоже отвел взгляд от нее, помолчал, осмысливая ее слова, быстротой ума он никогда не отличался.

– Вы хотите сказать, что их убил киллер?

– Вы и есть киллер, – сказала она.

– С чего вы взяли?

– У вас глаза бегают. Вы не можете смотреть прямо в глаза, – сказала она. – Вы боитесь, что если увидите глаза жертвы, не сможете убить?

– Для своих лет вы слишком проницательны, – сказал он.

Она, не отвечая, молча смотрела в пол равнодушным, ничего не выражавшим взглядом.

– Я бы выпил чаю, – сказал он.

– У меня нет.

– Все равно, – сказал он, – хоть кипяток. Согреться.

– У меня ничего нет, – сказала она. – Я утром должна уезжать отсюда.

– Уезжать? – спросил он. – Куда вы хотите уехать?

– Все равно куда. Уехать из этого города.

– Разве вы не прожили здесь всю жизнь?

– Ну и что? Что это меняет?

– Как вы сказали?

Она помолчала, словно раздумывая, стоит ли об этом рассказывать, потом все-же решилась.

– Когда не стало родителей, меня выжили из нашей квартиры. Короче – отняли у меня квартиру, все в этом грабеже участвовали: и участковый полицейский, и начальник жилищной конторы, и кое-кто из соседей, заинтересованных в нашей квартире… Что я могла? Это было пять лет назад, мне тогда было всего восемнадцать, некому было за меня заступиться. Близких родных у меня не осталось: поумирали, разъехались… Сначала ходила к дальним родственникам, жила немного то у одних, то у других, потом на вокзалах ночевала… Страшно вспомнить… На работу только устроюсь куда-нибудь – на следующий день хозяин приставать начинает: хочешь работать – ложись… Всего натерпелась… Зачем вы пришли сюда? Что вам от меня нужно?..

– Я не знаю, – ответил он не сразу. – Честно говоря, я сам не пойму. Думал, произошла ошибка, но заказчик настаивает.

Он не договорил, она подождала, но он и не думал продолжать.

– Что это значит? – спросила она с тревожными нотками в голосе, – какой такой заказчик?

– Ну… – начал он неохотно объяснять. – Вас заказали. Главное, он говорит, ориентируйся по месту, а не по объекту, то есть, убрать любого, кто будет в этом номере… Вас хотят убрать.

– Убрать? Куда убрать? – не поняла она.

Он усмехнулся ее непонятливости и еще больше утвердился в мысли, что произошла ошибка, что заказчик перепутал, имел в виду не эту девушку, другую мишень.

– Это теперь неважно, – сказал он. – Я вижу, что ошибся, вернее, он ошибся – хозяин. Но, честно говоря, теперь я не знаю, что мне делать.

– А-а… Я поняла… Вас просили убить меня, да? – спросила она с таким наивным видом, что у него на мгновение сжалось сердце.

– Ну…В общем-то… – промямлил он.

– И вам за это платят?

– Да, – признался он.
– Хорошо платят?
– Неплохо. Жить можно, – сказал он.
– И когда вы убиваете не тех, кого надо, – тоже платят?
– Такого еще не было, – сказал он.
– Но сейчас это могло бы случиться, – сказала она.
– Но не случилось же, – сказал он, будто оправдываясь.
– Только потому, что мы поговорили, – сказала она.
– Нет, я просто засомневался, что такая девушка, в смысле, такая молоденькая, может кому-то мешать…
– А разве вам не дают фотографии людей, которых?… Я в кино видела – так делают.
– Нет. Мне просто сказали, где вы находитесь, в каком отеле, в каком номере…Вы что, думаете, на каждого, кого нужно убрать, заводят дело? Насмотрелись фильмов про мафию? – он усмехнулся наивности ее вопроса. – Нет, у них все гораздо проще. И они не очень-то со мной распространяются о деле – коротко: поди туда, убери того, и все…
– И многих вы убрали?
– Нет, я совсем недавно занимаюсь этим делом, – сказал он.
– А почему вы это делаете?
– А что мне делать? Был на войне… Убивать научился… А теперь оказалось, за это платят…
– А сколько человек вы убили?
– На войне?
– Нет. Так. В жизни.
– Двоих.
Она задумалась, опустив глаза.
– И как вам платят за работу? Вперед?
– Задаток. Половину. Половину после работы, – сказал он так просто, будто говорил об обычных, будничных вещах.
– Понятно, – сказала она, вздохнула, поднялась, подошла к окну за его спиной, посмотрела вниз. – Что за погода, – тихо, с грустью в голосе произнесла она. – Дождь, дождь, дождь…
– Осень, – сказал он. – На то и осень… – помолчал немного, потом озабоченно прибавил: – Однако, ситуация… Что же мне теперь делать? Ведь это явно не вы… Это не можете быть вы.
– Да, – сказала она спокойно. – Это не я. Дураку ясно. Кому я нужна?
Воцарилось хрупкое молчание, и он очень скоро нарушил его.
– Ты говорила, твоих стариков убили? А за что их убили? – спросил он.
– Они не были стариками, – покачала она задумчиво головой.
– Да, конечно, я имел в виду – родителей.
– Точно не знаю… – сказала она неохотно. – Папа был политиком, вмешался в какую-то крупную авантюру… Большие деньги… Ехали на машине вместе с мамой, им устроили аварию…Огромный самосвал… Смял их… – она зашмыгала носом. – Я оставалась с бабушкой. Когда мы узнали, у бабушки случился инфаркт, и она умерла через день в больнице. Можете представить, каково мне было одной…
– Да, положение нелегкое, – покивал он головой сочувственно. – Но что же мне делать? Надо же что-то решать…
Она тоже задумалась.
– Надо отрабатывать вторую половину денег? – усмехнулась она желчно.
– Нет, вообще… Если это не вы…
Наступило долгое молчание.

– Я, кажется, придумала, – вдруг сказала она.

– Да? И что?

– Мы можем поехать к тому человеку?

– Какому человеку, – не понял он.

– К тому, кто вас послал сюда.

– А зачем вам это?

– Очень просто. Вы покажете меня ему, и он поймет, что ошибся. Он же должен знать в лицо, кого собирается убрать, да?

Он задумался, ответил не сразу.

– Вообще-то, это идея. Но надо заранее предупредить. Я позвоню.

– Не надо никуда звонить, – сказала она. – Просто поедем к нему.

– А почему не позвонить?

– Позвоните, он будет настаивать, тогда что? Убьете меня, невинного человека? Бога не боитесь?

– Боюсь, – сказал он, подумав. – Хотя работа такая, что часто забываешь о Боге.

– А вы не забывайте. Невинного убить – это двойной грех, – сказала она убежденно.

– Да? Кто это сказал? – засомневался он.

– В Библии написано, – сказала она со знанием дела.

– А-а…

– Не читали?

– Нет…

– Обязательно прочтите. Бросите эту работу.

– Этого я и боюсь, – сказал он. – Чем тогда зарабатывать на жизнь? Хватит, поошивался без работы.

– А вам много надо одному? – поинтересовалась она.

– С чего вы решили, что я один?

Она помолчала, разглядывая его с ног до головы бегающим взглядом.

– У вас одинокий вид, – подытожила она свои поверхностные наблюдения.

– Это обманчиво, – сказал он. – У меня старая мать и сестра-калека. Я о них заботусь.

– Ну, как вы решили? Мы едем? – вдруг резко спросила она: было видно, что последняя его фраза ей не понравилась, и она хотела поменять тему.

– Что ж, поехали, – сказал он, посмотрел на нее долгим взглядом – тонкая, ладная фигурка, девическая свежесть на лице ее, несмотря на тяжелую жизнь, все еще сохранялась, только ранние морщинки у рта и грусть в пустыне глаз, в которые она не давала заглянуть, выдавали, что ей пришлось нелегко в жизни, и все, что она рассказала ему о себе, – это правда. Но, несмотря на нелегкую судьбу, вид у нее был очень наивный. «Видно, жизнь ее ничему не научила, – подумал он. – Она может довериться любому встречному, и ведет себя так, будто в ее молодые годы жизнь ей надоела и ей абсолютно все равно – остаться жить или умереть». У него сжалось сердце. Она все больше ему нравилась, ему вдруг захотелось взять ее за руку. Его тянуло к ней.

– Можно взять вашу руку? – спросил он неожиданно для себя.

– Зачем? – удивилась она.

– Не знаю, – признался он.

– Глупости, – тихо произнесла она усталым голосом. – Выйдите, пожалуйста, мне нужно одеться.

Он покорно кивнул, вышел в коридор, прислонился к стене возле ее номера, вытащил из кармана мятую пачку дешевых, крепких сигарет и закурил, глубоко и жадно затягиваясь.

Он чувствовал, что с ним происходит что-то хорошее. Но боялся назвать, дотронуться, расплескать нечаянно это неназванное прекрасное чувство, что за все свои сорок три года он, может быть, впервые по-настоящему ощутил здесь, в этой убогой гостинице, к этому наивному, простому, одинокому существу. Ему вдруг захотелось, страстно захотелось заслонить ее от опасности, пусть даже это будет рискованно, пусть даже ценой своей жизни. Он был удивлен этому мальчишескому чувству, что охватило его внезапно, но в то же время был обрадован, будто вернулся в свое далекое, чуть брезжущее в памяти детство, когда готов был защитить любого слабого, любого, кто нуждался в помощи, и не боялся ни Бога, ни черта. Не как теперь, когда прошла большая часть жизни, и он боится хозяина, своего работодателя, боится, что может остаться без работы, без этой проклятой работы.

Щелкнул замок двери. Она вышла с небольшой сумкой в руке, одетая в дешевенький плащ и стоптанные туфельки. Он, широко и глупо улыбаясь, оглядел ее.

– Сапожек у вас нет? – спросил он. – Ноги промочите.

Он чуть не сказал «ножки».

– Нет, – сказала она и прибавила, не глядя на него: – Вы тоже не лучше одеты.

Отдавая ключ от номера портье с заспанным порочным лицом педераста, она вытащила тощий кошелек, чтобы расплатиться, но он опередил ее. Достав из кармана брюк внушительную пачку крупных купюр, он заплатил за свой и ее номера, и они вышли на улицу. Дождь прекратился. Они пошли к стоявшим неподалеку ночным такси. Уже светало.

– Деньги за мою жизнь? – спросила она, лукаво скосив глаза на его оттопыривающийся карман. – Точнее – за мою смерть?

– Да, – сказал он, улыбаясь до ушей шутке, глядя на нее и получая удовольствие от ее вида, от того, что она идет рядом с ним, что он держит ее под руку, заботливо обходя лужи, чтобы она не промочила ноги в легких туфлях.

– Еще один факт, говорящий в мою пользу, – сказала она.

– Это как? – не понял он.

– Кто же столько за меня заплатит? Хватило бы и десятой доли.

Ему понравились ее слова, но она, словно играя с ним, тут же прибавила:

– А представляете, если окажется, что это я и есть?

И рассмеялась тихим, рассыпчатым, нервным смехом. Он улыбнулся еще шире ее шутке. Ее смех очень ему понравился, он был милым, и в то же время было в нем много чувственности; не переставая улыбаться, он ощутил вдруг, как затрепетало сердце у горла, готовое выскочить, взорваться. Она, что-то почувствовав, мельком глянула на него, отстранилась, отняла руку. И его внезапно охватило одиночество, словно сверху упала на него невидимая клетка, оградив его от всего мира, или, вернее, оградив весь окружающий, уже становившийся прекрасным, мир от него, в клетке. Приклеенная улыбка медленно сползала с его лица.

– Вы всегда так глупо улыбаетесь? – спросила она и еще раз тихо, коротко рассмеялась.

– Не знаю, – опять невольно улыбаясь, сказал он. – Не следил за этим. Вообще-то очень редко.

– Почему?

– Нет поводов.

– Не удивительно, – сказала она. – С вашей работой.

– Нет, не в этом дело, – сказал он. – Я же говорил вам – я совсем недавно начал, – он немного помялся и вдруг, решившись, произнес: – Мне с вами так хорошо. Правда. Может быть, никогда так не было… Не помню уже…

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Она отвела глаза, даже отвернулась.

– Вот такси, – сказала она. – Мы на такси поедем?

Он кивнул, открыл дверцу машины, пропуская ее вперед, и сел рядом.

Она сидела, засунув руки глубоко в карманы плаща. Он осторожно, нерешительно просунул руку в ее карман, нашел ее холодные пальцы, сжал их легонько.

– Это что-то новенькое, – сказала она тихо, с улыбкой в голосе, не глядя на него.

– Вам не нравится?

И так как она не отвечала, он не вынул руку из кармана ее плаща, чувствуя, как тепло его пальцев медленно передается ее руке.

Больше они в машине не произнесли ни слова.

Он остановил такси в двух кварталах от нужного дома, расплатился и они оставшийся путь прошли пешком. Уже совсем рассвело, и на улице стали попадаться редкие прохожие, спешащие под угрюмым ноябрьским небом, готовым в любую минуту разродиться дождем или мокрым снегом.

– А зачем мы идем пешком? – спросила она, когда они уже проделали изрядный путь. – На такси нельзя было?

– Хозяин не велел подъезжать к дому, – с серьезным видом сказал он. – Только пешком.

– Прямо сети шпионажа, – усмехнулась она.

Дом был старый, архитектурный, с огромной толщины стенами, из тех, которые по каким-то смутным соображениям городские власти еще не объявили архитектурным памятником. Они вошли в подъезд и по мраморной лестнице поднялись на третий этаж.

– Здесь его офис, – шепнул он ей таинственно и взял ее за руку.

– Не бойся, не убегу, – шепнула она в ответ и отняла у него руку.

Слишком резко. Ему стало неприятно.

– Там много народу, наверно, – сказала она.

– Вряд ли… – сказал он. – В такое время он обычно бывает один.

На площадке третьего этажа они подошли к сейфовой входной двери без номера на ней, но с домофоном, пристально следящим за гостями. Он нажал кнопку звонка. Она отвернулась к окну парадного с широким, как двуспальная кровать, подоконником. За окном шел дождь.

– Дождь, дождь, дождь… – тихо, грустным голосом произнесла она. – Такая скука…

У него защемило сердце. Когда щелкнул замок отпираемой двери, она, четкими движениями достав из сумки нож, стремительно – как молния сверкнула – воткнула его ему в горло по самую рукоять, и когда он, суча ногами и дергаясь, упал, выхватила у него из кармана пистолет с глушителем и выстрелила в лоб открывшему дверь мужчине. Тот безмолвно рухнул в прихожей.

– Хватит на меня охотиться, – сказала она трупу в прихожей и бросила на него пистолет.

Она аккуратно, бесшумно прикрыла дверь в квартиру, подошла ко все еще дергавшемуся в предсмертной агонии телу мужчины с ножом в горле, вытащила нож из раны, вытерла его об брюки умирающего, положила обратно в свою сумку, вынула увесистый ком денег из его кармана и, сидя на корточках перед тихо хрипящим киллером, изо рта которого обильно пошла кровь, произнесла точно таким же тоном, грустным голосом, которым говорила минуту назад про дождь:

– Не смотреть в глаза…

Наверху, двумя этажами выше хлопнула дверь, кто-то стал неторопливо спускаться. Она быстро спрятала деньги в карман плаща, куда он совсем недавно совал руку, чтобы согреть ее холодные пальцы, и побежала по ступенькам. Когда она выходила из подъезда, сверху послышался чей-то истошный крик – не то звали на помощь, не то просто кричали со страху.

Аритмия

Лес. Сквозь деревья виден маленький домик, занесенный снегом. Камера приближается к домику. Метель в лесу. Домик на опушке леса, большое, свободное от деревьев пространство. В замерзшее окно видно, что внутри горит огонь в железной печке, кто-то возится у печки, потом надевает телогрейку и выходит из двери прямо на камеру. Это мужчина средних лет, в руке у него железнодорожный знак, которым обычно показывают машинисту поезда, что проезд открыт. Мужчина идет по лесу, вскоре деревья кончаются, и на окраине леса, занесенные снегом, видны рельсы. Мужчина останавливается возле них, стоит, непонятно для чего, потом поднимает знак в руке, держит его некоторое время, смотрит вслед воображаемому поезду. На этом фоне появляется название фильма

АРИТМИЯ

Идет часть титров – автор сценария, режиссер и т.д.
За кадром слышен отчетливый, спокойный стук сердца…

Мужчина идет обратно, к домику. Он входит в домик, запирает за собой дверь, скидывает с себя тулуп, греется у печки, потирая руки, потом подходит к маленькому столику и режет на нем хлеб. Медленно ест хлеб, глядя в маленькое, занесенное снегом окошко. Осматривает внутренность своего маленького домика и его глазами мы видим интерьер убогого бедного помещения – кровать железная допотопная, столик, за которым он сидит, табурет, на котором сидит Немой, печка, в которой горят дрова, рядом лежат поленья, топор, на стене висят в ряд восемь ножей-финок. На другой стене висят портреты Сталина, Берии, Калинина. Немой смотрит на финки, потом подходит к стене, трогает их одну за другой, смотрит в заснеженное окно…

… Немой, теперь гораздо моложавее, чем мы его видели в первом эпизоде, стоит у железнодорожного полотна, ждет поезда. Он в железнодорожной форме, фуражке, в руках – железнодорожный знак, которым он собирается указать машинистам, что путь открыт. Появляется поезд. Немой поднимает знак. Поезд мчится мимо. Немой провожает его взглядом. Вдруг из последнего вагона что-то летит на землю. Немой торопливо приближается и видит, что это человек, молодой человек, из тела которого торчат ножи-финки. Немой поспешно вытаскивает из тела юноши ножи, старается перевязать его раны. Юноша открывает глаза, видит Немого.

– Жизнь такая большая… – говорит он слабеющим голосом. – А мне не нашлось в ней места…

Немой, пораженный этими словами, застывает над телом юноши. Тот умирает у него на руках…

… Немой закапывает мертвое тело, насыпает холмик в виде могилы, стоит, опершись на лопату и задумчиво смотрит на могилу. В руках у него – восемь ножей-финок…

…Немой сидит в доме, чинит валенки, зашивает. Смотрит на портреты Сталина, Берии, Калинина. Потом подходит к ним вплотную, стоит спиной к камере, спускает штаны и начинает мастурбировать, глядя на портреты…

Раннее утро. Сквозь деревья просачивается рассвет. Немой идет по тропинке. Тащит за собой пустые сани, в санях – пустые мешки…

… Немой выходит к поселку. Здесь – дома, избы, на улице видны дети, они играют в снежки, катаются на санках. Немой идет по улице поселка, тащит за собой сани, подходит к сельскому магазину… Из сельского магазина выходит женщина, молча машет Немому, чтобы он шел в магазин…

… Немой входит в сельский магазин. Здесь на полках самый разный убогий товар: топоры, валенки, консервы-тушенки, бутылки водок стоят в ряд, гармонь не очень новая и прочее...

– А, явился, – говорит хозяйка. – Жив еще?

Немой серьезно кивает.

– Ну, давай мешок.

Он протягивает ей пустой мешок. Она заполняет мешок продуктами, мукой, картошкой. Из двери кладовки выходит девочка, смотрит на Немого.

– Племянница моя, – говорит хозяйка Немому, кивая на девочку. – Жила в райцентре. Теперь сирота. Взяла к себе, пусть помогает.

Немой кивает. Девочка с любопытством смотрит на него.

– Тетя, а он что, немой? – шепотом спрашивает она у хозяйки.

Та не отвечает, занятая мешком, потом говорит девочке:

– Беги, скажи соседкам – стрелочник пришел.

– И что? – спрашивает девочка.

– Беги, тебе говорят. Они сами знают, что…

Девочка выбегает из магазина. В магазин входит НКВДэшник в форме. Строго, пристально смотрит на Немого.

– Это мои личные продукты, – говорит хозяйка, кивая на мешок. – Не магазинные.

НКВДэшник молчит, сверлит взглядом Немого.

– Война, слава Богу, пять лет, как кончилась, – говорит хозяйка. – Можно вволю поесть…

– Не нравится он мне, – говорит НКВДэшник, – подозрительный субъект.

– Что в нем подозрительного? – говорит хозяйка. – Человек как человек. Одичал только без людей.

– Я буду следить за каждым твоим шагом, – говорит НКВДэшник Немому, долго смотрит на него, затем выходит из магазина.

В магазин входит несколько женщин со свертками в руках, они молча кладут свертки в мешок Немого. Он взваливает мешок на плечи, выходит из магазина, на улице кладет мешок в сани и идет из поселка. Хозяйка, женщины в магазине провожают его взглядами. Девочка на улице смотрит вслед Немому. Входит в магазин. Женщины выходят.

– Тетя, а кто этот стрелочник? – спрашивает девочка у хозяйки. – А он правда, что ли, немой?

– Он тут, на железной дороге работал, в двенадцати километрах от нашего поселка. Теперь уже давно там не ходят поезда. Говорят, к весне будут разбирать там рельсы.

– А зачем вы ему продукты бесплатно дали?

– А тебе жалко стало, да?.. Раньше он получал зарплату на железной дороге и все у нас покупал, а когда поезда по той ветке перестали ходить, его уволили, но он остался жить там, в своей будке стрелочника, видно, некуда ему податься… Немного умом тронулся. Говорить перестал. Но он совсем безобидный. Вот начнут разбирать рельсы, и его домик тоже разломают. У нас любят ломать… Раз в месяц приходит в поселок за продуктами, денег у него уже нет, но надо же человеку кушать… Да и нам он очень помогает… После войны в поселке мужиков раз-два и обчелся… А он мастеровой, руки золотые, что надо починить, смастерить, так наладит – любо-дорого смотреть… Хороший человек, ничего не скажешь…

… Раннее утро. Немой в своем жилище пьет воду за столом, ест хлеб. Вдруг – стук в дверь. Поперхнувшись от страха, Немой на цыпочках подходит к двери, прикладывает ухо к двери. Резкий стук повторяется. Он отскакивает от двери. Весь трясется. Наконец решается и открывает дверь. На пороге стоит озябшая девушка.

– Я заблудилась, – говорит она. – Не прогоните?

Немой не успевает отреагировать на ее слова, как она уже быстро входит и плотно прикрывает за собой дверь. Девушка очень напористая – это видно в каждом ее жесте, в каждом слове.

– Немного отдохну и пойду, – говорит она, ставя свою сумку поближе к печке и подбрасывая в печку полено, лежавшее рядом.

– Тут где-то село должно быть, – говорит девушка, снимая обувь и ставя ее возле печки.

Немой не отвечает.

– Ты что не отвечаешь? Немой, что ли?

Немой кивает.

– А ты один здесь живешь? – девушка оглядывается, чтобы определить.

Немой кивает.

Она вытаскивает из сумки свои вещи, раскладывает их. Он начинает готовить тесто для хлеба. Она смотрит на него.

– Давай я. Я умею.

Она отстраняет его, и сама начинает месить тесто. Он нерешительно топчется, не находя себе места, потом одевается и выходит. Он ходит вдоль рельсов, расчищает их лопатой, делает бессмысленные дела. Видит вдали, на рельсах, убегающий от него призрачный поезд. Немного потоптавшись без дела, идет обратно к домику. Входит. Видит – внутри все не так, как было раньше. По диагонали протянута бельевая веревка, на ней висит ее мокрое белье, ее вещи разбросаны по комнате, сама она лежит на его постели и храпит, как очень утомленный человек. Он плотно прикрывает за собой дверь. Она тут же вскакивает с постели.

– Ты хочешь есть? – она показывает жестами, как глухонемому.

Он, подумав, кивает. Она подает ему есть. Садится на кровать и смотрит, как он ест. Он стесняется под ее взглядом.

– Вообще-то, честно говоря, мне некуда деваться. Я бы пожила у тебя немного. Можно? А за это ты, когда захочешь, можешь делать меня, – она показывает руками, объясняет ему. – Ну, как? Согласен?

Он, подумав, мрачно кивает. Она тут же ложится обратно в постель и, как очень уставший человек, моментально засыпает. Она храпит. Он подходит и смотрит на нее, храпящую. Ищет, где можно было бы поспать. Бросает возле печки пустые мешки и ложится на них…

…Призрачный поезд на рельсах…

… Ночь. Она тянет его к кровати.

– Иди, иди, – говорит она. – Я не хочу стеснять тебя. Иди, ложись на свое место, не то прогонишь меня…

Она укладывает его в постель, ложится рядом и начинает ласкать его, раздевает, делает ему минет. Немого, долгие годы не бывшего с женщиной, это потрясает, он не может заснуть. Она же, сделав свое дело, и думая, что этим самым привязала его к себе, спокойно засыпает и вновь начинает храпеть…

Размеренный стук сердца, иногда появлявшийся за кадром сменяется беспокойным стуком – аритмия…

… Утро. Он по привычке поднимается с постели и выходит к несуществующему поезду…

Немой входит в домик. Она там вовсю хозяйничает. Он не может найти себе места.

– Так я поживу у тебя? – она лукаво улыбается ему.

Он мрачно кивает. Ему некуда деваться…

… Сменяются времена года…

Немой входит в домик и застает ее кидающей ножи в стенку. Отбирает у нее ножи.

– Жалко, что ли? – говорит она. – Все равно делать нечего…

Он молча раскладывает ножи, как они были. Она подходит к нему, трется об него животом.

– Хорошая новость для тебя, – говорит она. – Я беременна. К концу лета рожу. У нас будет ребенок. У тебя будет сын. Ты рад?

У него из рук выпадает кружка, вода разливается по полу…

Сильный беспокойный стук сердца за кадром – аритмия…

… Ночь. Немой спит рядом с девушкой. Тихо поднимается с кровати, стараясь не разбудить ее…

… Немой идет вдоль рельсов. Темно. Вдруг он останавливается, садится на корточки, вытирает рельсы рукавом, гладит их, как живое существо.

– Скоро вас здесь не будет, – говорит он. – Вас уберут… Как тогда встречать утренний шестичасовой или вечерний девятичасовой, а? Как тогда жить? Сломают и мой дом, куда мне тогда? Нет, это не моя жизнь… Жизнь такая большая, а мне не нашлось в ней места…

… Немой идет лесом. Оглядывается, смотрит на нас, в камеру…

… Раннее утро. Девушка просыпается в постели Немого. Его нет рядом, но это ее не беспокоит, она привыкла, что по утрам его не бывает рядом. Но открыв глаза, она не видит привычной уже бельевой веревки, протянутой из угла в угол. На полу валяются ее белье и одежда, которые висели на веревке…

… Девушка бежит лесом, бежит вдоль рельсов…

… Она подбегает к высокой сосне и видит его, повесившегося на ветке сосны на ее бельевой веревке. Внизу, аккуратно сложенные, лежат его телогрейка и валенки. Она стоит некоторое время ошарашенная, смотрит на висящий наверху труп, потом забирает валенки и телогрейку и медленно возвращается обратно…

На ее проходе идут титры.

МАЯ КАСИМОВА

ЭТАПЫ ТВОРЧЕСТВА И МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ НАТИГА РАСУЛЗАДЕ

Недавно вышел в свет новый сборник «Стоявший за дверью» заслуженного деятеля искусств, народного писателя, лауреата многих отечественных и зарубежных литературных премий, кавалера ордена «Шохрат», писателя, педагога, общественного деятеля, в творчестве которого на сегодняшний день практически отражены все этапы развития азербайджанской литературы конца XX – начала XXI века.

За плечами Натига Расулзаде уже более пятидесяти сборников рассказов, романов, повестей, и уже нет необходимости доказывать, что писатель находится на пике, на вершине мастерства своего творчества.

Как известно, у каждого писателя свой путь в литературе. И думается, что в новом сборнике «Стоявший за дверью» точно обозначена центральная тема прозы Н. Расулзаде. Это жизнь, быт, менталитет и психология бакинского жителя, тема, которой, начиная с раннего этапа творчества, автор не изменял и шел своей тропинкой, которая в дальнейшем стала широкой и долгой дорогой в избранную профессию. Один из его ранних рассказов так и называется «Тропинка».

И в этом новом сборнике рассказов его герой, городской житель, продолжает настойчиво биться над вопросом: «Что есть реальность, и какое место он, герой автора, занимает в нашей повседневности?»

В своё время автору пришлось преодолеть ряд преград и обвинений, ему в советский период вменялись в вину слишком явная откровенность и раскованность его прозы и многое другое, но эти трудности не сломили писателя, и об этом свидетельствует большое количество произведений, опубликованных и за пределами республики, в России, странах Европы, в США. И можно твердо сказать, что в его книгах – вся его жизнь, его биография, судьба, как обычно и случается в творчестве крупных писателей.

Показывая внутренний мир героя-современника, писатель принял активное участие в развитии современного мышления азербайджанского читателя, а значит, и в развитии азербайджанской прозы на пути её становления от модернизма к постмодернизму, при создании принципов и приемов магического реализма.

С рождением новых произведений в творчестве Н.Расулзаде качественно обновляются принципы и приемы в создании художественного типа героя-современника.

Рассказы эти поражают читательское воображение незамысловатостью сюжетов, и в то же время притягивают глубиной и остротой повествования, о чем и свидетельствует новый сборник, собранный из искренних, но в то же время парадоксальных, необычных произведений.

Но, прежде чем говорить о новом сборнике, нам следует отметить ряд заслуг писателя и сказать о его участии в создании новых тенденций в литературном процессе азербайджанской литературы конца XX – начала XXI века.

Уже в структуре созданного им исторического романа «Хонхары», который произвел взрыв в сознании общества и заслужил ряд положительных отзывов, писателю удалось принять участие в трансформации нового типа исторического романа, о чём ярко свидетельствует весьма занимательный, почти с детективным началом сюжет романа, развертываемый в абшеронском селении Маштага.

Не ошибемся, если станем утверждать, что роман «Хонхары», пожалуй, первый опыт в азербайджанской литературе, стремящийся проследить судьбу одной азербайджанской семьи на протяжении столетия и на примере этой одной семьи – судьбу целого народа, к которому принадлежит автор и о котором он пишет с искренней любовью и пониманием.

Талантливо разработана тема «кровавой мести», которая развертывается после убийства родоначальника рода Аганеймата во время перестрелки с иноверцами, ибо он, маштагинец Аганеймат, стал ярым сторонником реформ, проводимых лидером мусаватистов Мамед Эмином Расулзаде, и его идеи государственности и создания независимого Азербайджана. Все эти факторы, наряду с обращением к менталитету нации, способствовали формированию новой структуры жанра исторического романа. В этом романе наглядно просматривается мастерство писателя, начавшего свое творчество с жанра лирического рассказа. И тут сразу вспоминается рассказ об ослике, уже давно ставший хрестоматийным. Именно в этом романе наиболее четко проявилась одна из особенностей творчества писателя – философски подходить к лежащему на первый взгляд «почти на поверхности» сюжету. Позиция Н.Расулзаде по отношению к исторической и современной действительности свидетельствует о широком творческом размахе писателя в показе реально-судьбоносной эпохи на примере жизни одного из главных героев села Маштага Аганеймата, начиная с событий конца XIX века.

Анализируя это произведение, мы видим, что если писатель ранее концентрировал свое внимание на типе интеллигента и городского мещанина, то с ростом мастерства автора наблюдается осознанный переход писателя к новому типу героя – национальному характеру.

Что мы можем отметить при сравнении особенностей ранней прозы с приемами и методами позднего творчества писателя? Ранняя проза, опирающаяся на жанр рассказа, имея свои художественные и специфические особенности, первоначально представляла собой сборник новелл, который можно было объединить в один роман с перипетиями линий жизненных судеб, с постоянством и определённостью в выборе действующих лиц, где главным героем был городской житель, его современник.

Можно утверждать, что в связи с важностью рассмотрения нового типа характера – национального, заявившего о себе в литературном процессе второй половины XX – начала XXI века, в произведениях Натига Расулзаде («Всадник в ночи», «Хонхары») присутствует обращение к нравственным исканиям и раздумьям национального типа героя-современника в контексте модификации его типажа. Ретроспективный анализ процесса формирования русскоязычной азербайджанской прозы, находящейся на перекрестке двух национальных культур: азербайджанской и русской, показал, что поступательное развитие в этом направлении – новый импульс в творчестве писателя.

Раскрывая поведение и интересы городского жителя-интеллигента, мещанина, писатель постоянно в своих интервью говорит о том, что никогда не навязывает читателю представление о своем герое. И мы считаем эту точку зрения его писательской позицией: «Мои герои должны быть полностью свободными от характеристики, навязываемой им критикой: положительный или отрицательный герой».

Говоря о положительных и отрицательных чертах своих героев, Натиг Расулзаде неоднократно подчеркивал, что характер человека не может состоять только из положительных черт. Это было бы неинтересно. Кроме того, отрицательные персонажи у любого талантливого писателя получаются более интересными, чем положительные, и многие читатели отчего-то тянутся именно к отрицательным, перечитывают, смакуют особенно отрицательные черты, примеряют их на себя. Но, как мы предполагаем, показ отрицательных черт в поведении героя не является главной писательской задачей.

Писателю важно показать нравственный путь, совершаемый героем от плохого поступка к осознанию неправильности своего поведения.

В одном из рассказов его нового сборника – «Девушка в красном» – многоплановость в поведении героя, делающего постоянно пакости, раскрывается писателем как желание героя, чтобы его оставили в покое, «чтобы его забыли, будто его и нет вовсе».

Автор все время подчеркивает в характере своего героя исполнение двух важных для него желаний, которые он в борьбе за выживаемость стал превыше всего ценить в жизни: «выигрыш и деньги».

И вот парадокс: к концу рассказа герой своими руками относит в мечеть неправедным путём заработанные деньги. Этот рассказ, который, по нашему мнению, скорее можно отнести к жанру повести, раскрывает события, тесно связанные с жизнью и судьбой героя Агаши. По ходу развертывания основных эпизодов в судьбе героя писатель говорит и об изменениях в его жизни, об улучшении его социального статуса, но развертываемые в дальнейшем события показывают, что окружающая героя действительность уже вырастила в нем монстра.

В школе он заикался, чтобы учителя шли на поблажки, смог пристроиться к блатным и совершил свой сексуальный опыт в возрасте 13 лет со школьной уборщицей, принявшей его за Сейрана Сулеймановича. Затем была Зарема – девушка в красном. Директор школы постоянно жаловался матери героя, озлобленной своей судьбой и чудом вышедшей замуж в 33 года. И если вначале директор шел на уступки, входя в положение её семьи, то после того, как Агаша прибил гвоздями галоши учителя математики к паркетному полу, поджёг огромную поленницу дров, лежащую в школьном дворе впритык к мастерской, его наконец-то исключили из школы.

Но герою это не страшно, он продолжает совершать аферы, предательства, обманы и воровство, мошенничество, шулерство и другие поганые дела, несмотря на то, что детство и юность давно прошли и пора остепениться.

Показ реальных событий, окружающих героя рассказа «Девушка в красном», писателем дается с определенной целью – стремлением изменить его жизнь. Но до конца рассказа верилось с трудом в прозрение героя. Автор на протяжении всего рассказа создает абсурдные миражи, созданные восприятием Агаши враждебного ему мира, в котором он постоянно борется с окружающей его действительностью с целью завоевывать свое место под солнцем. И если говорить о модернистских тенденциях, которые явно просматриваются в этом и в других рассказах сборника, мир, окружающий героя – это его восприятие реальности как совокупности более или менее убедительных фикций. Писатель постоянно пытается внести существенную поправку в мир утопических желаний героя, убедительно показывая абсурдность миражей с его конкретной болью и трагедией одиночества, к которому герой приходит, ошибочно думая о том, какая все-таки паскудная жизнь на земле. И эта ошибка оборачивается для него трагедией.

К концу жизни герой обретает благополучие. У него есть деньги, он чувствует себя благородным человеком, но все это напускное в его поведении, о чем свидетельствует эпизод с нищенкой.

Разные испытания предлагает писатель с целью осознания им собственного пути: встречу с братом, со старым школьным другом, рассказывает нам о его семейной жизни, но все это «пролетает» в его сознании в небытие.

Только оказавшись в больнице, в двух шагах от смерти, он начинает задумываться о смысле и бренности существования человека на земле. Все у него было: маленькая пенсия, рядом с домом сквер, где он мог наблюдать и сравнивать свою жизнь с чужой. Читателю запоминается одно: что в больнице он обратился к Богу и слезно просил: «Помоги мне, сотвори меня вновь. Я хочу вернуться, потому что много еще хорошего осталось во мне нетронутым, нерастраченным».

Хотелось, чтобы этими словами был закончен рассказ. Но, следуя творческой задумке писателя, мы понимаем, что не мог его герой окончательно преобразиться. Слишком уж много пакостей совершил он в этой жизни.

В отличие от сюжетов ранних рассказов, в новом сборнике автор все больше обращает внимание на раскрытие качеств характера в поведении, на выявление социальных причин, обусловливающих поведение его героев, что дает нам повод говорить о том пути, который прошел писатель от ученичества к мастерству.

Так, в повести «Убийцы», описывая философские размышления героя о его жизни, автор тонко раскрывает лирические чувства, помогающие разобраться в искренности отношений между мужчиной и женщиной. Ожидание дальнейшей встречи, а затем близкое знакомство с понравившейся ему женщиной, старше него, да еще с ребенком, предопределяют дальнейшую судьбу героя, уже вставшего на путь добра. Он сходится с Софьей и начинает заботиться о своей новой семье. Эротично и красочно описываются сцены зарождающихся отношений. Их глубокое раскрытие в свое время запрещала советская цензура, ошибочно принимая эротику за порнографию. Но в сценах любви, раскрываемых писателем, нет никакой пошлости. Зарождение чувств, хлынувших бурным потоком на двух одиноких и неустроенных людей, описывается автором с глубоким чувством симпатии и уважения к их эмоциям. Сцены любви написаны с такой трепетностью, что их просто невозможно читать без волнения, настолько они эмоционально достоверно описаны. Однако автор, чей художественный стиль стал тяготеть к быстрому детективному сюжету, намеренно обрывает плавное изложение событий из жизни зародившейся новой семьи.

Невозможно без содрогания, ненависти и злобы к скинхедам – зарождающемуся в те годы явлению – читать эпизоды сопротивления героя возникшему на его пути злу. На поступки людей, возомнивших себя героями, писатель смотрит глазами своего персонажа Самира вполне осознанно, более широко и обобщенно с точки зрения созревшего желания искоренить это зло, как явление неприкрытого бандитизма, как верную угрозу для общества. Зримые и художественно-реальные сцены скинхедства на материале российской действительности тесно переплетаются с азербайджанской ментальностью в характере героя, проявляемую им по отношению к врагу и злу, им творимому.

Опираясь на чеховские традиции в прозе – лаконизм повествования, яркие детали (а Н.Расулзаде всегда говорит о своей привязанности к творческому мастерству Чехова), писатель в своих рассказах исследует влияние ряда событий на внутреннюю организацию личности героя. Но, в отличие от чеховских традиций в раскрытии поведения героев, герой азербайджанского писателя тесно связан с традициями отображения менталитета и быта героя в азербайджанской действительности. Ему это удалось, и мы считаем, что в этом огромная заслуга писателя: сделать акцент в поведении героя на показ его внутреннего мира, и как болезненно и трудно многие его персонажи приходят к примирению со своей судьбой. В сценах встреч с жизненными трудностями просматривается жизненный опыт самого писателя, идущий от внутренней направленности личности писателя на свершение героем добра.

Яркому, самобытному таланту Н.Расулзаде присуще чрезвычайно развитое чувство эстетического равновесия, которому писатель неуклонно следует, затрагивая тему секса в ряде своих художественных произведений и, в частности, в первом рассказе нового сборника «Амина». Именно сцены отношений между мужчиной и женщиной – главное в жизни каждого героя. Каждая любовно-интимная сторона переживаний героя при раскрытии темы несчастной любви показывается через бытовые и социальные аспекты жизни героя, через психологическое состояние его мятущейся и страждущей души. Писателю удается, опираясь на показ близких отношений, вплотную подойти в своих произведениях к решению проблемы смысла жизни и поиску главных ценностных ориентиров в жизни его героя.

Главной особенностью творческого почерка писателя в раскрытии темы любви и эротики становится его личное видение жизни, но при этом каждый рассказ о любви, не нося сугубо личного характера, в то же время отражает глубокое видение психологии характера и поведения женщины, которое, как нам кажется, следует отметить, как один из аспектов достоинств его творчества.

Рисуя образ женщины в своём новом сборнике, автор обращается к раскрытию разных женских типов, где преобладающим становится образ женщины-любовницы.

В свое время Натиг Расулзаде первым ввёл в азербайджанскую прозу эротику, стал раньше многих из писателей уделять теме секса большое внимание, что дает основание считать его первооткрывателем в области передачи чувств, возникающих между женщиной и мужчиной.

В канве русскоязычной азербайджанской прозы черты национального типа характера, созданного в нашумевшей повести Натига Расулзаде «Всадник в ночи», получили высокую нравственную оценку. И если мы попытаемся обратиться к сравнению его творчества с творчеством В. Шукшина, то увидим, что ими были созданы национальные типы в характере и в поведении героя-современника.

Герой повести «Всадник в ночи» Н. Расулзаде – «деловой мужчина» «советского розлива» Зохраб – едва перешагнул порог тридцатилетия, беспредельно энергичен, удачлив, красив.

Центр повести перенесен писателем на внутреннюю жизнь героя, данную сквозь призму событий его будничного, обыденного существования. В детстве – обещания яркой артистической карьеры, все равно – музыка ли, как казалось родителям, или скульптура (автобиографическая деталь), как потом захотят родители, чтобы этими видами искусства увлеклось их чадо – юный честолюбец; в зрелые годы – «сверхблагополучное» существование человека, занимающегося бизнесом.

Но хочется прежде сказать не о начале пути юного дарования, а о том, какова жизнь Зохраба в зрелости: может быть, потому, что, думается, именно об этом отрезке его жизненного пути наблюдаются самые удачные находки писателя в этой повести. С остротой и четкостью видения окружающего героя мира показан писателем мир людей, попавших в круг знакомств героя в связи с его развивающейся деятельностью в качестве бизнесмена, которых, приходится, к сожалению, признать, немало в азербайджанской действительности. Темные махинации героя Зохраба примитивны подчас до ужаса. Лишенные намека на нравственное чувство натуры, раскрываются с точки зрения круговой поруки тех, кто «завязан» общим делом – добыванием больших и неправедных доходов – все это описано скупо и емко. Именно оттого, что эти картины вызывают яркую эмоциональную реакцию у читателя, понимаешь: в них много жизненной правды.

Зохраб, маленький «царек» созданного им подпольного мира, был бы возмущен до глубины души, услышав негативную оценку качеств своей натуры и деятельности: ведь самому себе он часто видится именно королем, каким хотелось ему видеть себя в далеком детстве – сильным, властным, внушающим всем страх и почитание. Детская мечта о власти на протяжении всего повествования претворялась в почти беспредельное презрение к тем, кто подчиняется не столько уму и даже не его деловым качествам, сколько размеру тех денежных сумм, которыми он владеет.

Создавая образ героя-современника в новом сборнике «Стоявший за дверью», писатель раскрыл как негативные (агрессивность, трусость, лживость, безответственность, деспотизм, отсутствие меры во всем, проявляющиеся в лености, неумеренном обжорстве, пьянстве, распутстве и разврате), так и положительные качества: мужество, честность, добросовестность, скромность, поддержка, проявляющиеся в самокритичном, покаянном отношении к своей личности.

Так, во втором рассказе, «Холодный месяц октябрь», где героиня даже не названа по имени, художественная деталь – глаза – играет обдуманно локализованную на внутреннем состоянии героя важную роль. Он – писатель, который находится в сложном психологическом состоянии в связи с болезнью своей жены, которую сам был вынужден поместить в сумасшедший дом. Точная деталь – взгляд героини – помогает в создании рассказа, где герой даже не знает, как поступить.

Описание творческого кризиса писателя перемежается его размышлениями, в которых неотступной становится мысль об избавлении от женщины, которую он когда-то любил. Представляя её убийство, он в то же время, как писатель, понимает, что эти мысли могут превратиться в детективный сюжет для будущего его рассказа. И в то же время он потрясен от возможности допущенной им самим страшной ошибки: правильно ли он сделал, что своими руками поместил её в сумасшедший дом? Герою почему-то кажется, что, расставшись с нею, он погибнет как профессионал.

Деталь, как и у А.П. Чехова, – полноправный эпизодический действующий персонаж. В этом рассказе она не дает толчка к сюжетному действию в рассказе; существует сама по себе, но интересна для писателя как самостоятельный объект изображения. Благодаря ей отчетливо высвечивается внутренний мир героя, глубоко переживающего жизненную ситуацию, в которую он попал.

В уже известном произведении, помещенном в новый сборник, Натиг Расулзаде раскрывает историю кошмарного сна главного героя из рассказа «Жизнь и смерть Кашмара Маштагаллы». Рассказ читается на одном дыхании. В нем повествуется о болезни героя, о трудностях операции по пересадке почки и о реакции на это событие семьи. И все было в его жизни только сном, в котором герой летел вниз. Его сбрасывали с крыши дружки, с которыми он играл в карты и все проиграл. А вот вернуть долг не мог, карманы его были пустыми. Замучившись от его криков во сне, жена Кашмара решила отвести мужа к известной гадалке Марьям-ханум. И та пообещала супругам, что его ужасные сны прекратятся, и дала пить какую-то подозрительную жидкость.

Описывая жизнь простого городского жителя, верного, покорного и послушного своей жене, писатель, описывая его болезненное состояние, в итоге приходит к осознанию героем важности своей жизни. Мысли о смерти его многому научили, а самое главное – заставили переосмыслить свою прошлую жизнь: не терять отведенного ему времени после удачно сделанной операции. Решив получить максимум удовольствия от жизни и имея определенный доход, он решил увидеть мир и принялся путешествовать. Вначале была Бразилия, затем Аргентина, Бермудские острова. На все он потратил доход своего магазина за год. Вернувшись из путешествия, он поссорился с женой. После развода Кашмар снова окунулся в разгульную жизнь. Итог его жизни был плачевен. Его сон оказался явью. Его нашли на тротуаре в луже крови со склоненным над ним лицом полусумасшедшей гадалки Марьям-ханум.

В следующих произведениях нового сборника, в рассказах «Стоявший за дверью», «Брат», «Внучка», «Золотая монета», «Наблюдатель», «Бартоломео» раскрывается извечные темы любви, сексуальных отношений, смерти и творчества.

Так, рассказы из сборника – «Стоявший за дверью» «Внучка», как и рассказ «Холодный месяц октябрь» – объединяются раскрытием одной темы: творчество писателя. В них автор говорит о трудной судьбе писателя, которого жизнь ставит в разные сложные ситуации. В рассказе «Стоявший за дверью», написанном в сюрреалистической манере, герою-писателю предлагают обрести вечную жизнь. Он попадает под влияние незнакомца, и встреча с ним, беседы из реальности превращаются в нереальные события. Но в этих нереальных событиях душа писателя переживает огромный стресс. Он подписывает договор о бессмертии, не зная, какое еще испытание ждёт его в дальнейшем.

Думая о бессмертии при жизни, о возможности воплощения всех своих творческих замыслов, которые накопились в его толстых, исписанных мелким почерком тетрадях, он пытается справиться с заданием: убить одного из близких родственников. Только ради желания успеть еще много увидеть на земле такого, что не смогут увидеть живущие рядом с ним люди, это прельщает героя-писателя. Но задание оказывается слишком тяжелым. Незнакомец уходит, а мы становимся свидетелями смерти героя.

В рассказе «Внучка», написанном в чеховской тональности, главной темой становится встреча во время прогулки со знакомым, который нарушил тесный душевный контакт дедушки с внучкой.

Между мужчинами начинается разговор, который очень не нравится внучке. Она недовольно смотрит на незнакомца, так как ничего не понимает из этого разговора, но многое точно чувствует своей детской душой. А между тем в этом рассказе писатель поднимает очень важную тему славы при жизни. Не каждому удается стать классиком при жизни, не каждому удается войти своими произведениями в школьные учебники. Но главный герой и так успел много сделать по жизни, ему даже подражают. Между тем знакомый настоятельно дает ему совет:

– Послушайте моего совета, молодой человек, будьте благоразумны…

И, задав дедушке маленькой внучки вопрос: «Кто ваш герой, кому вы посвящаете свое творчество?», знакомый тут же утверждает, что такое сегодня не приветствуется, мало того – не замечается. «Вам следует поменять направление. Ведь вы могли жить очень даже неплохо, соответственно вашему неоспоримому таланту».

Создав этот рассказ, Натиг Расулзаде еще раз напоминает будущему поколению молодых писателей о важности творческого направления в деятельности писателя, несущего людям добро своими произведениями.

По чеховской тональности, по мастерству формы, характерной для творчества Хемингуэя, этот рассказ следует особо выделить в новом сборнике. В нем, как нам кажется, ярко проявилась еще одна грань мастерства писателя, способная вызвать в душе читателя понимание и сочувствие.

Мы могли бы и дальше продолжить анализ произведений народного писателя Азербайджана Натига Расулзаде, каждая новая книга которого всегда являлась и является событием в культурной жизни нашей страны, но хочется остановиться и сказать, что писателю удалось в новом сборнике «Стоявший за дверью» заставить читателя задуматься о пройденном вместе с писателем пути по жизни и задуматься о смысле существования, подумать, поразмышлять о бренности жизни и о необходимости успеть еще многое сделать, чтобы остаться в памяти народа.

А что главное для этого?

Главное – любить свой народ, любить своих героев, созданные образы, персонажи, взятые из народа, что с успехом и делает писатель Натиг Расулзаде вот уже на протяжении более пятидесяти лет.

ИБРАГИМ ИМАМАЛИЕВ – 70

1 июня 2021 года известному азербайджанскому барду, классику жанра авторской песни, прекрасному поэту и прозаику Ибрагиму Нухбековичу Имамалиеву исполнилось ровно 70 лет.

Имя Ибрагима Имамалиева широко известно почитателям авторской песни далеко за пределами нашей Республики.

Начнем с того, что Ибрагим был одним из создателей Клуба Самодеятельной и Туристской Песни «Баку» (1974 год) и он же стал его первым Президентом, т. е. был основоположником бардовского движения в Азербайджане.

В середине 70-х годов прошлого века яркие остросоциальные, сатирические песни Ибрагима Имамалиева приобрели огромную популярность во всем Советском Союзе, и он практически сразу занял свое, достойное место среди «андеграундных» авторов нашего жанра. Более того, его стихи впоследствии были опубликованы в одном из первых перестроечных сборников авторской песни «Есть магнитофон системы Яуза», наряду со стихами Галича, Высоцкого, Городницкого, Кима, Алешковского, Туриянского и других корифеев. Впоследствии мне рассказывали, что его песни вызвали большой интерес не только у любителей, но и у компетентных органов, всегда проявлявших «особую заботу» о молодых, начинающих поэтах, и Ибрагим Имамалиев очень быстро заработал славу полузапрещенного барда.

После одного его яркого выступления на главной сцене 25-го юбилейного слета Московского КСП (Клуба Самодеятельной Песни) в мае 1981года он «угодил» в черный список, и власти начали запрещать фестивали авторской песни по всей территории СССР, а Ибрагим получил «гордое звание» человека, закрывшего КСП (Примечание: КСП в те времена переросло в массовое движение, и социально острые песни авторов жанра воспринимались властями как чуть ли не идеологическая диверсия!)

Мы познакомились с Ибрагимом Имамалиевым в 1997 году, после возрождения Клуба Авторской Песни «Баку». На одну из наших клубных посиделок пришел человек и представился – Ибрагим Имамалиев. И с тех пор мы вместе.

У меня появился мудрый старший друг, удивительный поэт, очень интересный собеседник. С тех самых пор Ибрагим стал человеком, которому я одному из первых показываю свои «новорожденные» стихи и очень прислушиваюсь к его советам. К слову сказать, я открыл для себя не сколько остросоциального сатирического автора (хотя эти мотивы по прежнему существуют в творчестве Ибрагима Имамалиева), я открыл для себя очень тонкого лирика и философа. Например, его песню «Осень», я считаю одной из самых лучших песен, написанных когда-либо в нашем жанре.

Помимо этого Ибрагим еще и яркий прозаик и публицист, автор очень интересных сатирических новелл, повестей и рассказов.

Мне хочется более подробно рассказать о его самом масштабном труде – книге «Барды», ставшей одной из самых полных энциклопедий жанра авторской песни. В этой книге Ибрагим Имамалиев рассказал об истоках жанра, проведя параллель между сказителями древних мифов, менестрелями средневековья с поющими поэтами наших дней. Интересны и сопоставления в книге Ибрагима русской авторской песни с ее иностранными аналогами (американскими фолксингерами, французским шансоном и проч.), и его размышления о влиянии авторской песни на рок, и о его развитии, именуемом «Бард-роком». И, наконец, в книге «Барды» особое внимание уделяется бакинской бардовской школе и бакинским бардам.

Мне часто вспоминается один интересный случай. Когда мы с Ибрагимом спустя много лет снова приехали на знаменитый Грушинский фестиваль, и один из ос-

новоположников бардовской песни Александр Моисеевич Городницкий, который, к слову сказать, с очень большим уважением относится к творчеству Ибрагима, представил нас президенту Грушинского фестиваля Борису Кейльману, Борис Рафаилович, узнав, что мы из Баку, практически наизусть процитировал песню одного молодого бакинского автора, много лет назад, аж в 1977 году, спетую с главной сцены Грушинского фестиваля. Конечно же, он не узнал в зрелом Ибрагиме «того молодого автора», но ту песню помнит по сей день.

С Юбилеем тебя мой дорогой друг – прекрасный Поэт и Прозаик, тонкий Бард и мудрый Учитель, художественный руководитель Клуба Авторской Песни «Баку» Ибрагим Нухбекович Имамалиев!!!!

Пусть тебе еще долгие годы пишется и поется, и пусть тебе воздастся по твоему Таланту!!!!

Кинорежиссер Джавид Имамвердиев

ИБРАГИМ ИМАМАЛИЕВ

***

На еврейскую пасху в Баку, как всегда, холода.
Теплый ветер морской в этот день никого не согреет...
Очень зябко мне тут, только разве лишь в этом беда?
А беда наша в том, что здесь мало осталось евреев.

Где вы, други мои?..
Вы куда разлетелись? Куда?
Додик Альтман, Марина Левицкая, Вова Цырульник,
Ната Рохлина с мужем...
Скорей возвращайтесь сюда!
Я остался наш город стеречь,
как надежный патрульный.

Город юности нашей, город света и детской мечты,
Город первых влюбленностей,
взлетов, побед, поражений,
Город, мысли которого были просты и чисты,
Где сосед от соседа на праздники ждал подношений.

Здесь у нас до сих пор уважение к старшим в ходу...
Детям и старикам тут без звука места уступают,
А случится здесь с кем-то беда,
то всем миром осилят беду
Ну, а если споткнулся, упал,
то подняться тебе помогают.

Дух бакинский всем жителям Город доверил хранить –
Нам Аллах в этом деле священном, надеюсь, поможет.
С самых древних времен
пусть души Его светлая нить
Племя наших бакинцев в веках сохраняет и множит!.

***

Дождь идет – это небо оплакивает
племя беспечных людей,
Я сижу под домашним арестом
в безлюдной квартирке своей.
Может, в горле застрявшее слово
обещает всем вечный покой.
Одиночество шепчет мне в ухо
пуститься на время в запой....

Это ангел спустился на Землю.
И ангела звать Азраил...
«Все вы лишние здесь!» –
человечеству бедному Он возвестил.
На Земле вам нет места, а в рай уж никак не войти...
Золотой миллиард крысоловов
запустил карантинный мотив:

Всем сидеть по каморкам
и строгий приказ: «Не роптать!»
Очень хочется жить, но как жизнью нам ЭТО назвать?!..
Мы – чужие на празднике жизни,
и не повернуть время вспять
Ты – чужой в этой жизни, когда тебе за 65

***

В чем смысл жизни?..
Смысла в жизни – нет.
Но мы об этом ничего не знаем...
Свеча горит, горит, и догорает
Не зная, что она рождает свет!

И с самой первой свечки на торте́
До той, которую нам кто-то вложит в руки,
Мы будем постигать свои науки,
Наощупь продвигаясь в темноте.

Прозрение наступит лишь в конце,
Когда уж ничего не переделать...
Отчаянья гримаса на лице –
Инсульт, инфаркт и стынущее тело.

Вот он – итог амбиций и потуг,
Стяжательства, наживы...
Но поверьте –
Спонтанный ожидает всех испуг
Перед великим приключеньем Смерти!..

Там не откупишься –
Бог не берет «откат»...
Там все равны: и нищий, и богатый,

Хоть Мекку посещал ты по сто крат,
Иль в Иерусалиме был когда-то.

Да, изначально смысла в жизни нет!..
Ее мы сами наполняем смыслом.
Кому-то интересен звон монет,
Иных влекут возвышенные мысли...

Лишь полная луна, наш мир храня,
Сияет в небе царственно и строго...
Мне кажется, что это зрачок Бога,
Он смотрит неотрывно –
на меня!..

Проклятие Цезарю

Литературно-музыкальная композиция

В одном из рассказов бакинского фантаста Павла Амнуэля я прочитал, что в древнем Египте был интересный обычай. После смерти фараона жрецы и народ Египта устраивали суд над ним. И если деяния фараона при жизни признавались неугодными богам и народу Египта, все изображения его разбивались, и упоминания о нем в летописях уничтожались. Суд над абсолютной властью – это была интересная идея… Позже была книга Гая Транквилла Светония «Жизнь двенадцати цезарей», и вот на всем этом материале, на музыку английского композитора Уэббера, я и написал свою песню «Проклятие Цезарю».

В Риме ночами как-то тревожно –
Факел отбросит странную тень:
То ли доносчик скользит осторожно,
То ли гетера спутала день.
А наш Цезарь пирует
И лизоблюды его вместе с ним ...
Кто успешней ворует,
С тем и воркует алчущий Рим.

Думаешь, Цезарь, деньги не пахнут?
Нужники данью своей обложил.
Только ты выйдешь, все так и ахнут:
Сколько награбил!.. (То есть – нажил!..)
Эта формула счастья
Напоминает фекалий поток.
Кредо рвущихся к власти:
«Деньги вперед, а там хоть потоп!»

Варварам продал римские земли,
Гордое имя Рима и честь.
Цезарь, опомнись!.. Совести внемли –
Если такая, в принципе, есть...
При всей роскоши Рима
Толпами нищих сенат окружен.
В небо рвется незримо
Крик о пощаде, молитвы и стон.

Белые тоги только смеялись,
К низшим презренье свое не тая ...
«Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» -
Цезарь, ведь это фраза твоя.
Будь ты проклятым, Цезарь!!!
Проклят навеки, как имя твое.
Можешь всех перерезать,
Выживут только – ты и жулье!

Но над всем твоим родом
Наше проклятье будет висеть,
А проклятье народа,
Представь себе, Цезарь,
Страшнее, чем смерть!..

Монолог Понтия Пилата

В белом плаще с кровавым подбоем
Шел прокуратор, чеканя шаги.
Это чуть позже он руки умоет,
Нынче он занят –
повсюду враги.

Он для того был сюда и поставлен,
Чтобы в провинции смуту пресечь...
Понтий Пилат,
что в боях был прославлен –
Римский орел и карающий меч!

«...Все-таки странный народ – иудеи...
Будто не знают:
тщеславье – порок.
Ложные всюду талдычат идеи...
Каждый второй здесь –
мессия, пророк.

Только вот римские боги сильнее,
Чем их хваленый единственный бог –
Это наш Рим покорил Иудею,
Ершалаим ведь такого не смог!

Римлян здесь на дух они не выносят,
Но вот «взбрыкнуть» им едва ль хватит сил.
Что за народ!..
Друг на друга доносят –
Будто бы я их об этом просил...

Вот осужден ими вместе с убийцей
Явный потомок Давида царя.
Именем Понтия жаждут прикрыться –
Только не выйдет!..
Стараются зря!..

Именем Рима и твердой рукою
Многих к распятью я приговорил.
Только сейчас...
Лучше руки умою,
Чем их запачкать в царской крови.

Монолог Иуды

Мне Учитель сказал, что так надо,
Что я должен пойти –
донести...
Что мне будут проклятья наградой,
И от кары, увы, не уйти...

Он предвидел заране, что будет:
Поцелуй в Гефсиманском саду,
Как к Голгофе сбегаются люди,
И вопят: «Пусть горит он в аду!»

Будут му́ку вбивать в Его тело
То бичом, то гвоздями к кресту,
Молотком утверждая умело
Грешной веры своей правоту.

Эту боль он не вынесет все же,
Но, Любовь в своем сердце храня,
Он в отчаянье выкрикнет:
«Боже!..
Ты почто оставляешь меня!..»

И еще он сказал мне:
«Иуда!..
Ты любимейший мой ученик.
Средь всего иудейского люда
Лишь тебе я доверю тайник.

Там, где спрятана Книга Пророчеств –
В ней описаны судьбы людей –
Мне ее нашептал Боже Отче,
Там есть строчки о жизни твоей.

Есть и сноска,
что собственной волей
Ход Истории можно менять,
Лишь пройдя сквозь страданья и боли...
И тогда обретешь благодать!

Из порочного круга не выйти,
Коль не сделать решительный шаг.
Не прервется цепочка событий,
И людей не спасти нам никак!

Я свой выбор давно уже сделал,
Нынче выбор, мой друг, за тобой...
Ты пойми, что от Божьего гнева
Мы весь мир заслоняем собой!..

То, что я попрошу тебя сделать
Не предательство –
подвиг скорей!
Моя жертва – всего только тело,
Ты ж рискуешь душою своей.

Фарисеи со времени óна
Научились блудить и чернить...
Эти прихвостни Синедриона
Тебя смогут во всем обвинить.

Как же мог я ослушаться равви?!..
Хоть и выбор тот был непростой...
Знал же, будет плестись и ославит
Тень предателя всюду за мной.

Я не предал ни Бога, ни Сына...
Боже, грех мой последний прости!
Ты прими мое тело, осина –
Душу мне все равно не спасти!..

Дружеское посвящение Джавиду Имамвердиеву

Нам нечего делить,
Кроме постыдной лести...
Нам не на что купить
Продажную любовь.
Здесь каждый одинок,
Хоть держатся все вместе
И этих душ замок
Не вскроет ключ любой!

Предупреждал Булат:
«Замку цена – копейка...»
Копеечных замков полно,
Но нет ключа.
И распродал свой клад
По мелочи Корейко,
И учит наш Остап
Румынский сгоряча!..

МАЛИК ДУРСУНОВ

КИЗИЛОВАЯ ВОДКА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КАРА-ДАЙЫ

Повесть

Подобно тому, как оглядываешься по сторонам, войдя в незнакомый зогаллинский двор, ожидая неожиданное нападение злой хозяйской собаки из-за угла, и на этот случай заранее запасаешься толстой палкой, так и на встречах с Кара-дайы ты должен быть готов к тому, что при малейшем его негодовании будешь безжалостно им наказан. И что интересно, если та самая толстая палка, с которой ты входишь во двор, на которую так рассчитываешь и надеешься, при умелом ее применении на самом деле защитит тебя от собаки, то в случае с Кара дайы никакие запаски тебе не помогут. Услышав подобное сравнение из уст любимого внука, Кара-дайы пришел бы в ярость и, возможно, навсегда отвернулся бы от меня.

– Пригрел змею на груди! – выбранился бы он, вместо ожидаемой благодарности получив неожиданный коварный удар, в лучшем случае рукой указал бы мне на выход.

Но позвольте, правда ведь тоже дорогá! Да, я не воевал с финнами и с немцами! Да, я не гнал фашистов через пол-России, Украины и Польши до Дрездена! Да, он старше меня, да, он мой дедушка, и я как внук обязан во всем молча слушать его и повиноваться! Но ведь всему есть предел. Я тоже, в конце концов, уже не ребенок, я тоже хочу иметь слово.

Как сегодняшний день помню, шел тогда пятнадцатый год нашей с Кара-дайы дружбы. Именно в том году, в очередной свой приезд в Зогаллы я почувствовал, что внутри меня погасли те чувства, которые в первые годы нашего знакомства магнитом тянули к нему. Еще в предыдущий приезд у меня были ощущения, что я начал уставать от него, мне надоело бесконечно слушать его! Тогда я не придал этому особого значения, но когда через год повторились мои сомнения о целесообразности встречи с ним, я крепко задумался. Я стал тянуть с дежурным звонком к нему – а ведь раньше звонил в первый же день своего прибытия в Зогаллы. При этом я знал, что если перестану посещать его хлебосольный дом, не увижусь с ним и с его гостеприимной женой, тогда бесславно потеряю Кара-дайы. Я очень боялся, что прервутся наши годами сложенные отношения, чего мне очень не хотелось. Но всё шло к этому, всё шло к развалу. Надо было что-то предпринимать, надо было что-то менять. А что менять, кого менять? Я не знал, как и чем спасти наши отношения, нашу дружбу.

Всевышний, видимо, увидев мои переживания, ниспослал мне спасение в лице тракториста Сулеймана, соседа Кара-дайы, да будет его покойный отец наслаждаться в раю!

Тракторист Сулейман, безобидный и добрый человек, считался любимым соседом и лучшим застольным компаньоном Кара-дайы, хотя возрастом он ему в сыновья годился. В среде зогаллинцев сосед Кара-дайы известен как «тракторист Сулейман», хотя сверстники и одноклассники его также именуют «морковью». Оказывается, в детские годы родители Сулеймана по совету врачей усиленно прикармливали свое чадо морковью. По словам одноклассников, в младших классах Сулейман часто даже в школу приходил с набитыми в карманы желто-золотистыми корнеплодами, хрустя, ел их в перерывах и ни с кем не делился. С тех пор сверстники дали ему

прозвище «Морковь». В средних и старших классах Сулейман перестал брать с собой в школу любимый продукт, но кушать его он не перестал. Морковь и сегодня, по словам Кара-дайы, является незаменимым продуктом для Сулеймана, употребляет он ее чаще всего, как в детские годы, в сыром виде, хотя не прочь съесть и вареную морковь. В семье Сулеймана также приготавливают на зиму сок из моркови, что для Зогаллы считается невиданным баловством. От присвоения неминуемого прозвища «Морковь» Сулеймана спасла любовь к сельскохозяйственной технике, которая определила его дальнейшую жизнь. После восьмого класса Сулейман три года учился на тракториста, а после армии до развала колхоза работал в нем трактористом. Считался Сулейман лучшим знатоком не только тракторов, но и всей сельскохозяйственной техники в Зогаллы, большинство зогаллинцев и сегодня прибегают к его помощи при ремонте тракторов или другой техники. На любую просьбу Сулейман отзывается моментально, не отказывает никому. Поэтому неудивительно, что «Морковь» как прозвище в зогаллинской среде не прижилось за Сулейманом, а безобидное прозвище «Тракторист» даже украшает его.

Тяга Кара-дайы к дружбе с мужчинами моложе себя, в первую очередь с Сулейманом, объяснялась дефицитом его ровесников в Зогаллы. К тому же те редкие старики в возрасте Кара-дайы, которые имелись в Зогаллы, как правило, были непьющими, поэтому они не имели необходимых параметров для дружбы с ним. С другой стороны, Кара-дайы во время застолья больше нуждался в хорошем и молчаливом слушателе, нежели в пьющем и поддерживающем его друге и компаньоне. Ровесники Кара-дайы, хорошо знавшие его, вряд ли согласились бы посвятить целые вечера слушанию героических рассказов бывшего командира разведывательного взвода. Воспитанный и в меру застенчивый Сулейман идеально вписывался в эти требования, к тому же имея слабость (или любовь) к спиртному, он всегда с энтузиазмом поддерживал Кара-дайы, когда тот предлагал ему составить компанию.

Весенние и летние месяцы Кара-дайы не нуждался в «услугах» Сулеймана, забывал о его существовании.

– Весенние и летние месяцы в Зогаллы – это рай, а в рай хочется всем. Кому хочется, пусть приезжает, всех примем, – по пьяни часто козырялся Кара-дайы перед своими гостями, отдыхающими в Зогаллы. А гостям так нравилось эпическое выражение хозяина дома, что, уезжая из Зогаллы, передавали его по цепочке своим друзьям и просто знакомым. Они передавали, а Кара-дайы потом с удовольствием расплачивался за свою поэтическую вольность. С приходом весны движимые предчувствием рая отдыхающие выстраивались у врат рая, точнее, у ворот большого двора Кара-дайы. Именно они и не давали ему скучать, благо, среди них было много новых, которые не только наравне с ним выпивали, но и с упоением слушали его, потому как ситуация их обязывала. С наступлением осени отдыхающие уезжали, небеса над Зогаллы слезились тоскливыми дождями, бывало, шедшими неделями без остановки. В такие дни привыкшему к застольям Кара-дайы становилось тоскливо, он сильно скучал и тяжело коротал длинные осенние и зимние вечера. Тогда он вспоминал Сулеймана и приглашал его к себе, а бывало, что, прихватив с собой бутылку, сам напрашивался к Сулейману в гости.

В семье Сулеймана – его жена и дети – очень уважали Кара-дайы, каждый его приход для них был праздником. Соседские отношения однажды чуть было не испортились, когда много лет назад, неожиданно для всех, во дворе Сулеймана его корова сзади ударила Кара-дайы. Три дня пролежал Кара-дайы тогда в больнице, и еще месяц после больницы он восстанавливался дома в постели. Удар коровы сзади для Кара-дайы оказался не только неожиданным, но и чувствительным. Его повело. Он тогда начал чудить. О том, как он вел себя в восстановительный период после удара, сегодня в Зогаллы ходят анекдоты. В период восстановления, когда Кара-дайы лежал в постели у себя дома, он всем проведывающим показывал место удара, ого-

ляя задницу. Свою задницу он тогда показал даже участковому Сабиру, чем того сильно обескуражил, потому как на показывание представителю власти своей задницы, пусть даже травмированной, в те годы не каждый мог решиться. О чувствительности удара говорит еще тот факт, что в период восстановления Кара-дайы даже начал курить, забыв предостережения покойного отца о вреде табака.

– Потянуло, и всё, – позже оправдывался он, – не курил, а так, баловался. Всего две недели. Потом боли на заднице прошли, и я перестал курить, – говорил он, как бы намекая на то, что между ударом коровы по его заднице и появившимся после этого желанием курить имелась невидимая и таинственная связь.

Как бы там ни было, после месячного периода восстановления Кара-дайы пригласил Сулеймана к себе, и они вдвоем отметили его выздоровление. Тем самым Кара-дайы дал понять своему молодому соседу, что за хулиганскую выходку его коровы Сулейман как хозяин не в ответе, и никаких обид на него за это Кара-дайы не держит.

Позже еще был случай, когда Сулейман своим знаменитым трактором на улице задавил любимого петуха Кара-дайы – Кузнецова, названного им в честь своего боевого командира. И тогда их отношения не испортились. В тот же день жена Сулеймана поджарила петуха с обильным лучком, и они вдвоем съели боевого командира Кара-дайы, хотя позже Кара-дайы, придя в себя, стыдился и оправдывался, списывая обед с поджаренным «боевым товарищем» на проделки шайтана.

Семья Сулеймана сегодня обычная зогаллинская семья, но в одно время она была очень известна в Зогаллы. В молодые годы Сулейман и его жена, оказывается, так страстно и безрассудно любили друг друга, что за глаза (и в глаза тоже) зогаллинцы влюбленную пару звали местными Асли и Керемом, ставя их любовь в один ряд с любовью героев средневекового дастана. В отличие от героев дастана, где Асли была армянкой, Керем – азербайджанцем, а история любви завершилась трагически, Сулейман и его жена были чистокровными зогаллинцами, и история их любви имела благополучный исход.

Когда Сулеймана призвали служить в ряды Советской армии, он с первого дня в течение двух лет каждый день писал по одному письму своей возлюбленной, на что та отвечала двумя письмами, тоже каждый день. Позже возлюбленная Сулеймана решила, что никакая переписка не заменит ей живого общения с любимым, и предприняла очень революционный, по зогаллинским меркам того времени, шаг. Даже видавший виды Кара-дайы тогда сильно изумился смелости и наглости этой вертихвостки, как он ее позже долгое время называл:

– Ничего себе! – от изумления при свидетелях якобы на русском языке воскликнул Кара-дайы, узнав о поступке будущей жены Сулеймана. Те свидетели, при которых он воскликнул, сегодня подтверждают, что действительно Кара-дайы тогда от изумления выразился на русском языке примерно так, но только в более грубой форме. Зная Кара-дайы, у меня нет оснований не верить свидетелям, я тоже склоняюсь к тому, что удивленный и ошарашенный поведением зогаллинской девушки Кара-дайы не стеснялся тогда в выражениях.

А предприняла эта вертихвостка вот что: в одно прекрасное утро, после очередной бессонной ночи, она появилась во дворе родителей Сулеймана (по соседству с домом Кара-дайы, где они сейчас проживают) и слезно просила отца Сулеймана съездить вместе с ней в Ростовскую область, где служил его сын, и проведать ее жениха.

– Скучаю, не могу. Пожалуйста! – попросила она отца Сулеймана и пустила такую крупную слезу, что тот моментально согласился.

Знакомые с дастаном «Асли и Керем» в курсе, что отец героини, армянский священник, в силу своего религиозного фанатизма во всем препятствовал соединению своей дочери с Керемом – сыном Гянджинского хана. Отец же будущей жены

Сулеймана был менее фанатичным, он готов был даже до армии сыграть свадьбу дочери и выдать ее замуж за Сулеймана.

– По мне, хоть сегодня отдам, – повсюду подчеркивал он и добавлял: – От греха подальше, – не все зогаллинцы при этом понимали, о каком грехе идет речь.

До службы в армии по каким-то неизвестным причинам сыграть их свадьбу не удалось, но родители молодых между собой договорились, что в течение недели после возвращения Сулеймана из армии они организуют им свадьбу.

– От греха подальше, – загадочно прошептали родители, в самом деле не стали тянуть и на пятый день после возвращения Сулеймана из армии справили им свадьбу.

Пылкая, страстная любовь молодых стала давать удивительные результаты. В положенный срок жена Сулеймана родила двойню – двух светлых девочек, которых почему-то в Зогаллы стали именовать «ростовскими девочками». Через полтора года жена Сулеймана родила опять двойню, и опять двух девочек. Одна часть молодежи в Зогаллы стала шутить, будто Сулеймана в армии научили особому методу обработки жены, поэтому она «дуплетом» стреляет. Сулейман противился:

– Как все, так и я, – говорил он. – Ничего особенного, – категорически отрицая наличие у него какого-то секретного и особого подхода к жене.

Другая часть молодежи всерьез решила, что причиной плодовитости жены Сулеймана является безмерное употребление им в пищу моркови. Учитель биологии зогаллинской средней школы Тельман-муаллим категорически отверг подобные домыслы молодежи и однозначно заявил, что по сей день науке не известна прямая связь между активным употреблением моркови мужем и плодовитостью его жены. Кара-дайы согласился с Тельман-муаллимом, в подтверждение его слов заявив, что такая связь если и существует, то только, может быть, у кроликов.

Более продвинутая молодежь посчитала, что если Сулейман сохранит взятый темп, то через пятнадцать лет количество детей у него во дворе превысит двадцать пять.

Тем временем Сулейман с женой продолжали заниматься любимым делом, останавливаться они не собирались. Но третьи роды у жены Сулеймана получились обычными, родила она только одного ребенка. Это был мальчик, которого, видимо, оба ждали. Сверстники стали шутить, что Сулейман на этот раз сильно не старался и не усердствовал: к тому же, как назло, в том году в Зогаллы был неурожай моркови – мол, Сулейман меньше обычного ел морковь, поэтому двойня у них не получилась. А тот в ответ улыбался и говорил:

– Всё идет по плану.

Сверстники слушали Сулеймана и не знали, о каком плане он говорит.

Немного разочаровались ожидающие очередной двойни другие зогаллинцы, которые рассчитывали на установление Сулейманом и его женой рекорда по количеству детей в одной семье.

Но после рождения сына, неожиданно для всех, Сулейман и его жена решили снизить взятую крейсерскую скорость, о чем его жена с присущими ей открытостью и категоричностью заявила подругам, которые всё еще надеялись на рекорд:

– Никаких рекордов! Мы сворачиваем!

Сулейман согласился с женой:

– Мы свой пятилетний план выполнили за четыре года! – сказал он своим сверстникам, и стало понятно, по какому плану работали Сулейман и его жена. – Пусть дальше остальные работают. Нам сейчас надо детей поставить на ноги.

Резкое сворачивание с пути количественного пополнения семьи привело к постепенному угасанию любовных отношений между Сулейманом и его женой. Жена Сулеймана с головой ушла в воспитание малолетних детей. Из всех существующих в детской педагогике методов воспитания предпочтение она отдала уходу за ними и их кормлению. И надо сказать, это ей удавалось с лихвой: дети были всегда чистыми и

аккуратными, их питание было качественное и полноценное. Что интересно, одновременно с кормлением детей не менее интенсивно стала питаться она сама. Дети росли согласно законам природы, набирая в весе и прибавляя в росте. Их мама росла не хуже, но она набирала только в весе при неизменном росте и развивалась вширь. К концу следующей пятилетки старшие девочки пошли в школу, мальчик пока готовился туда, мама продолжала полнеть и расширяться в объеме. Издали своими габаритами она стала напоминать основание столетнего дуба. Молодой приезжий учитель географии зогаллинской школы, встретившись с женой Сулеймана в школе, когда она приводила своих девочек, был настолько впечатлен ее окружностью, что в приватной беседе со своими коллегами сравнил её со школьным глобусом.

Тем временем, пока жена была занята детьми и собой, все хозяйственные работы по дому легли на плечи Сулеймана. Он работал с утра до вечера – надо было кормить пятерых детей и прожорливую жену. А когда выдавалась свободная минута, Сулейман посвящал ее обслуживанию и ремонту имеющейся у него техники.

К моменту моего с ним знакомства у него во дворе имелись все виды техники, необходимые в сельской местности, чем Сулейман очень гордился и часто хвастался. Техника всегда наготове стояла под навесом, как боевой взвод перед учениями. Сенокосилка соседствовала со сноповязалкой, мотопила «Дружба» с водяным насосом, дробилка для кормов с электрогенератором. Тут же в ряду красовались и многие другие образцы всевозможной техники, пригодные в хозяйстве. Как пионеры на линейке, они были всегда чистыми, аккуратными и очищенными от грязи заботливым хозяином и ждали своего применения. Особой любовью у Сулеймана пользовались его старый желтый «Москвич» и не менее старый трактор «Беларусь», который якобы за неимением места во дворе ночевал на улице, напротив ворот Кара-дайы. Все соседи знали, что жена Сулеймана не разрешала мужу загнать трактор на ночь во двор, из всей имеющейся техники она почему-то ревновала мужа к его трактору. Старый трактор отнимал у Сулеймана много времени и средств, поэтому его жена настаивала, чтобы тот продал свою старую колымагу и тогда она согласилась бы на покупку нового и даже помогла бы ему с покупкой. Соседи почему-то были уверены, что у жены Сулеймана имеется неплохая заначка, собранная ею на непредвиденные хозяйственные нужды.

– Знаю я их, новых, – отвечал Сулейман жене, – день поработаешь, потом неделю будешь возиться с ними.

Сулейман не соглашался на продажу трактора, а жена его злилась.

– Иди тогда к своему трактору, – то ли в шутку, то ли всерьез, часто при соседях говорила она своему мужу, – зачем я тебе нужна? И ночью можешь домой не приходить, ночуй у своего трактора в кабине.

Улыбался Сулейман и уходил, махнув рукой, и прямиком направлялся к своему трактору, чтобы в очередной раз завинтить гайку, которую он только вчера завинтил, или же проверять тормоза, которые буквально два дня назад проверял.

Тот же Кара-дайы в беседе со мной как-то говорил, что старый трактор действительно отнимает много времени и средств у Сулеймана.

– Если бы Сулейман, – говорил Кара-дайы, – со своей женой возился столько, сколько со своим трактором, так же гладил и лелеял ее, как своего железного друга, жена Сулеймана, пожертвовав собой и сэкономив в еде, давно купила бы мужу новый трактор: если и не минского производства, то трактор гянджинской сборки, это точно.

Но Сулейман был верен своему старому другу-трактору, продавать его не хотел, поэтому часто нуждался в запчастях для своего железного коня, в поисках которых он иногда неделями мотался из одного города в другой, начиная с Загаталы, кончая Евлахом. Дальше этих городов он никуда не ездил, те запчасти, которые он не находил в этих городах, ему привозили из других городов. И часто по его просьбе его дальние родственники или просто знакомые люди посылали ему запчасти из Баку

или Тбилиси для его любимого трактора «Беларусь», лишь бы тот у него был всегда в строю. Ни денег, ни средств, ни любви Сулейман не жалел для него.

***

Часто, когда Сулейман возился со своим трактором, его жена тоже выходила на улицу, сидела на табурете, вынесенном из дому и, они, как в молодые годы, о чем-то мило беседовали.

Там же, напротив ворот Кара-дайы, на улице я впервые увиделся с женой Сулеймана. Заметив издали, по ее словам, она не узнала меня, а когда узнала, тут же встала с табурета и стала ждать. Подойдя к ним, я первым делом поздоровался с Сулейманом возле его трактора. Пока мы с ним о чем-то говорили, к трактору подползла и его жена (к ее движению в мою сторону я и сегодня не могу подобрать другого слова). Улыбаясь, неожиданно для меня, она потянула руки вверх. От неожиданности я даже сделал шаг назад, только потом сообразил, что она хочет обнять меня за шею. Выхода не было, я нагнулся, чтобы она достала мою шею. Схватив за шею, она смачно поцеловала меня в обе щеки и начала говорить так быстро, будто пулемет строчил в бою:

– Вижу, кто-то идет в нашу сторону, но никак не узнаю: кто ж, интересно, идет? На наших не похож. Потом узнала вас: так это же внук Кара-дайы! Успела и Сулейману покричать: «Смотри, кто идет». А он роется в своем тракторе и ноль внимания моим словам…

Я поинтересовался у нее детьми – девочками, которые уже были замужем, и мальчиком, который учился в университете, – заодно похвалил их сына. Сын у них действительно был очень воспитанным и умным мальчиком. Моя похвала в адрес единственного сына так воодушевила жену Сулеймана, что она стала дальше строчить:

– Если бы вы знали, как наш сын уважает вас. Если бы он был дома, сейчас прибежал бы с вами здороваться. Но его нет дома, он на учебе. Зато мы дома, его родители. Так что давайте ошибемся калитками, зайдем сегодня не к дедушке, а к нам. Двор полон молодыми курами, сейчас Сулейман зарежет троих, я быстро поджарю их, потом и Кара-дайы позовем. – Чтобы убедить меня, что приглашение от души и оно серьезное, что молодых кур у них на самом деле много, она на этот раз подползла к калитке, открыла ее и показала мне двор. – Видите?

Действительно, весь их двор был оккупирован курами разных цветов. Но я извинился, сказал, что дедушка меня ждет, как-нибудь в будущем обязательно зайду.

Таких встреч у меня с Сулейманом и его женой в последующие годы было несколько, но сценарий всегда был одинаковым, он повторялся из года в год. Те же смачные поцелуи в обе щеки, те же три курицы, которых она собиралась резать, если я зайду к ним, и та же демонстрация кур через открытую калитку. Однажды после «официальной» части нашей с ней встречи она по принятой последовательности открыла калитку, чтобы в очередной раз продемонстрировать мне армию своих домашних пернатых, а их во дворе не оказалось. Увидев их отсутствие, она запищала, забыла о приглашении и забежала во двор, по дороге ругая мужа:

– Опять Сулейман оставил открытую дверь в фундуковый сад, чтобы руки его отсохли!

Мы с Сулейманом посмеялись, поднятием плеч Сулейман обозначил мне, мол, вот такая у него жена, не всё так гладко у них в семье, как со стороны кажется.

Я грешным делом тогда подумал: интересно, могла бы армянка Асли так проклинать за оставленную открытую дверь своего Керема через двадцать пять лет совместной жизни, если бы ее отец-священник не помешал им жениться?

А что касается кур, которых жена Сулеймана готова была резать, и количество которых не менялось из года в год, я определил, что три курицы – это лимит в этой семье для гостей моего уровня.

***

В тот вечер, когда я в тяжелых раздумьях подходил к дому Кара-дайы, Сулейман был один и будто по графику копошился в кишках своего железного коня. Там же, на улице, напротив ворот Кара-дайы мы с ним встретились.

Какой же, оказывается, чувствительный человек Сулейман, любимый сосед Кара-дайы! Одной подсказкой спас тогда он меня и Кара-дайы от полного разрушения наших отношений. Не отходя от своего трактора, на ногах и не раздумывая, он дал такой совет, что в тот же день восстановились мои почти угасшие чувства любви к дедушке Кара-дайы.

Шел тогда четвертый день моего пребывания в Зогаллы. Кара-дайы, скорее всего, был наслышан, что я нахожусь в деревне. Скорее всего, он тоже думал, почему я медлю со звонком и почему до сих пор мы не увиделись с ним. В былые годы, бросив все дела, первым делом я проведывал его, на этот раз, как уже говорил, я к нему не торопился.

С утра младший брат поинтересовался, когда я собираюсь увидеться с Кара-дайы. Оказывается, каждый раз, где бы они с Кара-дайы ни встречались на деревенских мероприятиях – на свадьбах или похоронах, – тот обязательно спрашивал у него, когда в этом году я приеду в отпуск.

– Сходи, проведай, – сказал брат. – Узнает, что приехал и до сих пор не проведал его, обидится.

– Хорошо, – ответил я. – Как раз сегодня собирался, – и пошел звонить ему.

Трубку долго не брали, потом детский голос ответил мне, что дедушки дома нет. Через два часа повторился тот же ответ, я для себя решил, что если и на третий звонок ответит ребенок, значит, наверху решили, что мне пора завязать с Кара-дайы. Но я ошибался, верхи, оказывается, ничего не решили: когда я в третий раз набрал его номер, трубку с первого гудка поднял Кара-дайы. Видимо, он был информирован внуком, что с утра какой-то незнакомый мужчина дважды звонил и искал его. Голос у Кара-дайы был подавленным, ответил он сухо.

– Слушаю, – сказал он и после коротких дежурных приветствий недовольным голосом приказал: – Приходи вечером, буду ждать!

После шести часов вечера я оделся, прихватил привезенный из Украины гостинец – подсолнечную халву, вышел на улицу и направился к нему домой.

***

Было еще светло, медленно наступал прохладный зогаллинский вечер после августовской дневной жары. Я, как никогда, понимал, что если не изменить существующую между нами форму отношений, сегодняшняя встреча станет последней. Если и сегодняшнее застолье превратится в очередное издевательство Кара-дайы надо мной, я окончательно остыну к нему, и моя душа покроется слоем горечи и обиды.

Кто его знает, расстались бы, видимо, мы с Кара-дайы надолго.

В дом Кара-дайы я шел медленно и неохотно, по дороге здороваясь со знакомыми односельчанами. Пятнадцать лет назад, после окончания института и службы в армии, каким-то неведомым судом мне был вынесен приговор следующего предписания: по прибытии в Зогаллы обязательно посещать дом Кара-дайы, проведывать его и его жену, садиться с ним за стол, есть и пить все то, что он предложит, и молча слушать его! В течение пятнадцати лет я исправно выполнял данное предписание, а сегодня наступал последний вечер приговора для меня.

Задача передо мной стояла не из легких. Чтобы не потерять Кара-дайы, чего мне меньше всего хотелось, я должен был решиться на кардинальные преобразования наших отношений. Хватит ли у меня сообразительности и умения? Об этом я думал всю дорогу.

А как всё красиво начиналось: первые годы нашего общения в каждый свой приезд я на крыльях летел к нему, чтобы повидаться с ним и с его гостеприимной женой, участвовать в застольях, организованных в честь моего приезда, а потом бесконечно слушать его! С самого первого дня нашего близкого знакомства я был заворожен его знаниями истории Зогаллы, его увлекательными рассказами о прошлом моей родной деревни. Меня подкупали его острый ум и не менее острый язык: подолгу не видев его, я начинал скучать по его сквернословию, настолько это естественно звучало из его уст. Я получал неимоверное удовольствие, когда во время наших бесед он непринужденно переходил с одного языка на другой: с азербайджанского языка на грузинский, потом на русский, произнеся несколько знакомых только ему слов на немецком, он опять возвращался на родной азербайджанский.

А как он любил ругаться: в этой жизни никто ему не нравился, он ругал всех подряд и на всех знакомых ему языках. Особое удовольствие я получал, когда он ругался на русском, при этом, бывало, попадало и мне. Но я никогда не обижался на него, несмотря на то, что он часто высмеивал мою неприспособленность к новой жизни.

Наша с ним дружба держалась не только на наших родственных связях и моей тоске по родной крови. Я, как никто, восхищался его героическим прошлым и гордился им. От этого еще больше тянуло меня к старшему нашего фамильного рода «посохов». Признаюсь, немаловажную роль в нашей дружбе также играла одинаковая у нас с ним любовь к застольям, которые он организовывал в честь моего приезда. А как меня притягивали крепкие напитки его собственного домашнего изготовления, словами не передать. Если в первые годы нашей дружбы я спешил на встречу с Кара-дайы в надежде услышать от него очередную героическую историю из его длинной жизни, то со временем я начал понимать, что меня к нему притягивает еще и предвкушение обильного застолья. Каждый раз с замиранием сердца в предчувствии предстоящего удовольствия я ждал, с каким именно напитком он поднимется из подвала: или это будет мягкое, свежее и золотистое зогаллинское вино, или он расщедрится и принесет на стол более крепкий напиток высшей зогаллинской пробы и многолетней выдержки. Минуты, когда он не спеша вставал со стула и не торопясь спускался в подвал за вожделенным напитком и так же не спеша поднимался оттуда с наполненной бутылкой из-под гахской минеральной воды, для меня были самыми утомительными. Как опытный застольный боец, Кара-дайы чутко улавливал мою слабость, поэтому, как только начиналось застолье, он беспрерывно наливал и себе, и мне. И мы с ним пили, а потом он рассказывал, а я продолжал его слушать.

Пользуясь моей юношеской любопытностью и любовью к нему, Кара-дайы буквально охмурил меня, как шайтан, когда-то охмуривший его самого. Я был влюблен в искусство потребления им крепких домашних напитков, был очарован его обаянием, не показной гостеприимностью, умением организовать и вести незабываемые застолья. Своими рассказами Кара-дайы затуманил мой ум, я был лишен инициативы и желания высказаться. Авторитет Кара-дайы для меня был настолько высок, психологическое давление было настолько сильно, что я во всем с ним соглашался. Иногда после некоторых его рассказов у меня появлялось неудержимое желание высказаться, но я был будто загипнотизирован им, поэтому, как правило, предпочитал молчать.

Не поверите: часто в дни, когда собирался к нему в гости, я с утра ограничивал себя в еде, потому что знал, что у него дома мне придется есть с добавкой, особенно чтобы хозяйке было приятно, настолько дружелюбно и гостеприимно она меня принимала. Негласно от меня требовалось одно: есть, пить и слушать рассказы хозяина дома. Слушал я его с большим интересом, всегда с любовью, иногда с сочувствием. Был один небольшой недостаток в нашем общении, которого поначалу я не

замечал: он мне не давал говорить! В наших с ним застольях всегда говорил он. Отведя мне роль молчаливого слушателя, Кара-дайы не спеша листал страницы своей длинной и увлекательной жизни. Во время рассказов он радовался и расстраивался, смеялся и грустил, он сам заводился, сам и успокаивался.

Безусловно, элементов артистизма в действиях Кара-дайы всегда было достаточно, но он всегда оставался самим собой, никогда не играл и никогда себя не выпячивал. Он на самом деле был таким, каким себя показывал.

Позже в мою голову стали приходить сугубо шайтанские мысли, будто, если бы в доме Карадайы не было столь обильного угощения едой и крепкими напитками, то, возможно, я не так часто и не так рьяно проведывал бы его, ходил бы к нему не так регулярно. В подобные минуты я сначала терялся, не знал, что меня заставляет так думать. Придя в себя, я действовал решительно, выбрасывал из головы подобные, порочащие весь наш род «посохов» мысли. Начинал уверять себя в том, что к Карадайы меня тянут исключительно наши родственные связи и моя романтическая влюбленность в своего дедушку! Всё! Всё остальное вторично! Ну что же с того, что он много говорит и не дает мне высказаться? От меня тоже ведь многое не требуется: сиди, жуй, пей и слушай дедушку. Я так и делал – ел, пил и слушал!

– Даром пою и кормлю тебя, – говорил он мне. – Всё равно с тебя толку мало. Хоть слушай, может, что запомнишь и когда-нибудь что-нибудь да напишешь.

Я слушал, кивал головой и, бывало, иногда хвалил его. Услышав похвалу в свой адрес, он во время своих рассказов моментально останавливался и давал мне слово только для того, чтобы я говорил что-то восхищенное о нем.

Со временем, исчерпав весь свой героический репертуар, он стал повторяться, но я вынужден был дальше слушать его. Права голоса я не имел. Это было форменное издевательство с его стороны: сколько один человек может слушать другого? Но я продолжал навещать его, меня продолжало тянуть к нему, в его дом. Когда-нибудь специалисты, наверно, будут изучать феномен подобного поведения, когда человека неумолимо тянет в дом, где хозяин, воспользовавшись романтической увлеченностью гостя, сначала его вкусно поит и кормит, а потом заставляет слушать всевозможные истории о своем героическом прошлом.

Когда срок нашей дружбы перевалил за десять лет, после каждой встречи с Кара-дайы я стал задумываться над перспективой наших с ним взаимоотношений. Перспектива вырисовывалась нерадостная, шла нарастающая тенденция к ее ухудшению. Над этим вопросом я задумывался на следующий день, наступающий после нашего очередного с ним вечернего застолья, которое, как правило, заканчивалось за полночь. Просыпаясь с тяжелой головой после подобных «дружественных встреч», первым делом я старался восстановить детали его вчерашних рассказов. И каждый раз ловил себя на том, что годами Кара-дайы стал проявлять еще большую надменность по отношению ко мне. Но ничего не менялось: я как слушал его, так и продолжал слушать, не имея своего мнения.

Для самого Кара-дайы ничего неординарного не происходило, страдающим оказывался я. Кара-дайы не нуждался в моих подсказках. Но если в первые годы я легко переносил подобную дискриминацию и его колючие уколы, с возрастом мне захотелось более-менее равных отношений с ним.

Если быть откровенным до конца и смотреть вглубь, получалось, что во всем я сам и виноват! Я и больше никто! Как попал я на крючок Кара-дайы в молодые годы, так и продолжал висеть на нем словно тушка барана на стеллаже у мясника. Как хотел, так и разделывал он меня! Но как мне быть, я не знал, тянуло меня к нему, как преступника тянет на место преступления.

Не раз, после получения очередной порции нагоняя, я давал себе слово, что больше с ним пить не буду, общаться с ним буду только с чаем. Пока мы с ним не начинали пить, Кара-дайы со мной был хоть и суров, но вел себя достаточно вежливо

и учтиво. Не считая некоторых колкостей, в целом мы мило беседовали, как положено было почтенному аксакалу и его послушному внуку. В такие минуты я спокойно переносил любые его шутки и насмешки. Но что самое интересное, общение с ним втрезвую быстро начинало мне надоедать, и я стал оглядываться, когда же он пойдет в подвал за долгожданным напитком. А он будто чувствовал, что подошло время порки, вставал и медленно направлялся в свои закрома. Некоторые подумают, что с этого момента начиналось самое противное. Ничего подобного. Когда начиналось застолье с принесенным Кара-дайы напитком, начиналась самая интересная и увлекательная часть программы. Противное начиналось позже, мучения мои наступали на следующий день, когда в силу мнительности своего характера я начинал анализировать и вспоминать подробности произошедшего.

Мне бы хоть раз стать в позу и решительно отказать ему:

– Кара-дайы, можете не спускаться в подвал, сегодня я пить не буду!

Сколько раз я не решался на такой шаг, не обессудьте меня, не получалось в течение пятнадцати лет! Какая-то неведомая сила заставляла меня сидеть с ним, не умел я отказаться от его застолья с выпивкой, хоть убейте!

Кара-дайы насильно не заставлял меня пить, под угрозами не заливал мне водку в рот, мне самому нравилось это занятие! Нравилось еще потому, тут тоже надо правду сказать, что напитки его действительно вкусные, бесподобно вкусные.

Правы были те, кто в самом начале нашей с ним дружбы предупреждал меня, я никого тогда не слушал.

– Будь осторожен, – говорили мне добрые люди, – что его дом, что он сам – настоящие магниты! Привыкнешь, будет тебя тянуть к ним, и зависнешь там.

И завис ведь в итоге! Если бы не он, кто его знает, может, я вообще не притрагивался бы к спиртному, как некоторые новоиспеченные наши муллы. Он ведь сам меня и научил этому искусству.

– Институт закончил, армию отслужил, сейчас можно, – помнится, сказал тогда он мне, заманивая к столу, и с тех пор я и пил с ним наравне, когда встречались, а бывало и перепивал.

***

Когда я подходил к воротам Кара-дайы, его сосед Сулейман, как я уже говорил, по традиции на улице возился со своим старым трактором марки «Беларусь». Все зогаллинцы, включая меня, обращались к нему по имени, хотя по возрасту полагалось обратиться к нему как «дядя Сулейман». Увидев меня, он масляной тряпкой тщательно вытер руки, но поняв, что от этого его руки не стали чище, протянул запястье правой руки, и мы поздоровались.

– К дедушке опять собрался? – улыбаясь, спросил он. – Не надоел он тебе еще?

– Нет, вроде, – ответил я, но удивился, что как заправский психолог Сулейман прочитал мои мысли. Он продолжал улыбаться:

– Кара-дайы быстро всем надоедает. Ты молодец, держишься столько лет.

– Я же раз в год навещаю его, может, поэтому, – ответил я, но догадался, что Сулейман хочет мне что-то посоветовать.

– А чем он тебя угощает? – уж очень загадочно спросил Сулейман у меня.

– Тем, что он и сам пьет, – ответил я. Но не понял, к чему он задал этот вопрос.

– Чем именно, можешь сказать? – дальше напирал Сулейман.

Я перечислил Сулейману, что обычно Кара-дайы подносит из подвала:

– Обычно тутовкой, бывает, принесет и алычовку, раз, помню, пили и сливовку. Несколько раз сидели с вином.

– Тогда всё понятно! – твердо выпалил Сулейман. – Тогда я тебе не завидую. А я думал, что он тебя угощает кизиловой водкой, раз ты без устали и столько лет ходишь к нему.

– Ни разу кизиловой водкой он меня не угощал, – честно признался я.

– Тогда слушай меня внимательно, – еще больше удивился Сулейман и по секрету открыл мне одну тайну, – кизиловая водка – единственный напиток, при распитии которого твой дедушка не кричит на собеседника, не унижает его и не сильно ругается. Я-то уж точно знаю, поверь мне, столько лет соседствуем, – поделился он со мной. – Будете и дальше пить тутовку, виноградную водку, сливовку или даже алычовку, не рассчитывай на доброжелательное отношение к себе с его стороны. Единственный напиток, который умиротворяет его, – это кизиловая водка! Хочешь ровных отношений с ним, хочешь спокойного застолья, – попроси у него на стол кизиловую водку. Сегодня же попроси. Ее у него мало в подвале. Но я знаю, тебе он не откажет. Тогда ты узнаешь своего дедушку еще глубже, много интересного он тебе расскажет, – посмеялся Сулейман в конце. – Впредь с ним пей только кизиловую водку! И не говори ему, что я подсказал тебе!

Поблагодарив Сулеймана, который стал дальше копошиться в двигателе своего трактора, я направился к воротам Кара-дайы, чтобы войти во двор. Прежде чем зайти, я сам себе задал вопрос: «Почему, интересно, за пятнадцать лет наших застолий Кара-дайы ни разу не угощал меня кизиловой водкой?»

В таких раздумьях я вошел во двор.

Поздоровался он со мной, как всегда, сухо. Не прошло и пятнадцати минут, Кара-дайы по старой привычке кольнул меня, то ли в шутку, то ли всерьез предложив подложить мой диплом об окончании института под ножку стола. А случилось вот что: стали мы с ним устанавливать стол во дворе под старым грушевым деревом в ожидании ужина. Стоял прохладный августовский вечер. Как я уже говорил, Кара-дайы был не в настроении (когда он был в настроении перед едой, я и не помню). По каждой мелочи и необоснованно он кричал то в сторону жены, то мне. К тому же он придирался к каждому моему движению: то я не так держу стол, то не туда поставил.

– Все мы горазды пить и есть за чужой счет! Институты заканчивали, а стол обеденный ровно установить не можем!

Зная его характер, я проглотил и этот укол. И как назло, на самом деле мы долго не могли с ним уравновесить стол. То ли поверхность земли под деревом была неровная, то ли ножки стола были одна короче других. Только подставляли камешек под одну ножку, хромала другая ножка. После нескольких неудачных попыток Кара-дайы изучающе посмотрел на меня, сказал:

– Сейчас твой диплом как раз пригодился бы под ножку стола! Помню, из хорошего толстого картона он был сделан, – и ехидно засмеялся, а после добавил. – Все равно с него, как я понимаю, пользы мало!

«Надо же, – подумал я, – помнит, старый, мой диплом».

Столько лет прошло, а он, оказывается, всё помнил: после окончания института я вернулся домой с вожделенным дипломом. Почти все зогаллинцы пришли тогда поздравлять меня и моих родителей с успешным окончанием вуза. К вечеру появился и Кара-дайы. Поздравив моих родителей, он тогда подошел ко мне и приказал:

– Принеси, посмотрю! Какой он, твой хваленый диплом институтский?

Позже он долго и изучающе крутил его в руках, – проверял, видимо, на прочность, а возвращая, под смех присутствующих, сказал:

– Из хорошего, толстого картона сделан!

Я тогда не придал значения его словам.

Но когда через столько лет он опять вспомнил толщину картона моего диплома, я очень удивился, но, конечно же, опять промолчал. А что мне оставалось делать? Не скажу же я ему в ответ, – мол, уважаемый Кара-дайы, дорогой мой дедушка, если на то пошло, ваша книжка от ордена Красной Звезды сделана из не менее крепкого картона. Я представлял его реакцию: он выругал бы меня и моментально выставил бы со двора. Мало того, накрылось бы долгожданное мной застолье. А этого

я, честно признаюсь, в тот вечер не хотел, поэтому действовал аккуратно, чтобы не сорвать намеченный ужин. Войдя во двор, для себя тогда я решил: сегодня тоже потерплю, раз пришел последний раз, пусть и ужин будет по полной.

Ну а если вернуться к моему диплому и посчитать по годам, я на свой картон потратил ровно четыре года, столько в войну с немцами он потратил на свой картон от ордена Красной Звезды. Разве это ему объяснишь?

Нет-нет, видно, я опять поддался шайтану, нельзя сравнивать картон, добытый в мирных условиях, с картоном, добытым под пулями!

***

Я поступил так, как посоветовал мне тракторист Сулейман. В тот вечер впервые за столом я уперся.

– Если есть кизиловая водка, – сказал я, – то выпью с вами. А так, не хочу пить, извините, Кара-дайы. Водку и в Украине хорошую делают. Если нет у вас кизиловой водки, давайте тогда чай пить. Я как раз привез вам украинскую подсолнечную халву, давайте с халвой чаевать.

Кара-дайы собирался в подвал, услышав мои слова, приостановился, от моего неожиданного заявления чуть было не уронил из рук темную пустую бутылку из-под гахской минеральной воды. Ни слова не сказав, он долго и подозрительно смотрел на меня: «Кто, мол, тебя надоумил?» Не найдя ответа, ни слова не проронив, медленно направился в подвал.

Вернулся Кара-дайы с пол-литровой бутылкой, на три четверти наполненной кизиловой водкой. С того дня из всех видов домашних водок, имеющихся у него в подвале, мы с ним стали пить только кизиловую водку. Вино не в счет, вино мы могли пить с ним всегда, иногда даже вместо воды. И начался новый, более увлекательный этап наших отношений.

С появлением кизиловой водки на наших застольях я стал чувствовать себя более свободным, стал вести себя открыто, и наши отношения с Кара-дайы стали более равноценными. Вульгарность Кара-дайы, когда-то приравненная мною к его раскрепощенности, стала уходить в прошлое. В моих глазах он преобразился в совершенно нового человека, способного понять и выслушать собеседника.

В первый вечер с кизиловой водкой Кара-дайы рассказал о наставлениях своего покойного отца, о его мудрости и дальновидности, которыми он восхищался по сей день.

Кара-дайы не любил вспоминать свое детство, не любил рассказов о своих родителях. Это был первый рассказ Кара-дайы о своем отце за пятнадцать лет нашего близкого общения.

***

За три дня до своей кончины покойный отец Кара-дайы, оказывается, позвал к себе одиннадцатилетнего сына, посадил рядом с собой, погладил его по голове, что делал он очень редко, и дал ему наставления на жизнь. В тот день отец Кара-дайы гостил у своего друга, грузина Автандила, и, как всегда, вернулся оттуда хорошо выпивший. По словам Кара-дайы, вечером отец обошел весь двор, проверил скотный сарай, курятник и остался доволен маленьким сыном, который управлял этим большим хозяйством. Позже он стал обходить дом, проверил первый этаж, потом, к удивлению сына, поднялся даже на второй. Потому как, оказывается, отец Кара-дайы никогда не поднимался на второй этаж построенного собственными руками дома, ел и спал всегда на первом этаже. И только после этого он имел откровенный и долгий разговор с сыном.

– Выглядел отец внешне, как обычно, нельзя сказать, что он выглядел больным. Было темно, я к тому же был одиннадцатилетним ребенком, что я понимал?

Детям всегда кажется, что их родители будут жить вечно, так и я ничего плохого не мог думать. Может, он чувствовал, что смерть у него на носу и скоро настигнет его, – говорил Кара-дайы, рассказывая мне эту историю. – Раньше люди более чувствительными были, многое предвидели, не то что сейчас. Сейчас народ такой пошел, что и жить не умеет нормально, и смерти своей не чует. Может, такое видение было моему отцу, что проживает последние дни на земле, кто его знает, – печалился Кара-дайы, вспоминая отца.

Так вот, посадил, оказывается, Уста Нурулла своего единственного сына рядом с собой, погладил его по голове и рассказал сыну, как ему дальше жить. По словам Кара-дайы, его отец говорил много, так как отец был выпившим, а речь его была несвязная, а Кара-дайы тогда был маленьким и не слишком смышленым, добрую часть его рассказа Кара-дайы сегодня не помнит. Но основную часть отцовских поручений он запомнил навсегда.

– Этот дом, – сказал ему отец, – построен для тебя! Кроме тебя, у меня никого на этом свете нет! Запомнил?

– Да, – тихо ответил тогда слегка напуганный Кара-дайы, потому что не знал, почему отец все это рассказывает, и продолжал смотреть отцу в рот, что он еще попросит запомнить.

Дальше шло самое важное.

– Многие зогаллинцы меня упрекают за мое пристрастие к водке, – продолжал якобы отец. – Может, они и правы, но я ни о чем не жалею. И самое главное, я и тебе не запрещаю пить, когда вырастешь. Знай, Кара! – твердо сказал отец, и Кара-дайы, по его сегодняшнему утверждению, запомнил слова отца на всю жизнь. И не только запомнил. – Подвал дома предназначен для погреба, чтобы хранить там продукты, вино и водку. Вырастешь, можешь сам дома изготавливать и вина, и водку, вон сколько винограда и фруктовых деревьев во дворе. Я тебе и это разрешаю! Не захочешь, мой друг, грузин Автандил, никогда тебя не обидит, даст тебе столько, сколько захочешь. Но лучше будет, если ты сам научишься этому делу и никого не будешь просить. Самое главное, Кара, я тебе разрешаю пить! – по словам Кара-дайы, именно это наставление сыну отец несколько раз в тот вечер повторял. – Кара, пей, сколько хочешь, но с умом! Только с умом! – якобы он еще указал сыну, как ему надо будет пить. – А в большой комнате с камином на первом этаже принимай гостей. Я когда строил дом, для себя так представлял. Видимо, не судьба была мне принимать там гостей. А ты принимай, именно там, понял? – сказал отец своему сыну и тут же от него получил утвердительный ответ.

– Хорошо, – ответил тогда Кара-дайы отцу, – пить буду с умом, гостей буду принимать на первом этаже в большой комнате с камином.

После этого отец Кара-дайы, по его рассказу, надолго замолк, замолк и его сын. О чем тогда думал одиннадцатилетний Кара-дайы, он сегодня не знает, тем более не может знать, о чем думал его отец. Но помнит, что через какое-то время отец будто что-то вспомнил и добавил.

– И еще, – сказал он сыну, – у меня будет к тебе еще одна просьба, Кара. Пить я тебе разрешаю, пей, сколько хочешь, но с умом! – опять повторился он. – Только никогда табак не кури! Все болезни от табака!

Кара-дайы в тот вечер дал слово отцу, что курить он никогда не будет, а пить будет по надобности, если уж отец разрешает, и только с умом. На этом якобы и закрыли тему.

– Такова была воля отца, я дал ему слово, что буду придерживаться его наставлений! И всю жизнь придерживаюсь, как бы это мне тяжело ни давалось! – гордо заявил в тот вечер Кара-дайы, и, честно говоря, мне было непонятно, какое из двух наставлений отца в жизни его сыну давалось тяжелее: распитие спиртных по надобности и с умом или воздержание от курения.

Если покойный отец Кара-дайы на самом деле давал сыну такие наставления, могу свидетельствовать, что Кара-дайы, как послушный сын, всегда их придерживался: гостей он принимал в большой комнате с камином на первом этаже и пил с ними по надобности и с умом, никогда в жизни не курил. Даже во время войны, когда вокруг все курили, Кара-дайы не притрагивался к махорке и раздавал ее своим подчиненным, а иногда, помня наставления отца, махорку обменивал на спирт и даже на фронте пил с умом и в меру.

Зная врожденную склонность Кара-дайы к преувеличению и приукрашиванию, сегодня большинство зогаллинцев не верят, что на самом деле такова была последняя воля отца. Многим почему-то кажется, что этим Кара-дайы как бы оправдывает почти более чем полувековой отрезок своей жизни, которая прошла под знаменем застолий и выпивок. Сам Кара-дайы твердо придерживается своей линии и, рассказывая о последней воле своего отца, любит подчеркивать дальновидность и мудрость покойного.

– Мой отец, считай, всё предвидел, – хвастался он мне в тот вечер. – Человек без образования определил для своего сына, что курить намного вреднее, чем пить водку. А если ее пить с умом, как настаивал мой отец, никакого вреда совсем нет! В наши дни многие бросили пить, ударились в религию, но все поголовно курят! И некому этим бедолагам объяснить, что все сегодняшние болезни от курения!

– А от водки нет болезней, да? – хотел я хоть как-то протестовать, хотя в вопросе выбора курения или распития водки я был солидарен с ним. Мы впервые пили кизиловую водку, она позволяла мне иногда возражать.

– Если пить с умом, никаких болезней! Именно так советовал мой отец!

До призыва в армию выполнять наставления отца Кара-дайы удавалось отчасти: курить он не курил, но пил очень редко, и то тогда, когда бывал в гостях у друга своего отца Автандила в грузинской деревне. Кара-дайы собирался наверстать упущенное после женитьбы, но и тут ему не повезло: через шесть месяцев после женитьбы его призвали в армию, выполнение отцовских наставлений пришлось отложить еще на десять лет. По дороге в Германию, по его словам, кроме наркомовского спирта и водки, он пробовал напитки домашнего изготовления многих народов, в том числе русский самогон, украинскую горилку, белорусскую и польскую зубровку, медовуху, варенуху и, конечно же, немецкий шнапс. Из армии Кара-дайы вернулся возмужавшим мужчиной, знающим толк во всех спиртных напитках европейских стран, и, не покладая рук, взялся за выполнение наставлений отца.

В первые два года после возвращения с войны необходимым количеством вина и водки его обеспечивали сыновья грузина Автандила (сам Автандил к возвращению Кара-дайы с войны почивал в другом мире). Со временем, в силу резкого возрастания потребности Кара-дайы в их продуктах, братья-грузины решили, что будет лучше, если он сам будет регулировать процесс добычи и потребления напитков домашнего приготовления, и подарили ему новое оборудование для их получения, короче говоря, привезли ему в Зогаллы новый самогонный аппарат. Дело было в разгар лета, весь двор Кара-дайы ломился от созревших фруктов. Младший из братьев покойного Автандила в течение месяца почти каждый день приезжал к нему и научил Кара-дайы гнать домашнюю водку из фруктов. Осенью он же научил его виноделию и получению виноградной чачи. Кара-дайы оказался способным учеником, через три года он гнал водку из всех фруктов, растущих у него во дворе.

Работа самогонного аппарата Кара-дайы настолько понравилась зогаллинским мужчинам, что многие часами могли наблюдать за тонкой струей горячей жидкости, которую он выдавал. Кара-дайы на месте вознаграждал любопытных земляков, давая им пробовать полученный продукт. Большинство тут же просили его, чтобы он им тоже заказал у грузин такой аппарат, а грузины тоже молодцы, никому не отказывали.

В конце сороковых и в начале пятидесятых годов прошлого века в Зогаллы почти в каждом дворе имелся самогонный аппарат. Именно на эти годы приходится начало массового применения в быту полученных кустарным способом спиртных напитков и вина домашнего приготовления. Многие зогаллинцы тогда прошли практику во дворе Кара-дайы, изучая тонкости этого хлопотливого дела, а Кара-дайы, как первооткрыватель этого дела в Зогаллы, никому в подсказках не отказывал.

С начала пятидесятых годов прошлого века у самого Кара-дайы начался и по сей день продолжается этап активного претворения в жизнь наставлений отца. Во многом такому образу жизни Кара-дайы подталкивали долгие годы нахождения его в воюющей армии. Кара-дайы после девяти лет службы в армии и прохождения войны, вернувшись в Зогаллы, посмотрел на мир другими глазами: он первым делом поблагодарил Всевышнего за то, что тот сохранил ему жизнь в той страшной мясорубке. И после нескольких ночей мучительных раздумий (по его сегодняшнему утверждению) Кара-дайы для себя однозначно решил, что впредь жить он будет по-иному, не так, как все зогаллинцы: жить он будет весело и жизнерадостно! В первые годы после возвращения домой из армии, с одной стороны, к такой жизни его подталкивала раздельная жизнь с женой, с другой стороны, именно к такой жизни подходили наставления отца.

Будучи верным последней воле отца, Кара-дайы в первую же осень приступил к претворению ее в жизнь. Подвал дома он оборудовал, как завещал ему отец, по его прямому предназначению для хранения продуктов, вина и домашней водки разной классификации. В большой комнате с камином на первом этаже для приема гостей Кара-дайы установил длинный и массивный обеденный стол с шестью стульями, купленными в Шеки. И тут он оказался пионером: Кара-дайы стал первым зогаллинцем, купившим обеденный стол как элемент мебели в дом. В те годы в домах зогаллинцев обеденный стол не практиковался, прием пищи осуществлялся, сидя на голом полу, для приема гостей на пол застилался еще и ковер. На следующий год им был куплен еще один стол, с таким же набором стульев, но размерами уступающий первому столу, для приема гостей в теплое время года. Его он устанавливал, в зависимости от пробивания солнечных лучей, или под тутовым, или же под грушевым деревьями.

Каких только гостей не видели за прошедшие годы большая гостиная с камином на первом этаже и его зеленый и просторный двор, одному Аллаху известно. Сколько народу прошло по тропинке, ведущей от скотного сарая к этому гостеприимному дому, никому неведомо. Если бы деревья, растущие во дворе Кара-дайы, могли говорить, первым заговорило бы тутовое дерево, которое стоит впереди дома с левой стороны, возраст которого не меньше возраста самого Кара-дайы. Не отстало бы от него и грушевое дерево с кривыми ветками, вытянувшимися вверх более чем в пятнадцать метров, стоявшее на правой стороне от фасада дома. И они вдвоем рассказали бы столько интересного о гостях Кара-дайы, что непосвященный человек, услышав от них о количестве выпитого в их тени за все эти годы, потерял бы рассудок и упал бы так, будто Кара-дайы напоил его двумя литрами виноградного первача.

Тот же камин в большой комнате на первом этаже сбился бы со счета и потух бы давно, если бы, как человек, начал поименно вспоминать званых и незваных гостей своего хозяина, которых он сам всегда согревал не хуже знаменитых напитков Кара-дайы.

Но камин не потух: стоит подбросить в него сухих дровишек, моментально загорится и начнет греть гостей Кара-дайы, как грел все годы своего существования. Стоят перед домом и тутовое, и грушевое деревья, они тоже готовы принимать гостей своего хозяина, и мне почему-то кажется, что и камин, и деревья по-особому радуются, когда в доме Кара-дайы раз в год появляюсь я, его любимый внук.

***

Чем бы Кара-дайы в течение дня ни занимался – будь то уход за животными в скотном дворе или работа в фундуковом саду, в часы застолий с очередными гостями или во время бодрствования после них, – он ни на минуту не забывает о тех опасностях, которые рано или поздно нагрянут на головы зогаллинцев со стороны соседних мугалов[1]. По словам Кара-дайы, такое плотное окружение, каковым сегодня является окружение мугалами Зогаллы, в его жизни было всего один раз: в далеком 1944 году, по его словам, отборные штурмовые отряды немцев окружили его взвод в лесу под Витебском. И, конечно же, хотели их ликвидировать. Но не на тех напоролись они, вспоминает Кара-дайы с ухмылкой. Взвод под его руководством не только выбрался из окружения, перебив немцев в неравном бою, но позже, оказывается, выполнил и боевое задание, о чем сам Кара-дайы, как командир взвода, лично доложил то ли командующему армией, то ли командующему фронтом. Он сегодня это точно не помнит, потому как таких победных докладов во время войны у него было множество.

А мугалы, по его утверждению, триста лет назад как окружили Зогаллы, так по сей день продолжают окружать. Убивать не убивают, а медленно душат.

– Например, вот ты для себя определил, что впредь со мной будешь пить только кизиловую водку, – Кара-дайы разъяснял мне сложившуюся ситуацию, и было приятно, что он начал ко мне относиться как к равноценному участнику застолья. – Кизиловая водка так кизиловая! И я это принял. А с мугалами у нас неопределенность. Триста лет существует Зогаллы, столько же лет мугалы вокруг нас! За триста лет с ними не можем определиться! Душат и душат они нас! Триста лет, днем и ночью, без перерывов и выходных, они душат нас! Я даже удивляюсь, как за триста лет не задушили нас окончательно, – говорил он, при этом не объяснял, почему зогаллинцы за триста лет ни разу не пробовали выбраться из мугальского окружения, пусть даже с боями, как он сам со своим взводом выбирался из окружения немцев. – Триста лет зогаллинцы только и делали, что отбивали наступления мугалов на их самобытную жизнь, старались сохранить присущие только им традиции и обычаи. Думаешь, это легко? – спросил он у меня.

– Чтоб нашим врагам жилось так легко, – поддержал я его, и мы оба замолчали.

А мугалы тем временем жили своей жизнью и радовались ей, не собирались ни душить, ни завоевывать зогаллинцев. Триста лет они неустанно следили за чудными соседями и старались их понять, а когда не понимали вовсе, то смеялись над ними. И сегодня продолжают следить и смеяться.

***

Как тонкая, сгибающаяся от созревших желтых, сочных плодов ветка груши ждет малейшего шевеления ветра, чтобы сбросить с себя неподъемный груз, градом посыпать их на землю, так и соседи-мугалы ждут от зогаллинцев любого опрометчивого шага, неуверенного поступка, неудачного высказывания, чтобы позже месяцами забавляться над ними. Будто другого повода радоваться для них на земле не существует, будто они родились на этот свет, чтобы сидеть в засаде, неустанно следить за соседями и ловить их на ошибках, бурно веселиться при их обнаружении, язвительно злорадствовать над ними.

Нестыковок и противоречий в повседневном поведении зогаллинцев так много, что иногда над ними шутят даже соседи-грузины, обычно сдержанно относящиеся к недостаткам соседей. Незнакомым с бытом и нравами местных жителей гостям зогаллинцы в первые дни на самом деле кажутся нестандартными творениями природы, над некоторыми поступками которых не грех не только смеяться, но и плакать.

---

[1] *Мугалы – условное название жителей соседних деревень, литературный приём автора. Зогаллинцы и мугалы – азербайджанцы, по укладу жизни и по быту немного отличающиеся друг от друга, и на этой почве вечно имеющие друг к другу претензии. –* ***Ред****.*

И мугалов, и грузин, и приезжих гостей, как правило, очень забавляют языковые изюминки зогаллинцев. Судите сами: до недавних пор заметной особенностью зогаллинской разговорной речи (в кое-каких семьях, между прочим, она по сей день культивируется) являлось своеобразное обращение зогаллинских женщин к своим мужьям: они никогда прилюдно своих мужей не называли мужьями или супругами в прямом смысле слова, будто боялись сглаза. Они их даже по именам называть не решались. Поколениями переданная традиция была такова, что в языке зогаллинских женщин слова «муж» или имя мужа отсутствовали. Жена зогаллинца стыдилась во всеуслышание звать мужа по имени. Вместо прямых указательных слов при упоминании мужей жены произносили неопределенные слова, типа «наш» или «сам», но чаще всего «сам». Если зогаллинская женщина в разговоре сказала: «Наш пришел домой», или «Сам приказал что-то делать», или «Сам об этом говорил», – значит, она имела в виду своего мужа. Кара-дайы в таком обращении ничего плохого не видел, наоборот, он считал, что обращение «Наш» или «Сам», применяемое женами в отношении своих мужей при посторонних, свидетельствует об особом уважении жен к своим мужьям и направлено на подчеркивание авторитетности, величия, главенства и верховенства мужа в семье. «Сам» означал самую верхнюю и последнюю инстанцию в семейной иерархии зогаллинцев, где принималось окончательное решение, выполнение которого подразумевалось беспрекословным.

Сегодня некоторые учителя родного языка и литературы зогаллинской средней школы утверждают, что исторически во всех языках мира всегда присутствовала мода на искажение слов, поскольку смысл языка – в его динамическом развитии. Подобное объяснение зогаллинских языковых «фокусов и прелестей» со стороны их интеллигенции мугалов еще больше забавляет, а грузины, чтобы не обидеть соседей, наслаждаются втихаря.

Первой женщиной, которая нарушила эту добрую зогаллинскую традицию, стала жена Кара-дайы. С первого дня нахождения в Зогаллы до самой смерти она не приняла ни разговорного зогаллинского языка, ни его так называемых тонкостей. Сохранив чистоту родного азербайджанского языка, на котором говорили все мугалы, жена Кара-дайы не захотела приспособиться к тонкостям зогаллинской разговорной речи и не стала пользоваться выражением «Сам» в отношении своего мужа. И обращалась к нему исключительно по имени – Кара, что часто приводило того в ярость, особенно если такое обращение звучало в присутствии чужих.

Буду честен, одно только произношение ею слова «Сам» в отношении своего мужа на моих глазах еще больше возвеличивало бы Кара-дайы и стало бы дополнительным подтверждением его незыблемого верховенства не только в семье, но и в роду «посохов». К сожалению, ни я, ни Кара-дайы так и не дождались того дня.

Со стороны жена Кара-дайы, благородная женщина, внешне ничем не отличалась от зогаллинских старушек своего возраста, но в отличие от них она так красиво говорила на азербайджанском языке, что ей завидовали поголовно все зогаллинцы. Многие мои земляки, которые в середине прошлого века потеряли чистоту родного языка, а потом всю жизнь тосковали по ней, общаясь с женой Кара-дайы, получали такое неимоверное удовольствие, будто в жаркую летнюю пору они утоляли жажду прохладной родниковой водой. Говорила она на чистом, колоритном, фольклорном азербайджанском языке. Большинство зогаллинцев были уверены, что наш родной азербайджанский язык именно в исполнении жены Кара-дайы, благодаря тому, как она мелодично произносила слова, находил особо красивое звучание.

Но те же самые зогаллинцы в штыки принимали отказ жены Кара-дайы от употребления в быту некоторых своеобразных, присущих только зогаллинцам выражений их разговорного языка, кое-кто даже в открытую критиковал ее за подобное принципиальное невосприятие их.

– Сколько мугалку ни воспитывай, зогаллинкой она никогда не станет, – гово-

рили они, и сами того не ведая, перефразировали русскую пословицу «Сколько волка ни корми, он всё равно в лес глядит».

Кара-дайы, без сомнения, хорошо знал эту русскую пословицу, но он тоже часто жаловался на жену.

– Толку с того, что красиво говорит, – примерно так он начинал жаловаться, иногда даже кричал. Если бы только кричал, это было бы полбеды, так бывало, что он еще и ругался. А когда ругался Кара-дайы, – чистота любого языка, на котором он ругался, страдала не меньше его жены, которой эти ругательства были адресованы.

Как-то Кара-дайы жаловался мне, что так и не смог приучить жену за столько лет к зогаллинской форме обращения к нему.

– Если бы шестьдесят лет назад я в горах поймал медвежонка и занимался им, я тебя уверяю, – рассказывал он мне, драматизируя ситуацию, – через пять лет медвежонок поддался бы всем моим командам и научился бы даже честь отдавать мне по-армейски. Чего не скажешь о моей жене. Шестьдесят лет дрессирую я ее – без толку! Не поддается это племя дрессировке, и всё! Сколько раз просил ее: «Не позорь меня, обращайся ко мне так, как обращаются все женщины Зогаллы к своим мужьям». Слушает, соглашается, дает слово, но не проходит и дня, как она своим противным голосом зовет меня: «Каарааа! Караа!»

Прав был Кара-дайы, тут я полностью на его стороне. Сколько раз я сам был свидетелем подобного, неподобающего зогаллинской женщине, обращения.

Как-то в очередной раз я пришел в заранее условленное время к ним в гости, но не застал Кара-дайы дома. Меня радушно встретила его жена, усадила за стол.

– Посиди, сынок, сейчас дедушка придет. В сад фундуковый вышел, сказал, чтобы ты подождал его, – сама побежала на кухню, как могла бежать бабушка в ее возрасте.

Я сидел и ждал, никуда не спешил и никуда не торопился. А жена Кара-дайы тем временем поднесла мне чай, сама пошла дальше заниматься на кухне. Каждые две минуты она выглядывала оттуда, смотрела в мою сторону и приговаривала:

– Нет его еще, да? Ну куда же он запропастился? Знает ведь, что ты придешь, – и уходила обратно в кухню.

В следующий раз она спросила с еще большим недоумением:

– Не пришел еще?

Я головой указал на пустующее место Кара-дайы и виновато улыбнулся.

– В туалет, что ли, старый, провалился? Доски там гнилые, – вслух произнесла она, спокойно указала на одну из возможных причин отсутствия Кара-дайы за столом.

А Кара-дайы всё еще не было. Минут через двадцать жена Кара-дайы буквально вылетела из кухни, снова не увидев мужа за столом, пошла в другой конец веранды, вытирая руки о фартук. Открыла она окно веранды, высунула голову из него, повернула ее в сторону фундукового сада и стала звать мужа мощным, тяжелым голосом, похожим на голос бывшей оперной певицы – драматическим женским сопрано. Голосом, который Кара-дайы коротко характеризует как «противный».

– Карааа, Караа! – кричала она, и все соседи, находящиеся в радиусе не менее одного километра, узнали, что в доме Кара-дайы очередной гость, а самого хозяина дома нет.

Кара-дайы будто ждал, когда жена позовет его: послышался скрип петель открывающейся деревянной калитки со стороны фундукового сада, и он вошел во двор. Не спеша закрыв калитку, ответил жене:

– Нет Кары! Умер твой Кара! Хватит позорить да, сколько можно?

Жена Кара-дайы довольно улыбнулась, повернулась в мою сторону и сказала:

– Идет, – ушла в кухню, будто ничего и не случилось.

Тем временем Кара-дайы, сознав, что поспешил с заявлением о собственной смерти, начал бурчать:

– Кара, Кара! Захримар Кара, гор Кара! Не хочешь по-человечески звать, зови хоть без имени! А то – Кара, Кара! Вся деревня на старости лет смеется надо мной!

Я уже начинал было думать, что предзастольное напряжение передастся и самому застолью, но быстро успокоился. Я хорошо знал, что для жены Кара-дайы и для него самого пререкаться по несколько раз в день так же занимательно и обязательно, как для врача помыть руки перед каждым приемом очередного больного. К тому же пить мы собирались кизиловую водку.

Я поднялся и стал ждать, когда появится Кара-дайы, чтобы пойти к нему навстречу. Но он свернул влево, показав мне рукой, чтобы я подождал его за столом, а сам направился к рукомойнику и, как хирург перед операцией, стал тщательно мыть руки. Минут через пять, несколько раз осмотрев помытые руки и убедившись, что они чистые, оставшись довольным, прекратил водные процедуры и стал вытираться полотенцем, висевшим рядом с рукомойником. Я следил за ним стоя.

– А потом говорят, что Кара-дайы не любит мугалов, – издали начал он. – За что их любить? За что я должен любить свою жену? – рукой указал в сторону кухни. Я уже был рядом с ним, и мы поздоровались. – Не поможет, поздно уже, – вынес он окончательный вердикт, и мы сели за стол.

***

Пиршеством в доме Кара-дайы, вершиной всех его приемов являлось и сегодня является застолье для избранных, для самых почитаемых им гостей, к числу которых Кара-дайы относил и относит меня.

И вправду любил и любит меня мой дедушка! Блажен тот день, когда за обильно накрытым столом сидим только мы – я и он, мой любимый дедушка Кара-дайы. При этом на стол женой Кара-дайы, которая любит меня не меньше своего мужа, подносится столько еды, что ею хватило бы накормить взвод молодых десантников. Накрывает она на стол, поговорит со мной минуты две-три и уходит. И появляется она потом незаметно, чтобы поднести другую горячую еду или же забрать на подогрев остывшую, пока мы с Кара-дайы продолжаем общаться. Не хватает только водки, которой у него всегда самый большой выбор в деревне. Его подвал тем и славится, что там всегда в достатке виноградная водка, тутовка, сливовка и алычовка. В Зогаллы сегодня даже непьющие муллы, которые когда-то были пьющими, в приватных беседах между собой признаются, что домашняя водка производства Кара-дайы – лучшая в деревне, что у него нет конкурентов.

Но застолье в доме Кара-дайы только тогда считается пиршеством, когда на стол он преподносит лучший из своих напитков, который, в подвале, к сожалению, у него в ограниченном количестве.

***

Сидел я как-то в очередной свой приезд у него дома в ожидании этого живительного напитка и считал минуты, когда Кара-дайы поднимется, спустится в подвал и принесет кизиловую водку. Ведь именно кизиловая водка привнесла в нашу дружбу новую струю, и я, как в первые годы нашего знакомства, как только появлялся в Зогаллы, стал спешить к нему в гости.

Сидел я, как всегда, за богато накрытым столом, из зогаллинских яств на нем не хватало только кизиловой водки. Если в былые годы я сидел и гадал, какую именно водку по своему усмотрению выберет Кара-дайы, сегодня я был спокоен. Спокоен потому, что я уже прошел у него пятнадцатилетний испытательный срок с его термоядерными напитками, пусть сейчас ими он других своих гостей угощает. Я со своим пятнадцатилетним терпением заслужил королеву напитков его подвала – кизиловую водку!

А Кара-дайы, как всегда, сидел, уставившись в какую-то точку на стене, и ни-

куда не торопился. Я тоже молчал, горячая еда на столе начинала остывать, но Кара-дайы не спешил.

Если бы спросили у меня, что самое отвратительное в характере Кара-дайы, я тут же, не моргнув глазом, а если бы понадобилось, даже под присягой, ответил бы: самым отвратительным в характере Кара-дайы есть его преднамеренное задержание подноса спиртного из подвала на стол! Как можно посадить человека за стол и заставлять его ждать? Есть нельзя начинать, а пить тем более нечего! Мучение и только! Был бы я более смелым, спросил бы у него: «Может, я голодный пришел к вам, уважаемый дедушка? Может, я есть хочу? Вы думали об этом?» Нет, конечно, он об этом не думал! Он как хозяин сам установил и правила приема гостей в собственном доме, и последовательность сервировки стола! И всё! Продукт его собственного изготовления по традиции появляется на столе последним, с некоторым опозданием. Такова его воля, а ты сидишь и пускаешь слюни.

Обнадеживало только одно, это я точно знал: проблем с кизиловой водкой не должно быть. О том, что я собирался с ним пить только кизиловую водку, Кара-дайы знал еще со вчерашнего дня, когда мы с ним говорили по телефону.

– Завтра в обед хочу вас проведать, – сказал я ему. – Соскучился по вам, – добавил для приличия. – Очень хочется выпить с вами кизиловой водки, – при этом, не стесняясь, обозначил, какую водку мы должны пить завтра.

Достаточно того, что в течение пятнадцати лет нашего с ним знакомства он лишал меня этого изумительного напитка. Как начинаешь вспоминать, зла не хватает.

– Соскучился он, – как и ожидалось, посмеялся Кара-дайы в трубку. – По кизиловой водке ты соскучился, а не по Кара-дайы! – продолжал смеяться.

– Почему вы так думаете? – артистично и обиженным голосом спросил я.

– Потому! – коротко ответил Кара-дайы. – Приходи уж. Будет тебе кизиловая водка! Я сам соскучился, – и положил трубку.

Для себя я решил, что Кара-дайы на самом деле соскучился по мне, по своему внучатому племяннику, которого не видел около года.

Так вот, в ожидании холодной кизиловой водки и от запаха блюд, находящихся на столе, мой желудочный сок начинал выделяться в таких количествах, что подопытные собаки Павлова завидовали бы мне.

***

Наконец-то Кара-дайы недовольно поднялся, взял с полки пустую пол-литровую бутылку из-под гахской минеральной воды и направился в подвал. Минут пять уйдет на его возвращение.

Пока Кара-дайы в подвале, я расскажу вам о кизиловой водке, о напитке зогаллинских гурманов, столь любимом мной. Хотите раскрыть душу, поплакать в жилетку, ищете сочувствия, поддержки у друга – так возьмите на двоих граммов двести пятьдесят – триста кизиловой водки, больше не стоит пить – и устраивайтесь где-нибудь так, чтобы вам никто не мешал. Только не стоит пить кизиловую водку, как обычную водку из стопок по сто граммов, не стоит! Мало, что вы обесцените этот драгоценный напиток, в итоге еще сотрете себе память, как неумелый мастер стирает память компьютеру. Мой вам совет: располагайтесь в уютной обстановке, пейте кизиловую водку из маленьких стопок по двадцать – тридцать граммов и раскройте друг другу свои секреты. Как рукой снимет усталость, недомогание души, разбитость сердца, уйдет бессилие, исчезнет утомленность – поверьте, практикой проверено! А сон у вас будет, как у здорового младенца, утром, проснувшись, будете радоваться солнечным лучам, пробивающимся в комнату сквозь щели между шторами. Когда будете открывать утром глаза после вечернего приема кизиловой водки, неимоверно будете радоваться жизни, будете чувствовать себя счастливым! Не ищите причину,

вы ее не найдете, ее никто не знает…

Не каждый зогаллинец, скажу я вам, любит возиться с кизилом.

– Возни много, а результата мало, – говорят большинство зогаллинцев и не связываются с кизилом.

– После двухсот граммов кизиловой водки даже мертвые заговорят, – признаются при этом зогаллинцы в шутку и тут же добавляют, – но будет лучше, если они промолчат!

А Кара-дайы связывается с кизилом, поэтому он и мастер, поэтому и кизиловая водка – его любимый напиток, с кизиловой водкой он – источник философских изречений. В силу ограниченного количества Кара дайы пьет ее только с избранными, в последние годы чаще всего со мной. Знает ведь старик, что я тоже к кизиловой водке отношусь с любовью.

Получение водки из кизила – трепетная, долгая работа, требующая от мастера, кроме всего прочего, большого терпения. Для производства одного литра кизиловой водки требуется не меньше тридцати килограммов спелых плодов кизила, потому и ругал каждый раз меня Кара-дайы, когда из подвала приносил кизиловую водку.

– Зачем она на старости лет мне нужна? – спрашивал он сам у себя. – Вот скажи: зачем? На три литра продукта у меня уходит чуть ли не сто килограммов кизила. А мороки сколько. Потруси куст, собери, принеси домой, дай дозревать плодам в темноте. Как созреет, мякоть отделяй от косточек. Будь она проклята! Сто килограммов кизила, каждую ягоду по одной надо отделять от косточки! Ты себе представляешь, что это такое! Правильно бурчит, между прочим, наша жена, когда два дня сидит и удаляет косточки!

– Так это жена ваша отделяет ягоды от косточек? – удивился я.

– Нет, Пушкин! – грубо ответил Кара-дайы. – Конечно, жена, а кто же еще!– Кара-дайы так уверенно вменил в обязанность жены удаление косточек из мякоти кизила, будто об этом он с ней договорился еще тогда, когда ее умыкал. – Иногда и дети помогают, – негромким голосом добавил он, как бы снижая нагрузку на жену.

Я в первый раз слышал об участии жены Кара-дайы в деле получения кизиловой водки, меня охватила определенная неловкость, а Кара-дайы только это и надо, он моментально уловил смену настроения у меня.

– «Кара-дайы, я так соскучился по вам, завтра хочу проведать вас. Очень хочется выпить с вами кизиловой водки», – повторял он мои вчерашние слова, когда я с ним по телефону говорил. – Сейчас понял, как тяжело достается твоя кизиловая водка?

– Понял, – согласился я. – Больше не изготавливайте, если специально для меня. Я не знал, что так тяжело достается. И бабушку зря мучаете…

– Давай уж, мне виднее, кого как мучаю, – недовольно ответил Кара-дайы и сел за стол. – Собрал сто килограммов кизила, продал по три маната за кило и положил деньги в карман! И делу конец. А я, оказывается, кого-то еще мучаю. Раз так, приезжай в следующем году в сезон, когда кизил созревает, сам собирай, сам отделяй от косточек и передавай мне. Больше ничего от тебя не хочу, дальше я сам. И с кизиловкой будем, и никого мучить не будем.

– Постараюсь, – пробурчал я, заранее зная, что не приеду в сезон.

Еще несколько слов о кизиловке: по словам Кара-дайы, будь у него возможность, он бы никогда не гнал водку из кизила садовых сортов, растущих у него в саду, а поднялся бы в горы и собрал бы там мелкий дикорастущий кизил, намного превосходящий по аромату садовый. А подняться на гору на сбор дикорастущего кизила, оказывается, сегодня ему не позволяют: во-первых, возраст, а во-вторых, он опасается встречи там с медведем, который хоть и не гонит водку из кизила, но тоже очень любит лакомиться им.

– Вот приезжай в следующем году в сезон, я тебе объясню, где кизила много

на горе, поднимись и собирай дикорастущий кизил. Потом увидишь, какую водку Кара-дайы получит из дикорастущего кизила. Не водка, а лекарство!

– А медведь? – пошутил я.

– Что медведь? – удивился Кара-дайы. – Поднимешься с друзьями, заодно и отдохнете. Появится если медведь, покричите, он уйдет! Летом у него еды много, людей не трогает!

Кстати, пока он еще не поднялся из подвала, расскажу вам об одной бредовой идее, которая пришла в мою голову два года назад после обильного угощения кизиловкой Кара-дайы. Говорю «обильного», потому что мы тогда выпили с ним на двоих пол-литра кизиловки, а это много, даже для таких хорошо натренированных в этом деле, как мы с Кара-дайы.

Это Кара-дайы у нас философ с кизиловкой, а я и до, и после нее остаюсь юристом. Так вот, тогда после обильного приема кизиловки мне в голову пришла шальная мысль: а не предложить ли нашим правоохранительным органам в своей практике дознания использовать волшебную силу кизиловки, не прибегая к физическим средствам воздействия на подозреваемых? Например, можно было бы посадить самого несговорчивого подозреваемого в совершении преступления за стол с тем же Кара-дайы (расходы надо будет отнести за счет государства, Кара-дайы на себя не возьмет, у него мало этого продукта в подвале, я знаю) с кизиловкой на два-три часа. Я уверен, у Кара-дайы с кизиловкой самый молчаливый преступник, который не собирался сотрудничать со следствием, через час-полтора выложит то, чего не мог добиться от него весь личный состав управления полиции.

Естественно, возникнет вопрос: а если подозреваемый верующий и непьющий? Возможно, что будут возражения со стороны управления мусульман к такой форме допроса. Естественно, они будут против спаивания своих подданных. Но и тут ответ у меня прост: если ты верующий, бойся Всевышнего, не нарушай закона! Пусть все непьющие и верующие знают: в случае нарушения закона признательные показания они будут давать с применением кизиловки, как бы это ни противоречило их религиозным убеждениям и закону.

Многие подозреваемые, я думаю, с удовольствием пошли бы на признательные показания через кизиловку.

Кажется, я отвлекся, но разве можно не отвлекаться, когда пишешь об этом живительном напитке.

***

Всё, вроде началось застолье, Кара-дайы поднялся из подвала и тут же начал наливать живительный напиток в стопки. Кстати, традиция употребления кизиловки в отличие от водки состоит в том, что она не требует охлаждения, достаточно температуры прохладного подвала, где она хранилась. Первым делом Кара-дайы поздравил меня с прибытием в родную деревню и с тем, что я не забываю его. Мы выпили первые стопки, во рту я ощутил мягкость этого бесцветного напитка. Вкус напитка давал ощущение вкуса свежих фруктов, аромат напоминал букет дорогих духов. На стенках маленькой стопки появились маслянистые разводы, первые же двадцать граммов кизиловки придали моему телу умиротворенность.

Дальше стал разливать я, бутылку из-под гахской минеральной воды Кара-дайы двинул на мою сторону стола. «Что интересного сегодня расскажет Кара-дайы?» – подумал я. В ожидании его рассказа разлил по второй.

– Помнишь, в прошлом году я рассказывал тебе, как мужчина должен определить, кто у него жена, из каких она кровей? Сейчас всё настолько смешалось, простому человеку тяжело определить, с кем он живет, с кем имеет дело, – тихо начал Кара-дайы, посмотрел на меня в ожидании моей реакции.

Неужели Кара-дайы опять вспомнил свою так называемую доктрину о мугал-

ках? Доктрину о том, как рядовому азербайджанцу определить: мугалка попалась ему в жены или нет?

Зацикленность Кара-дайы в вопросе с мугалами временами надоедала даже мне, столько лет знающему его. Но Кара-дайы в своих взглядах по отношению к мугалам непреклонен, во всех невзгодах жизни виноватыми он считал именно их, поэтому с особым пристрастием призывал не только сегодняшнюю зогаллинскую молодежь, но и всю мужскую часть молодежи нашей республики быть осмотрительными при выборе жены и не повторять его собственной ошибки.

– В том-то и состоит мудрость старожилов, чтобы напутствовать молодежь на верный выбор и чтобы они не повторили ошибок отцов и дедов, – продолжил он, и я догадался: прием кизиловки будет посвящен тонкостям его «учения».

– В наше время была ясность в этом вопросе! Мы жили у себя, в Зогаллы, они у себя, в своих мугальских деревнях. Даже грузины знали, что в Зогаллы живут зогаллинцы, а в мугальских деревнях – мугалы. И никаких смещений! Не зря, оказывается, наши аксакалы советовали не брать в жены их девушек. Не только советовали, но и запрещали! Видимо, что-то они знали.

– Но кто-то нарушил этот запрет, – пошутил я, Кара-дайы согласился со мной.

– Да, я первым нарушил этот запрет, да, я первый из зогаллинцев взял в жены мугалку! Признаюсь, виноват! Но никто из зогаллинцев не хотел тогда выдавать за меня свою дочь. А что мне оставалось делать? Женился шестьдесят лет назад и мучаюсь столько же лет. Не живу, а мучаюсь!

– Хорошая у вас жена, Кара-дайы, добрая, гостеприимная! Хозяйка от бога! От чего вы мучаетесь, не пойму! – посмеялся я. – Как по мне, она лучше многих зогаллинских женщин!

– И ты тоже туда, да? Раз в год появляешься в моем доме, конечно, для тебя она добрая и гостеприимная! Ты обо мне думал? Хорошо, ответь мне на вопрос, раз на то пошло: можно ли подкладывать под курицу вареные яйца?

Я начал улыбаться и не знал, к чему он клонил.

– Конечно, можно, – ответил я утвердительно, продолжая улыбаться. – Но цыплята в этом случае не вылупятся, – демонстрировал знание предмета.

– Вот именно! – согласился Кара-дайы. – Подкладывать можно, можно обмануть курицу, она посидит над ними положенный срок, но цыплят не получишь. В итоге получится, что ты не курицу обманул, а самого себя! Так же выглядит жизнь с мугалкой: вроде живешь, а на самом деле сам себя обманываешь, живя без любви. Понятно?

Вот оно, оказывается, к чему он. Но, я был уверенным, так быстро не хотел сдаваться:

– У вас же дети есть, Кара-дайы, значит, яйца были не вареными…

– Не все яйца, значит, были вареными, – тут же подправил он меня и ехидно улыбнулся старый, – и я знаю, какие именно яйца были не вареными.

Даже не покраснел, что ему скажете? Вот такой он у меня, мой Кара-дайы с кизиловкой, бесстыжий старик. А он тем временем закусил и спокойно продолжил:

– Впрочем, что я собираюсь тебе доказывать, у тебя самого жена мугалка!

– Так получилось, – оправдывался я, но под воздействием кизиловки мне стало нравиться направление его беседы. Тем более, я когда-то дал себе слово подробно написать о его «учении». К тому же Кара-дайы с кизиловкой был мягок и добр, не грубил, почти не ругался и со мной был учтив. Может, на самом деле что поучительного он расскажет.

– В мое время всё было легко. Наши отцы и деды нам оставили хорошее наследие. Это я оказался ослом! Осел всегда самоуверен и глуп, ты должен знать это и запомнить, даже если ты у нас ученый!

– Запомню, – согласился я.

– Так вот, я признаюсь, именно таким ослом я и был! Но современному молодому человеку очень тяжело определить, на ком он женится. Всё смешалось! Всё! Куда идет этот мир, никто не знает! Скоро вокруг всё будет мугальское, зогаллинского ничего не останется!

– Ну и ну, – не сдержался я и опять начал смеяться, – что именно молодежи тяжело определить?

– Именно это я и хочу тебе объяснить, а ты пьешь мою кизиловую водку и еще смеешься надо мной! Вот такой ты у меня внук, обученный в Русете, – ответил Кара-дайы, и мне стало понятно, что он обижается оттого, что я так поверхностно отношусь к его «учению». – Многие хорошие парни в наше время женятся и при этом не знают, кто у него жена, из каких кровей она происходит? Понимаешь?

– Кара-дайы, мы-то с вами точно знаем, из каких кровей происходят наши жены, – отшутился я, встал, обошел стол и обнял его (вот как действовала кизиловка). Он моментально смягчился и согласился со мной:

– Речь не о нас с тобой. Я в целом говорю, образно. Вот, скажем, женится молодой человек на красивой девушке. Он ее любит, она его, вроде бы, тоже любит, то есть женятся, как сейчас тамады любят подчеркивать на свадьбах, по любви. Тамадам положено быть красноречивыми, раз им нравится, пусть подчеркивают, нам-то что, по любви так по любви, мы тоже не против.

– А вы верите в любовь, Кара-дайы? – неожиданно для себя спросил я у него.

Никогда между нами за столько лет общения такого рода вопросы не возникали. Должен заметить, что Кара-дайы ни разу в разговорах со мной не хвастался своими любовными похождениями во время войны, соблюдая родственный иерархический занавес между старшим и младшим поколением, сложившийся в Зогаллы. Тем неожиданнее, как мне показалось, выдался для него мой вопрос, и он задумался.

– Есть большая любовь, есть влюбленность, – пропустив очередную стопку с кизиловкой, Кара-дайы начал объяснять мне. – Влюбленность, это как молния, пробила, прошибла, ты достиг своего, и она отпустила, и отступила. А большая любовь – это на всю жизнь.

– Много раз влюблялись в жизни, Кара-дайы? – спросил я, украдкой смотря на него.

Он опять задумался, нахмурив брови, закрыл глаза, будто даже что-то прошептал и считал. Потом он потянулся к бутылке с кизиловкой, стоявшей на столе ближе с моей стороны, налил и себе, и мне, выпили мы без тоста. Чуток закусили.

Судя по тому, как энергично и быстро двигались его губы, окончательное количество влюбленности в своей жизни Кара-дайы выводил не путем сложения, а путем умножения.

Кстати, пока Кара-дайы считал в уме, сколько раз он влюблялся в жизни, поделюсь я с вами приятным наблюдением.

Если уж вы сели за стол, а на столе кизиловая водка, советую пить ее небольшими дозами, грамм по двадцать пять, тридцать, если даже повторяюсь, послушайте меня до конца. Пить по сто граммов традиционно подходит к обычной водке, где градус алкоголя равняется сорока. Выпив кизиловую водку, никогда не спешите с закусыванием, как бы ни горело внутри, как бы сильно ни хотелось моментально притушить этот огонь. Держитесь хотя бы десять-пятнадцать секунд, только после этого потянитесь не к еде, а к солениям. Еда подождет, есть начинайте минуты через три-четыре. Пока берите что-то из солений, пусть это будет соленый огурец или же маринованный зеленый помидор, можно даже взять квашеную капусту. Классический хруст соленого огурца, час назад доставленного из рассола с жесткой водой, является музыкальным сопровождением при распитии кизиловой водки. Изумительно непередаваемый вкус появится у вас во рту, приятное тепло передастся по всему телу, будто вы после холодного дождя, весь промокший, вошли в теплое помещение и сели перед

горячим камином. Но я опять отвлекся, хотя призадержал себя с закуской не двадцать секунд, а чуть ли не целую минуту. Надо растягивать удовольствие.

Тем временем Кара-дайы ответил на мой вопрос.

– А ты как думал? Пройдись-ка ты пешком от финской границы до Дрездена. Через Украину, Польшу, а потом в Германии год службы после войны. Всякое бывало. А как же, молодой был. Война войной, а жизнь-то шла. Много было случаев, – не удержавшись, в конце пусть и неопределенно, но похвастался Кара-дайы.

Тут же, по непонятным мне причинам, темное лицо Кара-дайы сперва приобрело строгое выражение, чуть позже по нему пробежала довольная улыбка. Я понял, что это улыбка мужчины, который прожил долгую жизнь, который только что предварительно листал картотеку прожитых лет и остался довольным полученными данными.

– А в вашей жизни была большая любовь? – я решился сегодня пойти до конца.

Какой же все-таки романтический напиток кизиловая водка! Разве мог бы я после тутовки решиться на такой вопрос? Тутовка возбуждала Кара-дайы, тутовка придавала его действиям физическую агрессию, не совместимую с его возрастом. Я часто думал, как бы себя повел Кара-дайы, если после принятия пол-литра тутовки на двоих дать ему в руки боевой автомат? Первым делом, наверное, как бравый разведчик он ушел бы в фундуковый сад, затерялся бы в кустах, переоделся бы в камуфляжную одежду, а далее, оттуда, не раздумывая, двинулся бы в направлении Дрездена! А как же, а вы как думали? Такая вот сила у его тутовки, и такой вот у меня Кара-дайы!

Но мы пили кизиловую водку, напиток, который располагал не к агрессии, а к любви, напиток, который еще сильнее роднил нас, стирал возрастные и родственные границы при общении.

– Поверь, – раскрылся мне Кара-дайы, – в жизни любого человека бывает всего одна большая любовь!

Это же классика! Человек, никогда не читавший ни одной книги, дословно повторял классиков, которые повсюду и повсеместно утверждали, что большая любовь – она одна, она дается сверху. Ею надо дорожить!

Меня охватило невиданное любопытство.

– И кто же была вашей единственной большой любовью? – не отступал я.

И тут Кара-дайы неожиданно для меня и для всех классиков, когда-то написавших о любви, нанес болезненный удар по базовым понятиям любви. Он тихо произнес:

– Полячки…

Я чуть не упал со стула от смеха, не ожидая услышать такой ответ.

Мой безудержный и громогласный хохот гремел на всю комнату, находящаяся на кухне жена Кара-дайы, услышав мой смех, пришла к нам узнать причину моего столь веселого поведения.

Лицо Кара-дайы, и так выделяющееся среди остальных темно-шоколадной смуглостью, моментально потемнело. Осознав неловкость своего положения, я начал смотреть в его глаза в надежде на прощение. Поначалу мне казалось, что нет никакой опасности, его взгляд ласков, но постепенно в нем начало вырисовываться что-то затаенное и опасное, которое видится в глазах ласкающегося хищника.

Задето было мужское достоинство Кара-дайы, моим неоправданным смехом было ущемлено его самолюбие. Я готовился держать удар.

Первым делом Кара-дайы жестом правой руки выпроводил свою жену из комнаты. Она молча покинула нас, тихо закрыв за собой дверь гостиной. Острый и пронзительный взгляд Кара-дайы начинал приобретать хищную суровость и искрить молниями. Я готовился к растерзанию, с его стороны, как минимум, ожидал неимоверную словесную порку.

Как же плохо, оказывается, я знал влияние кизиловой водки, как же она умела

утихомирить хищника! Кара-дайы с кизиловой водкой, как негаснущий огонь, у которого удобно греть руки. С кизиловой водкой творческие озарения у него вспыхивали одно за другим – как молнии в грозу.

Посмотрев с полминуты на меня, Кара-дайы поменял гнев на милость, улыбнулся и тихим мягким голосом спросил:

– Успокоился?

– Извините, Кара-дайы, – произнес я.

– Наливай тогда. Я думал, ты взрослый мужчина, можно с тобой откровенничать. Каким ребенком выехал из Зогаллы, таким и остался.

Потом я еще долго и несколько раз просил у него прощения, списав свой смех на особое воздействие кизиловой водки, которую я с ним пил.

– Может, от кизиловки так развеселило? – спросил я у него.

– Всё может быть! – ответил он. – Значит, тебе нельзя пить кизиловку! Не умеешь себя вести.

Второй раз за обед я встал, обошел стол, обнял его.

– Вы же знаете, Кара-дайы, как я вас люблю. Непроизвольно получилось, извините, – объяснился я ему. – Даже предположить не мог. Столько лет прошло, а вы не можете забыть их – своих полячек.

– Их забудешь, – к Кара-дайы вернулось прежнее настроение, он начал загадочно ухмыляться. – На чем остановились? – спросил он.

– На полячках и остановились, – ответил я и начал опять громко смеяться. На этот раз он не обиделся, смеялся вместе со мной.

– Поздно уже на них останавливаться! Поздно! Не хотел я возвращаться домой после войны. А пришлось, твой покойный дедушка как наехал на меня! Шестьдесят лет скоро, как вернулся, живу и не знаю, с какой стороны солнце восходит. Что сейчас говорить, наливай.

Я наконец-то успокоился и налил кизиловую водку в надежде на то, что, может, она немножко успокоит и Кара-дайы.

– Многие хорошие парни в наше время женятся и при этом не знают, кто у него жена, из каких кровей она происходит, – слово в слово Кара-дайы повторил последнее свое изречение. – Почему? А потому, что любовь слепа. Жениху в голову не приходит мысль поинтересоваться, какие корни у его будущей жены, кем были ее дедушки, бабушки. Это ему вроде и не надо, он ее любит, она его любит. В первое время действительно живут душа в душу, воркуют, как голуби весной на крыше моего дома. Он только откроет рот что-то просить – она: «Пожалуйста, милый, ты это хотел?» Он только что попросит, она моментально выполняет. Без обсуждений, без лишних вопросов. Он только скажет, например: «Дорогая, чаю хочу», – на что она сразу: «С каким вареньем, милый? Вишневым, инжировым, может, с абрикосовым?» Вот так живут в первое время. Только потом, лет через пять, становится ясно, что все эти варенья, джемы и бекмезы с ее стороны были дымовой завесой, отвлекающими маневрами.

– Какими-то военными терминами говорите, Кара-дайы! Неужели всё так серьезно? – перебил я его.

Кара-дайы приостановил свой рассказ, не предлагая мне, сам выпил очередную стопку кизиловки и даже не закусил, тем самым показал мне, что серьезнее не бывает:

– Как ты думаешь, неужели от хорошей жизни я всё это рассказываю, объясняю тебе? Будь она проклята, больше шестидесяти лет живу с ней, – Кара-дайы смотрел в сторону кухни, хотя и без этого было понятно, кого он имел в виду. – Шестьдесят лет послевоенного ежедневного общения с мугалкой! А всего семьдесят! Думаешь, легко? Ан-нас-сыны всех, кто только так думает! Потому и рассказываю, – хочу, чтобы молодежь не повторила моих ошибок.

– Тогда понятно, – быстро согласился я и вернул рассказ Кара-дайы в старое русло: – А дальше как?

– Как дальше? Дальше она рожает ему первого ребенка, через год еще одного.

– Ему?

– Нет, тебе! – отрезал Кара-дайы. – Конечно, ему, кому еще?

– Дети-то общие, Кара-дайы, – посмеялся я.

– Ты слушай и не умничай! Общие! Конечно, общие, не общественные же. Но я о другом. Так вот, потом, возможно, и третьего она ему рожает. Сколько получается?

– Три и получается.

– Вот молодец! Значит, троих детей уже имеем. А если постараться, можем и четвертого настругать, да?

– Не многовато будет – за пять лет четверых? Почти как у вашего соседа Сулеймана, – на этот раз еле удержал себя от смеха, но надо было держаться, чувствовал, скоро наступит кульминация.

– Три так три. Значит, через пять лет в доме трое детей. Мал мала меньше. Дети бегают себе – туда-сюда, туда-сюда. Детям всё хорошо, они ничего не понимают. Но их молодой отец начинает чувствовать: что-то меняется у него в доме, а что именно, пока не понимает или делает вид, что не понимает. Его просьбы к жене через пять лет выполняются не так оперативно, как раньше. «Дорогая, чаю хочу», – как-то просит он в очередной раз, не догадываясь, что времена-то уже изменились. И точно! В ответ он слышит ее недовольный и якобы уставший голос:«Видишь, я занята с ребенком. Вставай, сам наливай!» Он встает и наливает себе чай. Что ему еще остается.

– Тоже мне работа, наливать себе чай, – удивился я.

– Ты не спеши, – как ни странно, тихим голосом ответил Кара-дайы. – Не спеши! Но это еще не финал! Финал наступает тогда, когда она говорит ему: «Вставай, дорогой, наливай себе, заодно и мне!» Это уже финал! Тут бы ему стать в позу, отказаться от чая! Не хочу чаю, и всё! Еще есть, пусть даже малейшие и призрачные, шансы спасти себя. А он не догадывается, он сегодня такой же осел, как я в свое время, – встает и наливает и себе, и жене чай. А жена только этого и ждет, и постепенно прибирает дела в свои руки. А в один прекрасный день начинает диктовать! А когда она начинает диктовать и требовать, он, конечно, в первое время пытается еще как-то сопротивляться, вернуться к старому. А у него уже не получается. Поздно уже! Почему поздно? – смотрел на меня Кара-дайы.

– Почему поздно? – спросил я у него.

– А потому, что жена у него сидит уже где? – посмотрел на меня вопросительно.

– Где? – спросил я у него.

Он ударил ладонью себя по шее и сказал:

– Вот здесь, на шее! И сидит она там крепко. Так крепко, что не скинешь. Сидит, заплетя ноги у него на груди и взяв его за уши. Чем он не парнокопытный после этого, а?

– Ну да, – как бы согласился я, – действительно.

– И только тогда он начинает понимать, что оседлан, как ишак. Сбрасывать ее с шеи и начинать всё заново уже поздно. Во-первых, она так крепко сидит там, что даже краном не сорвешь. А во-вторых, если даже сорвешь ее, что будет с детьми? Ты видишь, как она хитро всё устроила? – в ожидании ответа посмотрел на меня Кара-дайы. Я молчал, не зная, что ему сказать. А он продолжил:

– Сперва детей она нарожала ему, связала его ими по рукам и ногам, и только потом прыг, и на шею! И всё, и на всю жизнь! Ему уже поздно изучать ее родословную. Хоть сто раз изучай. И так понятно, что в жены ему попалась настоящая мугалка! Вот такие вот дела, дорогой мой. Главное в этом деле что?

– Что?

– Главное в этом деле – не поддаваться и не сдаваться! Тогда ничего у них не получится. Со стороны может показаться, мол, что тут такого? Взял и налил себе чаю. Оказывается, не так! Малейшее перераспределение семейных обязанностей может привести к непоправимым последствиям.

– Даже так?

– А ты как думал? Я привел в пример отдельно взятую семью. Представляешь, в масштабах республики к чему оно приведет?

– Даже не представляю, – честно признался я.

– Конечно, не представляешь! Ты, видать, давно сам себе наливаешь чай.

– Бывает, – кивнул я.

– Бывает. Еще и соглашаешься, – укорил меня Кара-дайы. – Хотя что тут удивляться? Не далек тот день, когда повсюду, по всему Азербайджану будет так. За Россию не скажу, не знаю, как сейчас у них. Они сейчас, наверно, только водку и пьют, раньше они пили чай. Но у нас будет так: мугалки будут сидеть, а мужья их подносить им чаю! Потом еще и еду подадут! Вот к чему придем, понятно?

Я задумался: понятно-то понятно, только вот ничего не понятно! Как по мне, методика определения происхождения жены, предложенная Кара-дайы, мало того, что ничего общего с социологической наукой не имеет, так она и несовершенная. Определил, скажем, молодой человек через пять лет, что в жены ему попалась мугалка, что дальше? Где выход? Кара-дайы как автор методики об этом ничего не говорил. Именно это я и спросил у него:

– Как поступить рядовому азербайджанцу после того, как он узнал, что у него жена из мугальских кровей? – и посмотрел ему в глаза.

– А никак! Чем ты слушаешь меня? Я же говорю, уже поздно что-то делать! Это уже на всю жизнь, понятно? Дальше уже терпеть, как я терплю!

– Ну, Кара-дайы, не вижу я тогда смысла, зачем молодому человеку понадобится узнать, кто у него жена? Зачем? Пусть живут они себе. Неужели в семье так важно, кто кому наливает чай? Если на то пошло, ваша жена всю жизнь наливает вам чай, но от этого она не перестала быть мугалкой. Согласны?

– Тут ты прав, – согласился Кара-дайы со мной. – Но человек всё равно должен знать, с кем он живет. Понимаешь?

– Да, понимаю, – ответил я, стало заметно, что последним вопросом я определенно загнал в угол Кара-дайы. Он сам начинал понимать недостатки своего «ученья». – Если бы вы могли дать рекомендацию, как до женитьбы определить происхождение будущей жены, тогда вы были бы в почете. А так, извините, Кара-дайы, несовершенна ваша наука, – стал я смеяться.

– Пусть другие дают такие рекомендации! С меня хватит! Один я на всю республику думаю, что будет с молодежью нашей! Будто мне больше всех надо! Наливай! – вроде успокоился Кара-дайы и убедился, что на сегодняшнем научном совете ему не удастся утвердить свою методику.

Наливать было уже нечего. Бутылка была пуста, Кара-дайы был не злой, я, не согласный с ним и разнесший его доктрину в пух и прах, был в приподнятом настроении. Наконец-то мое взяло верх, в душе радовался я и на правах победителя предложил:

– Давайте лучше чаю попьем, Кара-дайы! Кизиловую водку всю выпили! Не будете же лишний раз в подвал ходить. Халву я вам из Украины привез, хорошую, подсолнечную. Лучшая халва в мире! – зная слабость Кара-дайы к подсолнечной халве, подталкивал его к чаепитию.

– Украинская халва хорошая, ты прав! Не то что наши делают, зуб не воткнешь! – согласился Кара-дайы с неоспоримым преимуществом качества подсолнечной халвы украинского производства перед нашей. – С другой стороны, мне в принципе не тя-

жело, могу и в подвал спуститься, – ответил дежурными словами Кара-дайы. – Но раз ты предлагаешь чай, давай пить чай. Пусть будет по-твоему, – окончательно согласился он со мной. – Тем более с халвой. Покричи, пусть убирает, – дал мне команду Кара-дайы, чтобы я позвал его жену.

Я направился на кухню, чтобы попросить чай. С женой Кара-дайы встретились в коридоре.

– Всё уже? – мило спросила она. – Что-то спокойно он сегодня себя вел. Не кричал на тебя.

– Кизиловую водку мы сегодня пили, – объяснил я жене Кара-дайы причину сегодняшнего умеренного поведения ее мужа.

– Не знаю, что пили, сейчас чаю принесу, – сказала она мне и вернулась на кухню. – Скажи ему, чтобы не орал, всё равно на кухне я его не слышу.

– Сказал? – спросил Кара-дайы у меня по возвращении в комнату, а сам смотрел в окно.

– Сказал, – ответил я.

– Она что?

– Сказала, чтобы вы не орали, на кухне все равно не слышно, – ехидно улыбнулся я.

Даже намека не было на то, чтобы Кара-дайы злился. Он продолжал смотреть в окно и тоже усмехнулся, его маленькие и коротко постриженные усы разошлись по щекам.

– Пожалуйста, а ты говоришь. Разве такой ответ подобает женщине ее возраста? Поздно, Кара, поздно, – укорял сам себя.

Я не торопился садиться, ждал возможную команду от него, не раз такое бывало. Он замедлил дыхание и повернулся ко мне, положив локоть на стол, прошептал:

– А ты хитрый, оказывается. Халву мне привез из Украины, сам же хочешь ее есть. В кого, интересно, ты пошел?

***

Не секрет, что и до близкого общения и дружбы со мной Кара-дайы свои занимательные истории многократно рассказывал не только зогаллинцам, но и гостям деревни. Я подозревал, что к началу нашего с ним тесного общения он определенно надоел всем, желающих слушать его в Зогаллы было не так уж и много. С моим появлением Кара-дайы приобрел второе дыхание и наконец-то нашел истинного ценителя своего героического прошлого и настоящего поклонника.

Умение молчать и слушать, а также пятнадцатилетний «гнет» со стороны Кара-дайы с применением тутовки, алычовки, виноградной водки и сливовки оставили глубокий след в моем застольном поведении. За годы нашего общения с ним в моем лице Кара-дайы удалось воспитать самого внимательного, самого терпеливого и почти во всем согласного с ним слушателя собственных рассказов.

Искусство слушать собеседника, должен заметить, дается не каждому. Становление слушателя как неотъемлемого участника любого застолья – процесс долгий и изнурительный, набор опыта требует необходимой благоприятной среды и твердых наставников. Опытный слушатель за столом, где обильная еда и выпивка, должен обладать железными нервами, терпением и сноровкой. Отсутствие терпеливого слушателя в застолье превращает его в балаган, а там, где много участников за столом, – в колхозное собрание.

Благодаря Кара-дайы и качественной подготовке в одно время я стал считаться лучшим слушателем в зогаллинских застольях. Мое умение слушать Кара-дайы со временем стало интегрироваться и в другие зогаллинские застолья, слава о моем слушательском искусстве быстро распространилась на всю Зогаллы.

Моим безграничным терпением за столом и умением слушать начали пользоваться даже далекие от родства со мной земляки, беспрерывно приглашая меня в гости, когда я находился в Зогаллы, выдавая факт приглашения как знак особого уважения ко мне.

Поначалу мне льстило почтительное отношение земляков.

Я был спокойным, вдумчивым, малоговорящим, интеллигентным и в то же время пьющим слушателем, такие, как я, придают любому застолью цивилизованные формы. Как слушатель, я воздерживался от оценки слов и высказываний выступающих, старался их понять. За столом я спокойно переносил любую несусветную чушь и самый экспансивный бред, которые несли ведущие зогаллинских застолий или другие их участники, временами кивком головы поддакивал им, я во всем соглашался с ними. К тому же в те годы я обладал поистине замечательной способностью сосредоточивать внимание на голосе одного из говорящих, вслушиваться в речь только одного выступающего в присутствии других, в совершенстве владел этой «загадкой застольной беседы».

Поэтому и каждый день моего пребывания в Зогаллы был заранее расписан приглашениями любящих и уважающих меня земляков, отказать которым я был не в силах. Пока было желание и позволяло здоровье, я собирался усовершенствовать свое искусство слушателя, но тут в дело вмешался Кара-дайы.

Услышав о моих похождениях по всевозможным зогаллинским мероприятиям, Кара-дайы сам пришел к нам и дал мне такого нагоняя, что на долгие годы отбил у меня желание ходить в гости, будучи в Зогаллы. Мне тогда пришлось отказать многим людям, с которыми были предварительные договоренности.

Он появился у нас ближе к обеду. В руках у него была длинная и тонкая тростинка из фундука, выглядел он сильно озабоченным. Садиться за обеденный стол с нами он наотрез отказался, головой пригласил меня в сторону фундукового сада, где и состоялась наша беседа.

Младший брат спокойно наблюдал за происходящим, и когда я направился в фундуковый сад, громко засмеялся и сказал мне вслед:

– Держись!

В саду Кара-дайы прочел мне лекцию, которая по продолжительности превзошла даже академическую лекцию в вузах. Во время лекции Кара-дайы неустанно шлепал тростинкой по голенищам своих брюк, которые внизу были заправлены в безразмерные носки, издавая при этом не приятный для восприятия зычный звук. Процедура со шлепаньем скорее была направлена на подчеркивание критичности вопроса. Я и без шлепанья был в недоумении, не понимал, в чем провинился.

Кара-дайы неодобрительно качал головой. Прежде чем начать разговор, он коротко спросил у меня:

– И не стыдно тебе?

Я бы сразу признался, что мне стыдно, если бы догадался, в чем, поэтому ответил неопределенно:

– Раз вы так ставите вопрос, значит, мне должно быть стыдно.

Мой ответ не удовлетворил его, поэтому он повторил свой вопрос:

– Тебе стыдно или нет?

– Да стыдно, стыдно! – резко ответил я. – Можете сказать, в чем я провинился?

Кара-дайы начал издалека.

– У кого в этой деревне выше всех ценится гостеприимство? Даже ребенок ответит: у Кара-дайы! С того дня, как мой покойный отец построил задуманное во дворе двухэтажное здание, мне он стал домом, а гостям Зогаллы – единственным пристанищем в деревне. Кто только не побывал гостем за эти годы в моем доме. Когда русский комиссар в тридцатые годы приезжал в Зогаллы по делам, и то у меня остановился.

Историю с русским комиссаром я знал, поэтому кивками головы поддержал Кара-дайы:

– Да, вы рассказывали, сильно он вам тогда помог!

Кара-дайы пропустил мимо ушей мою реплику о помощи русского комиссара.

– Принимать гостей мне завещал отец, – продолжил он. – «На первом этаже, в большой комнате с камином, принимай гостей, Кара», – сказал он мне за три дня до смерти. Сам не успел принимать, а мне завещал. Какой широкой душой надо было обладать, чтобы такое завещать своему маленькому сыну. И я всегда выполнял его волю, чтобы ты знал. Любой человек, знакомый или незнакомый, бедный или богатый, когда бы он ни появился на пороге моего дома, был уверен, что в этом доме его приходу будут рады. Мои глаза и глаза моей жены всегда сияли озорством и радушием при виде гостей. Мои гости знали, что в моем доме им не придется грустить, их накормят последним куском хлеба и, если надо, выделят угол, чтобы тот ночевал. Я всегда считал, что дом, построенный руками моего отца, должен быть самым лучшим, самым теплым и гостеприимным. Если птицу узнают по полету, то хозяина видно по дому и по тому, как он гостей принимает. Вот поэтому мой отец и построил такой большой дом для своего сына.

Одним словом, первую, вступительную часть своей лекции, Кара-дайы посвятил себе и своему дому, построенному отцом, обозначив себя и свой дом образцами гостеприимства в Зогаллы. Честно говоря, возразить было нечем.

Постепенно Кара-дайы подходил к основной теме своей лекции:

– А сейчас обрати внимание, что отец мне завещал: «На первом этаже в большой комнате с камином принимай гостей, Кара», – сказал он. Он сказал «принимай гостей», а ведь мог сказать: «Дом у тебя есть, двор у тебя есть, гуляй, Кара!» А ведь мог сказать: «Не сиди дома, не скучай, Кара! Ходи в гости, веселись, радуйся». Ан нет, он прямо указал, что радоваться и веселиться надо у себя дома! Это наш родовой порядок, дедами нашими заложенный. Мы, «посохи», любим свой дом, свой очаг и гостей любим принимать у себя дома.

– «Посохи» в гости не ходят, да? – для полноты картины я задал ему этот вопрос.

– Нет, если надо, мы и в гости пойдем, – он среагировал мигом, – но мы тем и отличаемся от других, что мы обладаем особым чувством меры и такта, не позволяем себе быть хозяевам в тягость, куда бы в гости ни ходили. Пришли, посидели, поели и выпили, поблагодарили хозяев, высказали им свой восторг и уважение и ушли! И всё! А ты что делаешь? – неожиданно громко спросил у меня Кара-дайы.

– А что я делаю не так? – я всё еще не понимал, к чему он ведет.

– Засиживаешься до утра в гостях у сомнительных людей и не уходишь! Вот что ты делаешь! Вчера, когда мне рассказали о твоих похождениях, мне плохо стало. Я сперва даже не поверил. Хотел вечером прийти, не смог, гости были. Ночь плохо спал из-за тебя. Что ты творишь?

Тут до меня всё и дошло, я промолчал. Отчасти Кара-дайы был прав, уж больно долго я засиживался в последние дни в гостях. Честно говоря, мне самому начинали надоедать эти посиделки, с другой стороны, шла последняя неделя моего пребывания в Зогаллы, поэтому особо не переживал.

Но, оказывается, переживали другие и переживали по делу.

Тем временем Кара-дайы перешел к третьей, заключительной части своей лекции:

– Я, как никто, понимаю, гость необходим любому дому, он нужен, как воздух человеку. Но если воздух входит и не выходит, человек умирает. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил я.

– Хорошо, хоть понимаешь, – сказал Кара-дайы, выдал длинную тираду с использованием любимых матерных выражений на русском языке, где было выражено

его недоумение и возмущение моими похождениями по деревне, которые, оказывается, не только не делают мне чести, как специалисту, закончившему вуз в Русете, но и позорят весь наш род «посохов». И как старший нашего рода, как выразился Кара-дайы, терпеть эти безобразия он больше не намерен.

– Пока я жив, я тебе не позволю! – громко заявил Кара-дайы. – Хватит позорить меня, вся деревня только об этом и говорит. А после моей смерти, – как он позже выразился, – поступай, как ты считаешь нужным, раз у тебя отсутствуют совесть и уважение к корням нашего рода. Можешь даже с мугалами пить, раз ты у нас такой умный! Мы как род тем и отличаемся от других, что сами любим и способны принимать гостей круглый год, – повторил он. – Мой дом в течение десятилетий открыт для любого, мимо проходящего. А в то же самое время мой внук ошивается в местах, где его ноги не должно быть! Я всю ночь не спал, когда узнал о твоих похождениях! – еще раз он подчеркнул, что весть о моих похождениях стала для него еще и причиной плохого ночного сна.– Если тебя так тянет на всевозможные веселья с сомнительными людьми, так знай: с сегодняшнего дня я тебе запрещаю! Понятно?

– Понятно, – тихо произнес я.

– Весь округ приходит в мой дом, чтобы угощаться моим куском хлеба и слушать меня! А моего внука тянет черт знает куда! Не быть этому! Видишь эту палку?

– Вижу, – улыбнулся я.

– Зря смеешься, ты плохо меня знаешь! Не посмотрю, что ты учился в Русете. Вот этим прутиком как дам тебе по мягкому месту, потом целый год не сможешь садиться! Этим прутом я отучил своего теленка от вымени коровы, а тебя отучу от бесцельных похождений по деревне!

Я всецело признал свою ошибку и правоту Кара-дайы, дал слово, что больше никуда не пойду, если и пойду, то только согласовав с ним и с его разрешения.

– Ты смотри у меня, – пригрозил Кара-дайы.

Одним словом, применять фундуковый прутик в тот день Кара-дайы не решился, но разговор для меня оказался тяжелым и поучительным. И с того дня я перестал оттачивать свое слушательское мастерство в зогаллинских мероприятиях.

Когда я провожал Кара-дайы со двора, он остановился в дверях и спросил у меня:

– Когда уезжаешь?

– В воскресенье, – ответил я.

– А сегодня какой день?

– Сегодня вторник, – уточнил я ему.

– Вторник, говоришь! Отдохнешь до субботы здесь, дома, а в субботу в обед жду тебя у себя. Кстати, слышал, что сейчас придумали мугалы?

– Не слышал, – с недоумением ответил я. – Опять душить собрались?

– Хуже! – резко ответил Кара-дайы. – Совсем с ума свихнулись, чувствую, не успокоятся они, пока нас не выживут с этой земли. Я уже кое с кем из наших поговорил, кого надо предупредил. В субботу придешь, всё расскажу, – стал уходить Кара-дайы. Сделав несколько шагов, он остановился, улыбаясь, подмигнул мне:

– Осталось у меня немножко кизиловки, так и быть, посидим перед твоим отъездом!

МАРАТ ШАФИЕВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БАКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

«Перепутанные звёзды…» или «Поэт куёт жемчужный стих»

Гражданская война в России сопровождалась массовым исходом интеллигенции из стылых и голодных городов на окраины Империи. С 1919 года значительная часть интернациональной вольницы, собравшаяся поначалу в Тифлисе, перемещается в Баку. Баку становится городом поэтов. Сергей Городецкий, в 1905 году посещавший «башню» Вячеслава Иванова в Петербурге, оплот русского символизма (именно здесь впервые Блок читал «Незнакомку»: *поэт взобрался на большую железную раму, соединявшую провода телефонов, и по неотступной мольбе гостей уже в третий, в четвёртый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом* – из воспоминаний К.Чуковского о Блоке), но впоследствии с символистами разошедшийся и создавший акмеистический «Цех поэтов» (Гумилёв, Ахматова, Мандельштам), открывает в Баку филиал Цеха. На открытых заседаниях присутствовало до 500 человек. Замечательный сплав символизма, футуризма, акмеизма! не забыть бы ещё и пролетарского поэта Николая Тихонова (прибывшего в эшелоне 11-ой Красной Армии): *«Огонь, верёвка, пуля и топор,/ как слуги, кланялись и шли за нами»*.

Город, как декорация, вполне соответствовал разыгрываемой драме, а может, избыточной пестротой даже отвлекал на себя большее внимание: восточные базары и каменный амфитеатр кварталов, сбегающий по лестнице к слепящему синевой морю; чадра и фасонное платье; узоры ковров улавливались в цветных разводах нефти; шесты мечетей, пытающиеся смахнуть с неба назойливо жужжащий гидроплан; ночная поножовщина; опиумные полуподпольные комнатушки и нещадно, горько, как заядлый курильщик, чадящие заводы.

Впрочем, с установлением Советской власти в апреле 1920 года деятельность Цеха прекращается (прошло около 20 заседаний, отчёты сохранились в русской периодике города, насчитывающей до 50 наименований). Как альтернатива буржуазному декадентству учреждается «Кружок рабочих поэтов».

Основные фигуранты литературного процесса с новой властью сотрудничают: Городецкий служит заведующим Художественным отделом БакКавРОСТа, редактирует журнал «Искусство», его стихами открывается Первый съезд народов Востока; Вячеслав Иванов, человек великой учёности, знающий древность наизусть, преподаёт в Университете классическую филологию (чтобы понять тематику его курсов, достаточно привести название одного из них: *Афинский буколион и древнейшие буколические культы в Аттике. К характеристике прадионисийских религий*). Но обвинённые в создании антиреволюционной организации «Огненные кресты» и поджоге нефтепроводов в 1923 расстреляны поэты: 27-летний Юрий Деген и Александр Порошин. Уже с 1921 года начинается исход: назад, в Россию, или ещё куда подальше – так в мае 1924 года уезжает в любимую Италию и Вячеслав Иванов.

Но наша повесть не о том фантастическом времени, а об одном человеке, в судьбе которого эпоха так показательно и счастливо отразилась.

Татьяна Ефимова (Вечорка) родилась в Баку в 1892 году. Её отца назначили начальником Земельного управления Закавказья, и Татьяна заканчивала Институт благородных девиц уже в Тифлисе. В 1910 году отец неважно себя чувствовал, врач сказал: с такими почками больше двух лет не проживёте. Во дворе больницы он тут же и застрелился. Когда труп вскрыли, выяснилось, что никакой болезни нет. Мама тоже решила свести счёты с жизнью, но сначала надо было «завещать» детей: Татьяну и Алексея. Пока колесили по многочисленной родне, желание умереть пропало, и вдова осела в Петербурге.

В такой экзальтированной семье девушка никак не могла избежать участи быть поэтом. К 1914 году относятся её первые публикации в журнале «Лукоморье». Это потом она будет носить кожанку и клетчатую кепку, а пока в чёрном шифоновом с золотыми точками платье и широкополой шляпе ходит на занятия в Академию художеств, посещает модную «Бродячую собаку» и, как всякая курсистка, благоговеет перед Блоком. Правда, не так страстно, как подруга Сонечка Михайлова, которая собирает окурки поэта и, плача, целует дверную ручку его квартиры. Но однажды на концерте они садятся рядом, и при ярком электрическом свете Татьяна с досадой отмечает лицо красно-кирпичного оттенка, яркие глаза в морщинистых мешках, и руки – тоже красные и словно отмороженные. Кумир фиксирует восторг девицы и, наклонившись, шепчет в ушко: тёмная весенняя ночь. В антракте Блок её ищет, но Татьяна сбегает, в голове стучит мысль: прекраснее всех, не смогу ни в чём отказать, я же девушка, он не женится, трагедия для мамы.

А затем уже описанное выше – бегство из Совдепии на «сытый» Кавказ за высокими горами, что от ига большевизма всё равно не спасает.

В пока ещё меньшевистском Тифлисе Вечорка даёт объявление в газете: поэтесса из Петербурга предлагает устраивать у себя литературные вечера. Откликнулись Кручёных, Городецкий, Терентьев, Зданевич – основа будущей «Альфы-Лиры»; они успели выпустить альманах «Фантастический кабачок» и её книжки: «Беспомощная нежность», «Магнолии». Тексты, набранные разными и непривычными шрифтами на папиросной или обёрточной толстой бумаге – последняя дань уходящему футуризму.

«Соблазн афиш» уже выходит в Баку. В 1920 году она уже не Ефимова, а Толстая. Понятное дело, Борис из тех самых Толстых, но в Баку живут непривычно тесно – вчетвером в двух комнатах. Татьяна лежит в тифе, в нервном расстройстве, беременная, оглушённая бромом, рожать нет никакой возможности, но большевики под страхом расстрела запретили аборты. Своим рождением девочка обязана Провидению в лице Советской власти. Но у купели её стоит последний осколок Серебряного века. Вячеслав Иванов крестить новорождённую с именем Саломея или Дездемона

решительно отказывается, а вот Лидию с удовольствием – Лидией зовут его дочь и звали покойную жену. А чтобы крёстная много путешествовала, он сыплет в купель горсть иностранных монет. Лидия в будущем действительно много путешествовала и даже по труднодоступным для «совка» забугорьям, но она не очень-то нуждалась во внешних раздражителях, переняв это свойство от матери: *«Просыпаюсь каждое утро с ощущением, что меня ждёт чудо. Вот выйду сейчас из дома и сразу попаду в рай»*.

Толстая делает надписи к агитплакатам, которые выставляются по всему городу: раскрепощение женщины, борьба со старым бытом, религиозными предрассудками, помощь голодающей России – взбученная до дна жизнь не переставала поставлять новые темы. Алексей Кручёных приводит на работу и вечно голодного, жёлтого Хлебникова. Поэт нищ и наг, но это и есть составные свободы: *«Свобода приходит нагая, бросая на сердце цветы»*. Зачастил Хлебников и в дом к Толстым. Никогда не моющийся, скверно пахнущий, он сыплет вшами и странной речью; такие же странные лекции об универсальном языке и числах, тождественных физическим законам, он читает за котелок пшённой каши матросам Каспийской флотилии.

Все гении более или менее сумасшедшие. После его ухода приходится затирать помещение керосином. Уже после смерти Председателя Земного шара Татьяна нарисует портрет: *«Входил нелепо, без звонка./ Стоял у двери, ждал и медлил/ Сутуловатый, как из петли,/ Как ватный дед без позвонка./ Лицо из глины или пыли,/ Понуренная горем старость./ Волосья, как солома гнили,/ А борода его, как заросль».*

Непритязательный быт предполагает и лёгкость подъёма – в 1924 году снова трогаются с насиженного места. А в Москве – брюсовские курсы и родной «Цех поэтов»! На домашние литературные посиделки (последнее связующее звено между миром дворянской просвещённости и миром ликбеза), на скромное угощенье – маленькие бутерброды, печенье, варенье к чаю – собираются гости: Кручёных, Городецкий, Пастернак, Асеев, поёт грузинские песни Григол Робакидзе, из старенького пианино извлекает вальс Генрих Нейгауз – все молоды, веселы, полны надежд. Новая книга Вечорки-Толстой, изданная в 1927 году, так и называется – «Треть души».

В 1934 году, после убийства Кирова, из всех крупных городов изгоняют дворян. Бориса Толстого, хоть и работавшего в Госплане, выслали в Алма-Ату. Он зовёт к себе жену и дочь. Татьяна пишет роман о Бестужеве-Марлинском, но, в отличие от жён декабристов, вслед за мужем не спешит – тем и спаслась. Бориса арестовали, он погибнет в 1942 году в Красноярском лагере.

Времена менялись. Из прежде живительных колодцев, в которых отражались звёзды, ушла вода. Декаденщина, модерн, ничевоки из «Подвала поэтов» – прошлое выжигалось калёной сталью. Имя Вечорки перестало существовать в литературном процессе. Но вот куда кривая повернула: муж Лидии – Юрий Либединский, вместе с Авербахом и Фадеевым, руководил РАППом.

Толстая находила счастье в своём присутствии и необходимости для другой жизни. Всех своих четырёх детей Лидия, по очереди принося из роддома, складывает на руки маме. Будучи разносторонне одарённым и образованным человеком, хорошо рисующая (Петербургская Академия художеств!), музицирующая, свободно говорящая по-французски, Вечорка всячески поощряла интерес внучек и внука к любым увлечениям такого рода.

Похороны её были многолюдными. Задубевшая на ноябрьском ветру молодёжь выпила, расшумелась. Кто-то их одёрнул. Лидия сказала: пусть шумят, она любила, когда шумно.

Через год – в 1966 – вышла её книга «Портреты без ретуши»: проза, поэзия, критика, особенно интересны дневниковые записи и воспоминания о Блоке, Хлебникове, Маяковском, Пастернаке, Цветаеве, Софии Парнок и других.

ТАТЬЯНА ЕФИМОВА (ВЕЧОРКА

Сонет

Безумный остров мудрого зрачка,
Осыпанного северным свеченьем,
Волнует напряжённым приближеньем,
Укалывая мозг издалека.

Заледенели нежность и тоска,
Слабеет тело головокруженьем...
Подплыл, дрожа, горящий шар зрачка
Расколотый моим воображеньем.

Но вот, когда нельзя освободиться,
Нельзя бежать от подноготных чар,
Спадают чёрным парусом ресницы,
Сметая разлохмаченный кошмар,

И ластится венок цветов павлиньих
В твоих глазах – серебряных и синих.

Весна

Коловоротно и безвольно
Маячили колокола,
Звонарь не уходил с утра
Из перекладин колокольни.

Весна неласкова ещё:
Белеют капли, как чернила,
Перепадающим дождём
Оксидированы перила.

Когда весь частокол воздушный
Перетолчёт сверчок звонарь –
Я обрываю равнодушно
Оледенелый календарь.

«И голос мой окреп в дыму машинном...»

24-летний **Михаил Парамонович Юрин** революцию 1917-го принял с чистой совестью. Деревенский пастушок с прошлым («сиротская неласковая жизнь») давно порвал, слесарничал на Грозненских нефтепромыслах, и в Гражданскую – в самой гуще событий на родине: Самарский Губком, *«Эх, ты, юность смелая!/ Нам ли унывать,/ Становись в колонны/ Боевая рать»*. Тогда и начал «портить бумагу». Летом 1921 года Юрин уже в Тифлисе – редактор журнала с говорящим названием «Красные всходы».

25 или 26 октября 1924 года он посещает в гостинице «Ориенталь» вояжирующего Есенина – зачем? ведь вслед за литературными пролетарскими вождями он считает только что вышедшую «Москву кабацкую» – упадничеством, а самого поэта – подкулачником, забавлявшим когда-то царицу стихами. (Есенин, в свою очередь, ни в грош не ставит «поэтов от станка»: знакомые от века хулители старых устоев, неспособные создать что-либо сами.)

И это были не споры о вкусах, теперь-то удивительно, а тогда: природа языка – как орудия борьбы и господства различных социальных сил – классовая. И ярлыками припечатывали, точно свинцовыми пулями. Били не только по левым и правым попутчикам, но и по соратникам, в одночасье ставшим врагами: разгром ЛЕФа, переверзевщины, конструктивистов, перевальцев, формалистов.

Есенин сидел на кровати, на полу на газете «Комсомолия» громоздились бутылки красного вина. «Скучно, вот и пью, – оборвал Есенин попрёки гостя. – Ты лучше своё почитай». Юрин собрался с духом: *«Мой век – не тот, к чему таить,/ Покрой есенинский мне узок./ Борьбою схваченная блуза –/ Не поэтическая прыть»*. Есенин развивал свою философию: *«А вот я не люблю рабочего. Я – мужик. Если из окна вижу, что на улице идёт буржуй, я скажу рабочему: пойдём набьём ему морду, а когда мы побьём, я скажу рабочему: я тебя не люблю… Вот ты – русский, ответь: почему в «Комсомолии» одни жиды?»* Эпизод этот Юрин упомянул в своих «Записках подававшего надежды» (1931): *«Мне хотелось поскорее отделаться от него и не заглядывать сюда никогда»*.

В 1925 году в Москве он заведует литературным отделом журнала «Смена», а затем и «Молодая гвардия», но через год приказано возглавить в Баку местную ассоциацию пролетарских писателей. (Другим литературным кружком – менее идеологизированным – при газете «Бакинский рабочий» руководил Евсей Гурвич.) Собрания проходят по пятницам в помпезном Дворце «Исмаилия», конфискованном большевиками у нефтемагната Мусы Нагиева. Юрин, в неизменной косоворотке со стоячим воротом, застёгивающимся сбоку на две пуговицы, непрестанно призывает написать революционный Коран или хотя бы описать отдельных людей в революции – например, рабфакобку, в которой драматургии гораздо больше, чем в Беатриче: худую от голода, стриженную как мальчишка, но с горящим взором и со связкой учебников. Юрин всегда и завершал вечера (откидывая над куполом лба лёгкие, прямые, как нитки, волосы), критике его тексты не подлежали.

С 4 по 7 декабря 1927 года в Баку выступает Маяковский. Юрин всюду его сопровождает. А на судоверфи имени Парижской коммуны, в обеденный перерыв отгремев «Левым маршем», Маяковский спрыгнул с импровизированной сцены – токарного станка в механическом цехе и предложил послушать местных товарищей: Георгия Строганова, Сулеймана Рустама, Виктора Витковича. Одному из стихотворений Юрина рабочие дружно аплодировали: *«Вагоновожатый, включи ток,/ До социализма – без остановок!»*

5 марта 1932 года, вслед за Москвой, ЦК КП(б) Азербайджана распустил и пролетарских писателей, и другие альтернативные объединения. Под председательством Горького готовился Первый съезд писателей СССР, в национальные республики для разъяснения новой политики отправились бригады. В «бакинской» бригаде и Юрин. Из этого следует, что с начала 30-х Юрин уже в Москве, где проработает до самой своей кончины в 1966 году.

Поздние связи Юрина с Баку прослеживаются, в частности, и в том, что к нему отправляет свои произведения для московских публикаций вернувшийся в 1926 году после семилетней эмиграции в Турции и Франции Юсиф Везир Чеменземинли. Баку («любимейший из городов») привлекал Юрина не столько восточной экзотикой, сколько той индустриальной панорамой, в которой прочитывались контуры будущего: *«Закинув голову надменно,/Метех немеет на часах,/ Но мне милее несравненно/ Бакинские корпуса!»*

Книги: «Родной гам», «Маки», «Половодье» (Тифлис: 1922, 1923, 1924), «Солнечная юность» (Москва, 1925), «Жизнь улыбается» (Тифлис, 1926), «Путь человека» (Баку, 1929), «Стихи о Кавказе» (Москва, 1931) и участие в самых разных альманахах – для нас интересны бакинские: «Десятилетию Октября. Гори, заря!» (1928), «Пески ветра» (1928).

МИХАИЛ ЮРИН

Старый Баку

Край мой любимый, горячий край,
В узких улицах песенный ветер.
О минувшем не пой на рассвете,
Ай, бабай!

В серой дымке повис минарет,
Муэдзин ловит солнце руками.
Караваны звенят бубенцами,
Караваны бредут на заре.

Льётся звон в золотой тишине,
Звуки эти понять я могу ли?
Лица жёлтые каменных улиц
Мне рассказывают о старине.

Мой любимый, песчаный край,
Не жалей отгоревшую радость.
Не грусти о минувшем, не надо,
Ай, бабай!

Всё равно белый иней кудрей
В бубенцы мою песнь не уложит.
Мне сирены милей и дороже,
Чем твоя монотонность полей...

Пусть идут равнодушно в пески,
Бубенцами звеня, караваны,
Пусть уносят в века за курганы
Годы старчества и тоски.

Край мой милый, горячий край,
В узких улицах песенный ветер.
О минувшем не пой на рассвете,
Ай, бабай!

1928

КОНСТАНТИН ТАРАЕВ

Р А С С К А З Ы

Здравствуйте, уважаемая редакция.

Я коренной бакинец, родился и вырос в Баку, прожил в нем до 30-ти лет.

Сейчас живу в России, в Нижнем Новгороде, но все так же люблю свой родной город и слежу за происходящими в нем событиями. На досуге пишу рассказы. По своим детским и юношеским воспоминаниям написал цикл рассказов, условно назвав его «Бакинские рассказы». Некоторые из них хочу предложить вашему вниманию.

Возможно кого-то они заинтересуют.

Во всяком случае, очень на это рассчитываю.

С наилучшими пожеланиями,
Константин Алексеевич Тараев

Амфитрион[1]

Мы постепенно, но неуклонно разучиваемся общаться друг с другом. Одиночество поглощает нас. Нашим лучшим другом, наперсником наших тайн стал айфон. К нему мы постоянно тянемся, залипая на лентах новостей или в социальных сетях. Кто из нас не видел такой сцены: идет по улице девчушка с айфоном, с головой утонувшая в виртуальном мире, ничего кругом не замечающая: ни прохожих, на которых она постоянно натыкается, ни проезжающих машин. Реального мира для нее в эти минуты просто не существует, она вся там – в цифровом Зазеркалье.

Или пары, приходящие в кафе и вместо общения самозабвенно тыкающие пальцами в свои гаджеты? Ведь знакомая картина?

Во времена моей юности и стационарные-то телефоны были не в каждом доме, зато люди умели и, главное, любили общаться: шумели, пили, ели, пели, спорили, обнимались, смотрели друг другу в глаза. И весело радовались своим гостям. Помню, моя бабушка часто декламировала что-то из безнадежно дореволюционного далека: «К гостю бросился хозяин: – Петр Семеныч! Вот не ждал!… Я иду встречать скотину, а господь мне вас послал!»

Но более хлебосольного хозяина, чем моя двоюродная бабушка Нюра, я просто никогда не знал и уже, наверное, не узнаю.

В ней все было чрезмерно: доброта, гостеприимство, голос – громкий, сочный, наполненный оттенками, – которым она так любила выводить протяжные казачьи песни («Поехал казак на чужбину далеко», – и ты сразу представлял эту одинокую печальную фигуру на вороном коне), а главное – ее габариты. Это была женщина необъятных размеров, с большой грудью, над которой расплывалось добродушное, улыбчивое лицо, животом-барабаном и богатырскими, краснопалыми, натруженными руками, но при этом неожиданно подвижная и пластичная.

У бабы Нюры в жизни были две безудержные страсти. Первой был ее нежно любимый муж – Исмаил.

[1] С легкой руки г-на Мольера слово «амфитрион» стало синонимом радушного, хлебосольного хозяина.

В 20-х годах прошлого века, две молодые донские казачки – моя родная бабушка Наталья (мать моей мамы) и ее двоюродная сестра Нюра – потеряв в гражданскую почти всю свою родню, пережив голод, военный коммунизм, набеги частей особого назначения, расказачивание, эпидемии испанки и тифа, подались за лучшей долей далеко на юг, прослышав, что Баку – город хлебный, народ там приветливый и с голоду не помрешь. И так и осели там на всю оставшуюся жизнь, счастливо выйдя замуж за азербайджанцев.

И если мои родные дед и бабушка были скупы в выражении чувств, а бабушка еще и скора на расправу, так что я частенько ходил с поротой задницей, то баба Нюра и ее дражайший Исмаил своих чувств не стеснялись.

Происходило это примерно так: открывалась калитка сада и издали слышалось: «Нюришка, ай, Нюришка! Твой Исмаильчик идет!» Тут же грузное лицо бабы Нюры освещалось счастливой улыбкой, она торопливо и немного кокетливо оглядывала себя в зеркале шкафа и спешила навстречу обожаемому супругу. Далее следовали жаркие объятия, настолько продолжительные, что казалось, будто дед не 8 часов на работе отсутствовал, а, как минимум, вернулся из кругосветки.

И второй ее страстью были семейные застолья. Собиралась вся родня – близкая и не очень, все эти бесчисленные сватья, золовки, снохи, девери, обязательно с полными выводками детей, даже грудных.

Уклониться и манкировать этими встречами, не обидев смертельно бабу Нюру, было нельзя.

Для нас, детей, все начиналось с процедуры приветствия, где мы тонули в жарких, медвежьих объятиях и смачных поцелуях бабы Нюры и пытались поскорее отбыть повинность, чтобы заняться более важными делами: отловом бабочек, пестованием пушистой пары домашних кроликов или выкапыванием дождевых червей, которые в изобилии водились в куче компоста на заднем дворе.

Львиная доля нежности доставалось первому пришедшему из детей, его буквально засасывало торнадо бабушкиного обожания, он вываливался из ее знойных объятий сильно помятый и зацелованный почти до потери дыхания. Поэтому я умолял родителей прийти на торжество попозже, чтобы не попасть под этот «дружественный огонь».

Ну, а далее начиналось то, ради чего все затевалось, – пиршество, достойное пера Рабле.

Во двор, если позволяла погода, а зачастую так оно и бывало, выносились столы, застилались огромной скатертью, сшитой бабой Нюрой для таких случаев, на табуреты ставились доски (иначе всем не рассесться), выносились из погреба бесчисленные соленья: огурцы, капуста, баклажаны, маринованные помидоры, грибы, чеснок, соленые арбузы, селедка, присыпанная лучком, трехлитровые банки с компотами и домашним вином, графинчики с самогоном, настоянном на травах или ягодах (казенную водку она презирала, именуя ее керосином), огромная трехведерная кастрюля с борщом, дымящаяся вареная картошка, вареники с творогом и вишней, сочные куски жареного мяса, и начиналось застолье, сытное до полнейшей беспощадности.

Желудок у бабы Нюры был такой же необъятный, как и ее русская душа. Она обожала вкусно поесть и зорко следила за тем, чтобы гостей не обносили блюдом. Закосить, сделать вид, что ешь, было нереально: за всем следило недремлющее око модератора встречи – бабы Нюры.

За столом начинались подробные расспросы о житье-бытье, ее интересовало абсолютно все, в мельчайших подробностях: здоровье, планы на будущее, успехи или неурядицы на работе, состояние финансов, международное положение в странах Африки и Полинезии, немощи членов Политбюро, новости с космической орбиты и так далее, и так далее.

Все выслушивалось с непритворным вниманием, всплеском рук, восклицаниями: «Батюшки! Ну надо же! Кто бы мог подумать!», сочувственным взглядом, а иногда и тихими слезами.

Неудивительно, что застолье затягивалось до позднего вечера, пока гости не отваливались от стола с воплями: «Все! Вкусно, но больше не могу – объелся!» – заслужив благосклонную улыбку бабы Нюры.

А потом посуда убиралась со стола, и выносился бабушкин любимец – самовар: важный, пузатый, начищенный до блеска, на кривых узорчатых ножках, с медалями на помятом боку и непонятной мне надписью: «Наслъедник ВасилIя Степановича Баташева.Тула.» По семейному преданию, это было единственное приданое, которое две сестры привезли с Дону, чудом припрятав его от загребущих рук китайских воинов-интернационалистов из многочисленных ЧОН-ов, «осчастлививших» своим пребыванием их родную станицу.

Над столом зажигали лампочку и «зашлифовывали» чаем съеденное и выпитое. Никаких пирогов или пампушек к чаю не полагалось, только сахар, собственноручно наколотый дедом из больших, похожих на крупную гальку кусков. Так, под чай с дымком, вечер и подходил к концу, и гости, расцелованные напоследок бабой Нюрой, расходились до домам.

Не знаю, почему вдруг я это вспомнил. Наверное, потому что мы живем в мире, где катастрофически не хватает тепла и так хочется иногда посидеть за большим столом, в компании родных тебе людей, необязательно по крови, можно и просто по духу, касаться друг друга локтями и говорить, говорить, говорить.

Бабушка

Что меня не перестает неприятно поражать за более чем четверть века моей жизни в России, так это равнодушное, а подчас и пренебрежительное отношение молодых к людям преклонного возраста. Сидит в вагоне метро ядреная, поперек себя шире румяная девица с наушниками в ушах, а над ней нависает, вцепившись в поручни, ветхая старуха, которую она в упор не замечает, притворившись спящей или погруженной в переписку по Twittery. А то и вовсе внаглую смотрит на то, как бабушку мотает из стороны в сторону, и даже не пытается уступить ей место. Не могу сказать, что это явление массовое, но, к сожалению, отнюдь не единичное. По-моему, уважительное отношение к старикам – это самый отчетливый индикатор здоровья и жизнеспособности нации. Иначе есть опасность превратиться в Ивана, родства не помнящего, без корней, привязанностей, традиций и уважения к себе и людям. В дни моей юности достаточно было окрика старика, чтобы прекратить жестокую драку городской шпаны, а уж об общественном транспорте и говорить не приходится – как только в автобус входил пожилой человек, сразу несколько молодых ребят подскакивали, как ошпаренные, наперебой уступая ему место.

Самым близким человеком для меня в период моего детства была папина мать – баба Женя, посвятившая всю себя, без остатка, моему воспитанию. И всем хорошим чертам своего характера я, прежде всего, обязан ей. Нет, конечно же, я любил своих родителей, но, безусловно, главным человеком для меня тогда была бабушка, неизменно снисходительная к моим капризам и детским проказам, внимательно выслушивавшая мои наивные и, наверное, не очень ей интересные детские фантазии, охотно читавшая мне детские книги, учившая со мной уроки и безропотно, раз эдак в пятый кряду, смотревшая со мной в кинотеатре надоевшие ей до чертиков «Приключения Неуловимых» или «Чингачгука». Только став взрослым и имея уже собственного сына, я начал понимать, каких колоссальных усилий требует общение с ребенком, чтобы не ущемить его самолюбие, не оттолкнуть его от себя грубой фразой или жестом, не дать ему почувствовать себя одиноким или непонятым. Не могу

сказать, к великому сожалению, что у меня это получилось так же хорошо, как у бабушки Жени.

Урожденная Долгова, представительница древнего рода, получившего дворянство еще во времена царя Алексея Михайловича, она родилась задолго до революции и попала в Баку случайно. Родной брат ее Николай был мобилизован в 11 Красную Армию и, войдя вместе с ней в Баку, был, как и многие до и после него, очарован этой жемчужиной Востока, ее эклектичной архитектурой, мягким климатом, изобилием, добротой жителей, ласковым, пусть и не очень чистым в городских окрестностях морем. И, не теряя времени даром, перевез в Баку свою мать и младшую сестру – мою бабушку, что спасло их от голодной смерти в Бузулукском уезде.

К моменту моего рождения бабушка жила в Баку почти полвека и была пламенным патриотом города, причем настолько, что не переносила никакой, даже очень тактичной критики в адрес обожаемого ею города. Баку для нее был главным городом на планете, и высшей похвалой в ее устах было выражение «как в Баку». Ну, например, смотрим мы по телевизору фильм об Италии, и я спрашиваю: «Бабуля, а ты в Италии была?» «Да, совсем маленькой девочкой, папа возил в 1912 году». «И какой город больше всего понравился?» «Неаполь». «А почему?» «Там тепло, морем пахнет и бухта красивая, как в Баку!».

Всегда удивлялся загадочной, мягкой силе нашего города, который принимал в свои объятия, очаровывал и быстро делал своими тех, кого считал этого достойным. И жены моих друзей и соседей, приехавшие в Баку откуда-то из Рыбинска, Курска или даже Комсомольска-на-Амуре и прожившие в Баку всего лишь пару-тройку лет, перенимали манеры, стиль одежды и даже акцент коренных бакинцев. Куда-то бесследно исчезало украинское гаканье или поволжское оканье, речь становилась неторопливой, с протяжными гласными и специфически бакинской фразеологией.

Вот и бабушкина речь была украшена, как торт вишенкой, такими словечками, как: «*авара*», «*бас-а-бас*», «*жировка*», «*мяхмяри-чай*» и т.д., а будучи в хорошем настроении она очень любила напевать отрывки арий из «Аршин мал алана».

Родился я в ее небольшой квартире в центре Баку, в старом доме еще дореволюционной постройки, и после того, как родители, получив квартиру, переехали в другой район, остался жить с бабушкой. К тому времени я был уже учеником 3-го класса расположенной неподалеку школы и ужасно не хотел расставаться ни с одноклассниками, ни со ставшей мне родной дворовой шайкой. Родителей я навещал по выходным и на каникулах, предпочитая проводить больше времени у бабушки, вдали от строгого отцовского взора.

Бабушка была очень уважаемым членом нашего беспокойного, шумного и суетного дворового сообщества. Во-первых, она была старожилом двора, дольше нее в нем жили только две уж совсем древние старушки, а во вторых – неутомимой правдоискательницей и, будучи человеком активным и образованным, постоянно представляла интересы обитателей нашего двора в каких-то инстанциях: ЖЭКе, Собесе, товарищеском суде, райкоме и т.д. Поэтому даже самые отвязные дворовые сплетницы и скандалистки старались не поминать ее имя всуе, тем более, что бабушка была остра на язык и в гневе могла просто уничтожить словесно самых безбашенных дворовых склочниц и матерщинниц.

Будучи непревзойденным, виртуозным мастером базарных торгов, бабушка обожала утренние посещения рынка. Сразу после открытия ворот Тэзэ-Базара, она, в компании таких же мастеров своего дела, приходила на рынок одной из первых и начинала прицениваться к фруктам или овощам. Происходило это всегда по одному или тому же сценарию: подойдя в качестве первой покупательницы к торговцу, она умильно спрашивала: «Дорогой, сколько стоит хурма?» И получив ответ: «Полтора рубля», не моргнув глазом, отвечала: «А за пятьдесят копеек кило отдашь?» Продавец, побагровев и поперхнувшись от такой наглости, гневно отвечал :«Ни за что!»

Далее следовала фраза: «Ну, как хочешь, все равно она у тебя, наверняка, вяжет», и бабушка не спеша отходила от прилавка. А надо заметить, что торговцы – люди суеверные, и уход без покупки первого за день клиента считался плохой приметой – день не задастся. Поэтому вслед уходящей бабушке звучало: «Ладно, бери за рубль 20 коп». И когда после 10 минут изматывающих торгов окончательно замороченный продавец все-таки продавал свой товар копеек по 80 за кило, он был уверен, что выгодно завершил первую за день сделку. Но через несколько минут, отойдя от утомившего его разговора и хорошенько подумав, понимал, что проторговался, продав товар практически за полцены. Эта интермедия повторялась, с различными вариациями, несколько раз в неделю, и бабушка приобрела на рынке скандальную славу грозы торговцев,которые при ее приближение не то, чтобы убегали, а делали вид, что не торгуют или принимают товар.

Второе ее пристрастие, балет, было менее безобидным для меня. Дело в том, что бабушка вообразила себе, что ее единственный внук станет великим танцором и осияет своим божественным танцем подмостки Кировского или Большого театра или, чем черт не шутит, даже легендарной Гранд-Опера. С этой целью я, вполне себе упитанный и крупный мальчик, был отдан в секцию балета при Доме Офицеров. В ней, страшно переживая, что друзья узнают о моем недостойном правильного пацана занятии, я промучился около года, освоив из всей балетной премудрости прямую и обратную ковырялочку и изящный поклон и, взбунтовавшись, наотрез отказался туда ходить, тем самым навсегда похоронив мечту бабушки о моей балетной славе.

А еще она была заядлой картежницей и часто цитировала Талейрана, который говорил: «Кто не умеет играть в карты – тому уготована печальная старость». Каждую неделю, по вторникам, у нас собиралась компания пожилых дам, таких же, как и моя бабушка, осколков некогда богатых и славных дворянских фамилий, благополучно пересидевших в гостеприимном Баку (где не спешили писать доносы в НКВД на соседей только потому, что внешность и манеры выдают в них «бывших») сталинские чистки и доживших до старости. Этой был единственный день недели, когда я у бабушки отходил на второй план.

Задолго до назначенного часа начиналась подготовка к долгожданному «суаре», перемывались тарелки и чашки древнего фарфорового сервиза, доставшегося ей от отца, начищались до блеска ножи и вилки, ставились в печку пироги и доставалась из заначки пачка чая «Три слона». Незадолго до прихода гостей раскладывался ветхий ломберный столик с потертым зеленым сукном, застилался скатертью большой обеденный, ставились столовые приборы, пироги (непременно несколько: мясной, с грибами или с капустой и сладкий), тарелки украшались красиво сложенными горкой накрахмаленными салфетками, спускалась ниже к столу люстра в цветном абажуре, и одетая в свое лучшее платье бабушка устало присаживалась на стул в ожидании подруг.

Приходившие в гости дамы были весьма колоритными личностями. Особенно меня впечатляла Аида Львовна, почти 90-летняя дама, прекрасно сохранившаяся для своих лет, с безупречной осанкой и копной абсолютно седых волнистых волос, уложенных в элегантную прическу. Будучи совсем юной, она успела потрудиться сестрой милосердия в санитарном поезде Ея Императорского Величества императрицы Александры Федоровны и часто вспоминала бывшего императора Николая II не как Кровавого и Ходынского, как нам это внушали в школе, а как тихого, деликатного мужчину с безупречными манерами. Другие дамы были не так величественны, но не менее воспитаны и колоритны, непринужденно вставляя в русскую речь французские слова и фразы. И казалось, что ты не в маленькой советской квартирке, а в светском салоне какой-нибудь Анны Павловны Шерер, и на дворе не 20-й, а 19-й век. Играли они увлеченно, до позднего вечера, в вист или преферанс (естественно, на деньги), делая пару получасовых перерывов на чаепитие.

Сейчас я понимаю, что для бабушки эти вечера были отдушиной, эмоциональной подпиткой, и когда ее подруги постепенно, одна за другой, ушли в мир иной – она совсем загрустила, часами сидела у окна, с тоской восклицая: «Столько смотрю в окно и ни одного знакомого лица!»

Молодость всегда эгоистична и тогда я никак не воспринимал всего трагизма этого звенящего одиночества, но с каждым прожитым годом начинаю понимать его все больше.

Очень надеюсь, что на небесах у моей любимой старушки нет недостатка в общении, и она регулярно, раз в неделю или даже чаще (чего уж там!), расписывает пульку в компании своих верных подруг.

Генералиссимус

Историю эту мне рассказал мой друг Яшка, живший в одном дворе с героем этого рассказа, и сомневаться в ее правдивости у меня нет оснований. Тем более, что шапочно с участниками этих событий я был знаком, поскольку они жили через три дома от нас.

Работал в маленькой бакинской парикмахерской, прилепившейся к городской бане, некий мастер Бархударов, который за поразительное сходство с фотографиями Иосифа Виссарионовича военной поры был прозван «Генералиссимусом». Был он невысоким, чуть сутуловатым мужчиной преклонного возраста, с рябым лицом, пышными прокуренными усами, аккуратно уложенной седоватой шевелюрой и действительно смахивал на легендарного Генсека, сходством с которым явно гордился и нарочито подчеркивал его, одеваясь в брюки-галифе, заправленные в мягкие сапоги, и сшитые на заказ френчи полувоенного покроя.

В те времена преуспевающие парикмахеры в Баку жили совсем неплохо, получая чаевые, в несколько раз превышающие утвержденный государством прейскурант за стрижку. Особо успешные из них имели постоянную клиентуру, запись за две недели вперед, щеголяли фирменной одеждой и ездили на новеньких Жигулях, что было по тем временам большой роскошью.

Бархударов к их числу не принадлежал, поскольку за всю свою долгую карьеру парикмахера освоил только два вида стрижки: налысо и полубокс. Нет, он внимательно выслушает пожелания клиента: сколько волос оставить над ушами, какой длины должна быть челка, согласно покивает в ответ головой, но не успеет доверчивый бедолага и глазом моргнуть, как уже сидит, выстриженный почти под ноль по бокам и сзади и с небольшим венчиком волос на макушке. При этом Бархударов никогда не признавал своей вины и гневно отвергал обвинения очередной жертвы в своем непрофессионализме. Как правило, виноват был сам клиент, его неразборчивые комментарии или далекая от совершенства форма его головы, на худой конец, плохо работающая машинка для стрижки волос. Рассказывали даже прямо-таки душераздирающую историю о том, что Бархударов так обкорнал заскочившего на свою беду в его парикмахерскую жениха, что для свадебных фотографий тот спустя пару дней позировал, не снимая кепки-аэродрома. Но это, скорее, история из разряда уличного фольклора.

Поэтому, если к его коллегам зачастую выстраивалась очередь, Бархударов скучал, сидя в кресле, и обслуживал преимущественно стариков или новобранцев, то есть, тот люд, который не сильно заморачивался по поводу своей прически.

Но был у него один несомненный и великий талант: это была ходячая энциклопедия советского и мирового футбола. Он мог по памяти назвать составы не только закавказских футбольных команд, но и таких географически удаленных от нас футбольных дружин, как «Нистру» Кишинев или «Пахтакор» Ташкент, знал, сколько голов забили за свою карьеру Герд Мюллер или Пеле, на каких минутах игры сбор-

ная Чили поразила ворота Л.Яшина, и сколько желтых карточек показал судья на матче суперкубка «Динамо» Киев – «Бавария». Кроме того, он был в курсе всех околофутбольных событий: по какой причине повздорили Лобановский с Буряком, за что получил срок Стрельцов, сколько раз и на ком был женат Воронин и так далее.

У подобных ему фанатов спорта была даже своя тусовка в небольшом сквере у вокзала, где они встречались по выходным дням, горячо обсуждая результаты прошедших матчей, перспективы «Спартака» на чемпионство или, скажем, «Нефтчи» на призовое место в чемпионате СССР, смакуя какие-то пикантные подробности из жизни футбольных кумиров и рассказывая друг другу свежеиспеченные анекдоты на спортивные темы.

Звездный час этой публики настал тогда, когда, уже на излете эры социализма, в СССР появилась лотерея «Спортпрогноз». Это было нечто очень похожее на Суперэкспрессы в нынешних букмекерских конторах, то есть нужно было угадать исходы 13 спортивных событий за неделю, не только футбольных или хоккейных, но и, скажем, баскетбольных, волейбольных или хоккея с мячом.

Денежные призы выплачивались, только если вы угадывали результаты не менее 11 из 13-ти событий, а суперприз – 10000 рублей и право внеочередного приобретения вожделенного для многих автомобиля «Волга» – получал тот, кто угадал исход всех 13 событий. Стоил сам бланк, если я не ошибаюсь, 2 коп, а один вариант событий – 30 коп. Таких вариантов в одном билете можно было отметить несколько.

И понеслось: фанатская тусовка засуетилась, загудела, как растревоженный улей, встречи в сквере стали чуть ли не ежедневными, страсти зашкаливали. И проходя мимо, частенько можно было услышать такой разговор на повышенных тонах: «Ты вообще о чем?! Да если «Динамо» Киев завтра выиграет у «Глазго», я тебя в зад при всех поцелую!!!». Кстати, рассказывали случай, что как-то один из спорщиков проспорил-таки поцелуй в пятую точку своему оппоненту. Проиграв спор, он исчез из поля зрения на несколько недель, а когда, соскучившись по товарищам, вернулся, то предлагал большие по тем временам отступные: 100 руб., которые были гордо отвергнуты его более удачливым оппонентом. Так что пришлось ему под хохот толпы выполнять обещание.

Естественно, вся эта искушенная в спорте публика была на первых порах уверена, что неминуемо и быстро озолотится. Но не тут-то было, проходили недели и месяцы, а денег в их карманах не только не прибавлялись, а скорее наоборот. Нет, естественно, кто-то угадывал изредка 11 событий, но доходы отнюдь не компенсировали расходов, так как все они нырнули в азарт по самую макушку и тратили на билеты не только свободные, но и заемные средства.

И когда по нашему району, где-то в сентябре 1987 года, пополз слушок, что «Генералиссимус» угадал-таки все 13 исходов, это было подобно грому среди ясного неба. Сам виновник этой молвы слухов не подтверждал, билетом на улице не размахивал, но вдруг стал каким-то задумчивым, немногословным и явно чем-то сильно озабоченным. Как потом оказалось, он действительно выиграл, но не спешил с билетом в управление спортивных лотерей, справедливо рассудив, что сможет выручить за него большую, чем официальный выигрыш, сумму. Дело в том, что в те времена, не сильно пугаясь сурового взора советской власти, в Баку пышно расцвело частное предпринимательство, и в маленьких цехах из стыренного у госпредприятий сырья вовсю клепались бумажные и целлофановые пакеты, модные наплечные сумки с бахромой, джинсы, сувениры, дефицитные спорттовары, яркие рубашки, спортивные костюмы и многое другое, чем не шибко баловала советских граждан убогая легкая промышленность. Соответственно, в кубышках у цеховиков скапливались немалые капиталы, которые они старались хоть как-то легализовать. Недремлющее государево око в лице ОБХСС зорко следило за тем, чтобы никто шибко не высовывался, поэтому покупка статусного в те времена автомобиля ГАЗ-24 на неподтвер-

жденные платежной ведомостью доходы могла вызвать пристальный и нездоровый интерес надзирающих органов.

Ну, а поскольку максимальным выигрышем в Спортлото или Спортпрогноз были не только пресловутые 10 тысяч, но и право без очереди купить автомобиль, то за этими билетами гонялись предпримчивые дельцы и платили за них деньги, значительно превышающие номинал.

С одним из таких деятелей, отставным, но отнюдь не растерявшим криминальных навыков бандитом, а ныне подпольным владельцем нескольких мастерских и закусочных – Андреем – и договорился Бархударов.

Об Андрее следует сказать особо, поскольку это была весьма колоритная фигура: почти двухметровый верзила с яйцеобразным животом, нависающим над ковбойским ремнем с огромной пряжкой, с перебитым в многочисленных драках носом, манерами и интеллектом австралопитека.

Отсидев несколько раз в местах не столь отдаленных, он отошел от разбойных дел и, оттяпав у смертельно напуганных его жестокими наездами подпольных дельцов несколько забегаловок и мелких мастерских, управлял ими совместно со своей женой, крайне вульгарной особой, безвкусно разряженной в фирменные шмотки, с пугающим макияжем, похожим на боевую раскраску индейцев-шайенов, и всюду сопровождающим ее появление удушливым ароматом духов Шанель № 5, которым она поливалась сверх всякой меры, до такой степени, что бакинские комары просто умирали на подлете к ее ядреному телу. Вся их квартира было плотно завешена коврами, хаотично заставлена дорогой мебелью, сервизами из богемского стекла, уродливыми вазами, импортными цветными телевизорами (один даже стоял на тумбочке в туалете). Во всем этом была какая-то режущая глаз чрезмерность, аляповатость и вопиющее безвкусие.

Вот с этой сладкой парочкой и договорился Бархударов о продаже билета, а поскольку честность не входила в число достоинств ни Андрея, ни его дражайшей супруги, в качестве посредника (за разумный процент) был привлечен местный авторитет дядя Алик, кстати, очень достойный, даже я бы сказал, не лишенный благородства человек. Он и должен был своим авторитетом гарантировать честный обмен билета на энную сумму денег.

Пока шли долгие переговоры, Бархударову нужно было надежно заныкать билет, чтобы до него не добрался ни жуликоватый Андрей, ни какой-нибудь другой охотник за легкой наживой. Что в те годы, когда наличие сейфа в доме или ячейки в банке воспринималось как некая фантастика из заморской жизни, было, ох, как непросто. Особенно для человека, живущего в коммуналке, в комнате с хлипкой дверью и замком, который легко открывался перочинным ножом. Спрятать среди книжных страниц или под матрацем столь важную вещь было крайне ненадежным вариантом и наш герой вскоре нашел, как ему показалось, единственно правильное решение, спрятав билет наверху печи-голландки и придавив его камушком,чтобы невзначай не улетел.

Надо сказать, что в те времена о центральном отоплении в старых домах еще дореволюционной постройки и слыхом не слыхали. Некогда просторные купеческие квартиры были вскоре после революции разделены на скромные комнатки-соты, по одной, максимум две на семью, и весь этот коммунальный улей отапливался высоченными, под потолок, железными печами-голландками, которые переделали в 40-50-е годы под отопление газом, а не дровами или углем, как было раньше.

На две смежные комнаты полагалась одна печка, причем топочное отделение было только с одной стороны и если становилось зябко – надо было идти к соседям и просить их затопить печь.

На этой почве изредка возникали конфликты: «Что это тебе вдруг стало холодно, когда я тут из штанов от жары выпрыгиваю» или на тему справедливого де-

лежа платы за газ, но в целом люди тогда жили дружно и подобные эксцессы были наперечет.

Печка была вмурована в стену и вверху имела малюсенькую, огороженную железной полосой площадку, где и был пристроен выигрышный билет. Напомню, что на улице была середина сентября, температура за окном чуть ниже 20-ти градусов и никому и в голову не могло прийти затопить печь. Так что, казалось, что билет в полной и абсолютной безопасности.

Пока не произошло одно непредсказуемое и трагическое для нашего героя событие.

Через стенку от него одиноко доживал свой век когда-то известный в Баку врач-педиатр, совершенно безвредный старик, который на склоне лет не то, чтобы сошел с ума, а приобрел несколько странные привычки. Он приваживал и подкармливал крошками голубей с улицы, которые беспрепятственно залетали через окно в его комнату, естественно, гадили, где ни попадя, в том числе на огромные стопки газет, разложенные по всему дому. Ничего из газет и журналов старик не выбрасывал, а напротив, заботливо подшивал их суровой ниткой в стопки по годам и изданиям и расставлял на стульях, кресле, полу. Там можно было увидеть пожелтевшие от времени передовицы «Правды» или «Бакинского рабочего» со статьями и портретами давно ушедших в мир иной вождей, и жизненного пространства в комнате оставалось совсем немного: только чтобы улечься на потрепанный кожаный диван, причем поджав под себя ноги, или поесть на самом краешке заставленного бумажным хламом круглого стола.

Соседа подкармливала какая-то дальняя родня, навещавшая его еженедельно и решившая, когда он слег с воспалением легких в больницу, разгрести эти авгиевы конюшни. Первое, что надо было сделать на этом тернистом пути – это избавиться от завалов газет и журналов. А поскольку стаскивать тяжеленные бумажные кипы во двор со 2-го этажа и складывать их там в ожидании мусоровоза сочли задачей непосильной, было принято радикальное решение: сжечь весь этот мусор в печи, а затем выгрести золу и вынести ее в мешках. Сказано – сделано. В будний день они собрались, постучали в дверь к соседу – Бархударову, чтобы предупредить его и извиниться за причиняемые неудобства. Не достучались, поскольку он ушел на работу, и слегка затопили печь. Но бумаг было так много, что вскоре печка раскалилась докрасна и к приходу «генералиссимуса» домой в его комнате было жарко, как в полдень на экваторе, и стоял терпкий запах жженой бумаги.

Первое, что сделал наш герой – это бросился к печке и, обжигаясь об нее, достал заветный билет, который оказался не то, чтобы обуглившимся, а так, слегка подпаленным в том месте, где его прижали камушком. И там, где на части А (части Б и В оставляли в пункте приема ставок (ППС) должен был быть номер тиража и стоять чернильная печать ППС, красовалось немалое коричневое пятно.

Говорят, что в этот день вся дворовая публика была удивлена яростью, мощью и изощренностью мата, которым Бархударов покрывал оторопевших соседей, призывая проклятия на их пустые головы и угрожая адскими, просто немыслимыми муками на том и этом свете.

Кое-как, напоив лошадиной дозой валерьянки, его успокоили и уложили в кровать. Естественно, Андрей покупать подпорченный билет отказался и даже сделал «предъяву» на сумму 500 руб., как компенсацию за причиненный его сверхчувствительной и тонкой натуре моральный вред.

Бедный Бархударов ездил за правдой в Москву, в главное управление спортивных лотерей, пытаясь получить выигрыш и доказывая, что происшедшее с билетом нелепая случайность. Но вернулся оттуда несолоно хлебавши, так как его отослали к правилам лотереи, где черным по белому было написано, что часть А билета надо хранить аккуратно, не пачкая, не сгибая, а уж тем более не подпаливая ее.

После этих событий «генералиссимус» сильно сдал, исхудавший и понурый, он шел на работу, и некогда бравые и густые усы его как-то безжизненно обвисали. Сходство со Сталиным вскоре безвозвратно исчезло. На тусовки в сквер он больше не ходил и даже потерял всякий интерес к спортивной жизни Союза, который и сам в скором времени сдулся.

Как тут не вспомнить мудрую поговорку: «Погонишься за шилом – топор потеряешь».

Лячарка[1]

Жил в нашем дворе сапожник Володя – тихий, задумчивый парень, работяга.

Днем он трудился в обувном цеху, а вечером за сущие копейки чинил обувь всей улице и ухаживал за больной деменцией матерью.

Был он холост, невысок ростом, небрежно одет, всегда небрит и постоянно носил на голове непонятный головной убор – то ли кепку, то ли каскетку, грязно-бордового цвета, за что и получил от уличных остряков прозвище: «Чаплашка»[2]. И когда кто-нибудь спрашивал: «Это какой Володя?» и ему отвечали: «А Чаплашка, да!» – все прекрасно понимали, о ком речь.

После смерти матери Володя, которому было уже далеко за 30, заскучал и, съездив на родину родителей, в Нагорный Карабах, привез себе оттуда молодую жену.

Строго говоря, молодая была не очень молода: лет этак под тридцать, плоскогруда, ледаща и как-то не по-женски волосата.

Ее тонкую верхнюю губу украшала отчетливая щеточка усов, а плотная копна волос переходила в бачки, не пушкинские, конечно, но вполне себе густые. Звали ее Седа. Первое время она дичилась соседей и большого шумного города, в который внезапно попала, но взятая под заботливое крыло соседкой – тетей Варей, уроженкой соседнего с ней села, чрезвычайно крикливой и вздорной женщиной – быстро освоилась, подмяла под себя мужа и вскоре предъявила права на звание первой дворовой стервы, которое давно и вполне заслуженно удерживала за собой та самая Варя. Естественно, дружбе настал конец, и между двумя бывшими подругами разгорелась нешуточная вражда.

У Володи вдруг обнаружился большой талант к детопроизводству, и за девять последующих лет семейство Арутюнян увеличилось на семь человек: 4-х мальчиков и 3-х девочек. Всем им Седа дала имена, начинающиеся на букву А: Артур, Ашот, Арам, Армен, Ануш, Аревик и Араксия. Когда соседи говорили ей, что вообще-то в алфавите есть и другие буквы и почему бы не назвать сына Кареном или, скажем, столь популярным у бакинских армян именем Гамлет (количество тезок небезывестного принца датского в Баку просто зашкаливало!) – она гордо отвечала, что дала детям имена, начинающиеся на А, чтобы они во всем были первыми. И действительно, едва оторвавшись от соски и горшка, младшие Арутюняны становились первыми в проказах, хулиганстве и мелком воровстве. В списках детской комнаты милиции они тоже шли одними из первых.

Впрочем, это относилась только к мальчишкам, девочки были тихими, трудолюбивыми и незаметными – в отца.

Предание гласит, что принимая к нам в школу очередного, четвертого по счету Арутюняна, наша невозмутимая, как скала, директорша ВАЛЬПЕТРА (Валентина Петровна Курдюмова) в сердцах воскликнула: «За что мне такое наказание?! Когда они уже закончатся!».

---

[1]Лячарка (лячар) – визгливая,вздорная женщина (бакинизм).

[2] Чаплашка – нелепый головной убор (бакинизм).

Дело в том, что отучившись относительно тихо в начальных классах, очередной Арутюнян в дальнейшем превращался в непроходящую головную боль для своих учителей и однокашников: дрался, обижал девчонок, приносил в класс голубей, лягушек, тараканов, мышей и прочих представителей городской фауны, затыкал спичками замочные скважины школьных кабинетов и таскал мелочь из карманов своих одноклассников.

Поэтому когда к классу шестому-седьмому, он почти исчезал из школы, появляясь там периодически, все облегченно переводили дух, стараясь не замечать его отсутствия.

Забросив учебу, вслед за старшими братьями он начинал заниматься полукриминальными делами, шестерил на более взрослых подельников, что-то пряча, подавая, продавая, воруя.

Государство тогда не было равнодушно к судьбам детей, поэтому в квартиру Арутюнянов зачастили представители милиции, социальных служб, медицины, учителя, школьные общественники.

Но все их усилия оказывались тщетны – Седа была уверена в непогрешимости, красоте, одаренности, благовоспитанности и даже гениальности своих отпрысков и гневно отвергала все предложения о помощи.

Римский философ Луций Сенека как-то сказал: «Если женщина думает о чем-то в одиночестве, то она почти наверняка думает о зловредном». По отношению к большинству женщин эта мысль несправедлива, но в отношении дам, подобных Седе, она безжалостно точна.

Распихав утром детей в садик, школу или ясли, она увлеченно и страстно предавалась любимому занятию: заботливо собирала, классифицировала, расцвечивала яркими, невероятными, подчас кровавыми и сплошь выдуманными подробностями все дворовые, городские и общесоюзные сплетни и выплескивала их на голову случайно подвернувшегося слушателя. Часто героиней этих побасенок была ненавидимая ею тетя Варя, и как только до той доходили слухи, что Седа в очередной раз поливает ее дерьмом из брандспойта, наступала феерическая, жесточайшая словесная сшибка двух фурий. Происходило это примерно так: тетя Варя выходила во двор и во все горло кричала: «Седа, дур-ра такая, где ты?!!!» На веранде третьего этажа появлялась Седа и далее следовал непрерывный и гневный поток взаимных обвинений во всех смертных грехах: зависти, жадности, воровстве, умственном убожестве, сексуальной распущенности и даже содомии. Если прислушиваться к этому словоизвержению, закономерно возникал вопрос: как это мы, их соседи, годами живя рядом с такими монстрами, по которым, как оказывается, плачет электрический стул, все еще остаемся живыми, неувечными, необворованными и даже не коварно соблазненными. Иначе как чудом и заступничеством небес это было не объяснить!

Заканчивалась эта перепалка спустя где-то полчаса горькими рыданиями обеих участниц.

Когда наступил конец восьмидесятых годов, и армяне стали уезжать из города, выяснилось, что у Володи есть троюродный брат в Бирмингеме, вполне себе преуспевающий бизнесмен, который оформил приглашение и визы всей их семье. Бедный Володя ходил задумчивый и грустный, переживая, что буйное поведение жены опозорит его перед иностранцами. «Представляешь, – говорил он, – моя Седа и в Англии!». Как будто сразу по приезду на родину Шекспира и Ньютона он собирался баллотироваться в палату лордов, чему могла помешать небезупречная репутация его жены.

Мы, как могли, его утешали: «Володя, она же будет ругаться по-русски, в крайнем случае, по-армянски. Англичане ничего не поймут!»

Так они и уехали. И, откровенно говоря, я сильно сочувствую Соединенному Королевству.

Гладиатор

Современный Баку стремится ввысь, молодеет, прихорашивается, радуя глаз широтой своих проспектов, чистотой и ухоженностью парков, украшенных фонтанами и множеством оригинальных бронзовых фигур, чудесным превращением некогда депрессивного и замызганного Черного города в цветущий Белый Город, футуристической архитектурой таких знаковых для города зданий, как башни Flame Towers с LEDэкранами, превращающиеся вечером в пылающие факелы, Музей Ковра, центр Г.Алиева, Cristall Palace. Во всем этом чувствуется размах и некий четкий и не лишенный вкуса план градоустройства.

Но все-таки душа города живет в старых дворах, опоясанных балконами, с полощущимся на шальном бакинском ветру бельем, обвивающим ветхие стены домов виноградом, большим столом с лавочками в центре, непременной аркой над входом и нежащимися на солнце томными бакинскими котами.

И такой Баку милее моему старому сердцу, чем стеклянно-глянцево-гламурный. Наверное, потому, что все мое детство прошло в таком дворе: шумном, пыльном, пропахшем кухонными запахами, но бесконечно живом и родном. По сути дела, эти дворы были большой коммунальной квартирой, где все и обо всех знали, дружили, ссорились, создавали какие-то враждебные коалиции, бурно мирились, часто ходили в гости друг к другу и в стычках с пришлой публикой неизменно выступали единым фронтом. На трех этажах нашего дома жили тридцать три семьи: стирали, готовили, воспитывали детей, устраивали непременные совместные посиделки вечерами, сражались в нарды или в домино, смотрели фильмы или футбольные матчи по вынесенному во двор телевизору. Двор был центром нашей ойкумены, одновременно и клубом по интересам, и местом свиданий, и столовой, и прачечной, и игровой площадкой. Во двор постоянно захаживали какие-то коробейники, воплями предлагающие или расхваливающие свой товар. То и дело двор оглашался криками: «Морожн! Морожн!» или «Лужу! Паяю! Тазы, кастрюли, починяю!» или «Ножи, ножницы точу!». Цивилизация сама шла к нам гости, приняв облик прокопченного бакинским солнцем мороженщика, продавца петушков на палочке или остро пахнущего потом точильщика, несущего на плече свой нехитрый, но тяжелый станок с ножным приводом.

Я бы не назвал наш двор цветущим и зеленым, вся дворовая флора была представлена диким виноградом, ласково обвивающим крошащиеся стены из известняка, чахлым, кривым и старым абрикосовым деревом, за которым заботливо ухаживала наша визгливая соседка Седа, и высоченным, раскидистым деревом до сей поры неизвестной мне породы, которое мы все называли «обезьяним хлебом». Его плоды, похожие на зеленые шипастые бильярдные шары, созревая, падали на землю и со смачным чмоканьем разлетались на мелкие кусочки и горе тому, кому они падали на голову: во-первых, это было ощутимо больно, а во-вторых, отмыть волосы от их прилипчивого сока было трудновыполнимой задачей. Взрослые неоднократно порывались его спилить, но тут же наталкивались на ожесточенное сопротивление всей дворовой детворы. Дело в том, что эти увесистые зеленые шарики были незаменимы в качестве имитации ручных гранат, когда пацаны, разделившись на наших и немцев и построив из деревянных ящиков баррикады, устраивали во дворе историческую реконструкцию Сталинградской битвы. Наши неизменно побеждали за явным преимуществом, поскольку немцами никто из уважающих себя пацанов быть не хотел, и фашистами временно назначались самые дохлые и унылые из дворовых пацанов или *сикуры*[1]. Что касается абрикосов, то дерево, растущее прямо из асфальта, находилось на закате своей долгой жизни и приносило в год максимум 30-40 плодов, которым мы не давали созреть, съедая их на стадии зеленой завязи и потом долго маясь живо-

[1] сикура – слабый голубь, в переносном значении: слабак.

тами. Что непременно провоцировало нашу дворовую склочницу Седу на произнесение гневной филлипики в наш адрес, где она в пугающих красках расписывала наши ужасные бандитские замашки и полную лишений жизнь в тюрьме, куда мы непременно попадем, если не перестанем хулиганить. А заканчивался этот спич колоритным описанием неземного вкуса абрикосового варенья, которое она непременно бы наварила из этих плодов, не сорви мы их зелеными, и того, каким прекрасным было бы совместное чаепитие всего двора под это варенье. На наше справедливое замечание «Как из 30 ягод можно наварить столько варенья», она шипела: «Заткнись, авара!»

Что касается дворовой фауны, то она была представлена кошачьей династией, родоначальником и непререкаемым лидером которой был всеобщий любимец – кот Яшар, голубями, которых держал в голубятне на крыше гушпас (голубятник) Ариф, брехливой лохматой болонкой Тортиком и торопливо шмыгающими по двору крысами. На них мы, вооружившись кирпичами, периодически устраивали облавы в компании с неустрашимым Яшаром и его менее отважной, но многочисленной кошачьей родней. И когда этот лохматый флибустьер с разорванным в бесчисленных драках с окрестными котами ухом вылезал из-под веранды с огромной придушенной им крысой в зубах, то неизменно срывал аплодисменты всей детворы. А еще это был неисправимый, отпетый вор-рецидивист, который проникал на соседские кухни и ловко таскал когтем пельмени из кипящей на огне кастрюли или тырил котлеты прямо с шипящей сковороды. За что на время подвергался преследованиям и остракизму и на неделю исчезал со двора, ожидая, пока утихнут страсти.

К Тортику он относился с откровенным презрением. Усевшись на ветку или на турник, Яшар с показным безразличием поглядывал вниз на заходящегося в лае пса, философски ожидая, когда того от бессильного гнева хватит удар. Что касается голубей, то к ним Яшар был поразительно равнодушен, очевидно, не желая наживать себе свирепого и злопамятного врага в лице *гушпаса*[1] Арифа, который трясся над своими пернатыми питомцами больше, чем над родными детьми.

Но были моменты, когда великий лицедей и пройдоха Яшар ненадолго превращался из дворового хулигана в пушистое, нежное и ласково урчащее животное с такими безупречными манерами, что прямо лубок с него пиши. Это были дни, когда кто-нибудь жарил во дворе шашлык. Поскольку стащить нанизанные на шампура сочные куски мяса, скворчащие на углях, да еще и в присутствии их хозяина не представлялось возможным, Яшар строил умильную морду и чинно усаживался, сложив лапки, возле мангала в ожидании, когда его оделят куском. Получив желаемое, он отползал в сторону и неспешно поедал его, демонстрируя светские манеры.

Но по-настоящему звездное выступление Яшара, которым он снискал всеобщее восхищение, состоялось в самый канун нового, 1982 года. Некоторые квартиры на втором и третьем этажах нашего дома имели не только внутренние, но и наружные балконы, на которых хранился всякий ненужный хлам и выносились продукты, не умещавшиеся в маленьких холодильниках или испускающие не слишком корректные ароматы. Как, например, тушки вяленой или копченой рыбы, головки тушинского сыра чоги или рокфора с плесенью, которые, строго говоря, не входят в десятку самых вонючих сыров, но воздух все-таки далеко не озонируют, испуская амбре несвежих носков.

Так вот, в самый канун новогодних праздников наша всеобщая «любимица» Седа привезла из деревни большой (килограмма под три), сочащийся жиром и испускающий головокружительный аромат кусок балыка из осетрины и подвесила его в марле на балконе. Об этом удачном приобретении было немедленно доложено в речи, обращенной ко всему двору, суть которой сводилась к тому, каким шикарным

[1] guşbaz – (азерб.) голубятник.

будет новогоднее застолье у Седы и, соответственно, убогим у ее жалких соседей-голодранцев.

Привлеченный запахом балыка, Яшар отправился на крышу дома и долго сидел, свесив голову вниз и гипнотизируя взглядом вожделенный кусок. Вся эта рекогносцировка, к счастью, осталась незамеченной Седой, иначе Яшару не хватило бы всех его девяти кошачьих жизней, чтобы остаться в списках живых на этом свете. На следующий день мы снова наблюдали его шествующим с гордо поднятым хвостом по крыше в сторону балкона Седы. Это была грация гладиатора, выходящего на арену римского форума, тореадора, идущего на смертельную схватку с быком.

Самого события кражи века мы не видели, но на следующее утро были разбужены истошными воплями Седы, которая, высунувшись из окна, с растрепанными волосами, материла весь белый свет. Когда поток страшных проклятий немного иссяк, выяснилось, что выйдя утром на балкон, она не обнаружила на нем предмета своей гордости – осетрового балыка. Сразу в ее воспаленном мозгу стали выстраиваться теории заговора, одна другой круче, начиная от похищения балыка голодными завистливыми соседями до налета неизвестной банды, которая, проникнув на балкон, по какой-то необъяснимой причине не стала грабить мирно спящее седино семейство, а ограничились кражей балыка с балкона. У нее даже хватило ума сходить в ближайшее к нам отделение милиции с намерением написать заявление о краже, откуда ее быстро и со смехом выставили.

А виновник этого переполоха, с отвисшим до полу животом и жутко воняющий рыбой, вскоре появился во дворе и смотрел невинным взглядом на происходящее безобразие, сосредоточенно вылизывая себя.

Естественно, никто его не выдал, и преступление осталось безнаказанным, но еще долго потом соседи, завидев Яшара, с уважением шумно приветствовали его появление: «Джан, Яшар! Молодец, слушай!»

К сожалению, кошачий век короток, и Яшар давно уже покинул наш бренный мир, надолго оставшись в нашей памяти.

Ода генсеку

Скажу вам откровенно, я хорошо отношусь к Л.И.Брежневу, по крайней мере, не считаю его дураком и маразматиком, как о нем писали скудоумные летописцы перестроечных времен. Да, были в его время и коррупция, и очковтирательство, и угодничество, и подарки ему дорогие дарили. А что, тем, кто царствовал после него, приближенные говорили исключительно правду-матку и дарили лишь скромные открытки с памятными адресами? Сильно сомневаюсь!

Но речь не об этом. Так получилось, что с одним из его визитов в Баку у меня связаны самые приятные юношеские воспоминания. Но все по порядку.

Приезжал он к нам в Азербайджан, если я не ошибаюсь, 3 раза: в 1970,78-м и 82 году, и все эти 3 раза наши пути пересекались.

В 70-м к его приезду на Приморском бульваре соорудили павильоны, где демонстрировали достижения Азербайджана за прошедшие 50 лет советской власти. Мы с отцом пошли прогуляться, и отца заинтересовал какой-то стенд, посвященный нефтяной промышленности. Вдруг началась нездоровая суета, забегали какие-то хлопотливые и суровые люди в штатском, попросив нас отойти подальше, и появилась вдали группа людей в сопровождении высоких милицейских чинов. По собравшейся толпе зевак прошел слух, что это идут Брежнев с Алиевым, осматривая павильоны. И действительно, спустя несколько минут к нам приблизился Генсек со свитой, очень приветливо поздоровался с собравшимися, поинтересовался делами и настроением. Естественно, все ответили, что все просто замечательно, чудно и прекрасно (*Пройдет весна, наступит лето – Спасибо партии за это!*), и группа прошла дальше. Был он

тогда бодр, элегантен, шел быстрой пружинящей походкой и произвел на меня впечатление хорошего дяди, о чем я не преминул сказать отцу.

Второй раз, в 78-м году, я со своими одноклассниками приветствовал его на собрании республиканского партактива, который проходил в недавно открытом дворце им. Ленина (ныне им. Гейдара Алиева). Когда метрах в пятистах от нашей школы закончилось строительство огромного, далеко не идеального, с точки зрения архитектуры и изящества форм, дворца, то у директора нашей школы вдвое прибавилось головной боли, забот и, как следствие, седых волос. Дело в том, что нас постоянно начали отвлекать от учебы для приветствия делегаций космонавтов, зарубежных гостей, партийных и комсомольских съездов, которые неизменно проходили в этом дворце. Мы должны были изображать нерушимую связь подрастающего поколения с партией и правительством.

За неделю до дня «Х» нам раздавали текст, который каждый должен был выучить назубок.

Обычно это была одна строфа из халтурной, но не без претензии на юмор, стихотворной хвалебной оды съезду или приехавшим гостям. Потом начинались утомительные прогоны в зале, где мы выстраивались лесенкой на ступенях и в строгой очередности произносили свою часть стихов. Причем делать это надо было громко, отчетливо, с пылким энтузиазмом, на чем особенно настаивали организаторы.

И так по три прогона за день и несколько дней подряд. Конечно, выматывались мы в эти дни вусмерть, помню, мой однокашник Игорек как-то даже обмочился, потому что репетировали мы очень долго, а попроситься в туалет он постеснялся.

И когда в назначенный день, наглаженный, накрахмаленный, с безупречно повязанным узлом пионерского галстука, я выходил из дома, родители спрашивали: «Не забыл стишок?», и я в тысячный раз повторял стихи, которые клинописью были вбиты в мои детские мозги, что-то вроде:

«Дорогие космонавты, обещаем твердо вам,

Что всегда мы слушать будем наших бабушек и мам!»

За что получал от родичей целый рубль (ниже объясню – почему)вместо обычных 15 копеек и шел на построение в школу.

В назначенный час, взмокшие от свалившегося на нас груза ответственности, с трясущимися коленками, мы входили в заполненный людьми зал. Оттарабанив в каком-то полуобморочном состоянии положенное, мы по сигналу старших радостно смывались из зала в буфет. Это была самая приятная, я бы даже сказал вожделенная часть мероприятия.

Дело в том, что на 15 минут нам отдавали на разграбление правительственный буфет, где горой лежали разные вкусности: маленькие пирожные с кремом и без, бутерброды с красной и черной икрой, шоколадные конфеты, стояли бутылочки вкуснейшего лимонада, украшенные золотой фольгой, фанта, пепси и прочая услада для завидущих пионерских глаз и прожорливых животов. И все по каким то смешным, нереально низким ценам. Вот для чего был нужен тот самый рубль, на который мы наедались до такой степени, что заварной крем лез уже из носа и ушей. А на столах, к ужасу обслуживающего персонала, как будто проскакала лихая конница батьки Махно: расплывались липкие лужицы лимонада, валялись фантики от конфет, недоеденные бутерброды, куски колбасы и сыра, зернышки икры. Наконец вся эта обожравшаяся и обпившаяся казацкая ватага шла в гардероб и на улицу.

В 78-м году мы были уже комсомольцами и выступали следом за младшими ребятами.

Брежнев сидел в президиуме, какой-то грузный, оплывший, о чем-то вполголоса разговаривал с рядом сидящим, по-моему, Черненко, не вслушиваясь в наше бодрое тарахтение, и было трудно состыковать в памяти этого усталого дедушку с тем энергичным и красивым мужчиной, которого я видел 8 лет назад на бульваре.

И последний раз он приезжал к нам в Баку незадолго до своей смерти, по-моему, в сентябре 1982 года.

Мы тогда уже были студентами и несколько дней гоняли балду, изображая ликующую, плящущую и веселяющуюся толпу на пути следования правительственного кортежа.

Было очень тепло, светило не по-осеннему яркое солнце, и все еще пахли недавно ушедшим летом деревья и цветы. Генсек был совсем плох, сидел в машине и как-то безжизненно и вяло махал толпе ладонью, казалось, что это машет не он, а какая-то хитроумно приделанная к нему механическая рука.

Особенно не повезло тем, кому наши комсорги выдали большущие портреты членов Политбюро на длинных палках, вещи сугубо строгой отчетности, которые потерять или выбросить в ближайшем переулке – ни-ни. И они стояли, потные и злые, сдуваемые шальным бакинским ветром, вцепившись в древко этих сооружений.

Одной из этих бедолаг была худенькая рыжеволосая девушка с голубыми глазами (убийственное сочетание! – до сих пор приклеиваюсь взглядом к такому типу женской красоты), стоявшая рядом со мной, которую ветер раскачивал в стороны вместе со здоровенным портретом Леонида Ильича. Она тщетно пыталась удержать равновесие, и на ее хорошеньком лице со слегка вздернутым веснушчатым носиком отражалась неподдельная мука. Я предложил ей подержать портрет, на что она охотно согласилась.

Обратно в институт мы, сдав портрет на руки комсомольскому вожаку (этот «волк» пытался припахать меня на приемке оставшегося на руках демонстрантов казенного имущества, но увидев мою перекошенную гневом физиономию и услышав в ответ шипящее «Отвянь, поц, иначе будешь ходить по улицам и оглядываться! Не видишь, что ли, я с девушкой!» – быстро сдулся), шли уже вместе, весело беседуя о какой-то чепухе и так тепло и по-домашнему уютно было от этого разговора, как будто мы знаем друг друга давным-давно.

И закружила, завертела доводящая до изнеможения любовь. Такая, какая бывает только в юности, когда испытываешь почти физическую муку, не видя рядом с собой предмета обожания.

Когда сон, учеба, еда и даже друзья кажутся досадными помехами, отвлекающими от, как кажется, главного, для чего ты был рожден, – любви. Училась она на соседнем со мной курсе, а жила в отдаленном от города приморском поселке, и, прощаясь с ней у ступеней автобуса, я каждый раз умирал от тоски и заново рождался, встречая ее следующем утром на остановке.

Естественно, встревоженная моим состоянием, мама захотела познакомиться с той, кто так околдовал меня и, как это ни странно, маме она очень понравилась. Особенно покорила она ревнивое, но доброе мамино сердце тем, что, придя впервые к нам в гости, не сидела истуканом, а сразу бросилась помогать ей сервировать стол. Через час они уже увлеченно вели какой-то веселый, избыточно многословный, чисто женский диалог, разглядывая мои голопопые младенческие фотографии в семейном альбоме.

Дело шло к свадьбе, которую решили отложить до окончания института.

Из-за чего мы расстались, до сих пор понять не могу: какая-то никчемная, глупая ссора, помноженная на юношеский максимализм и нежелание первым признать свою вину и уступить.

Но иногда, сидя в вечерних сумерках, я вспоминаю тот теплый день, блики ласкового сентябрьского солнца в ее волосах и огромный портрет бровастого генсека в тонкой руке.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

КАМИЛЛА КЕРИМОВА

Камилла КЕРИМОВА по образованию профессиональный филолог (окончила Московский лингвистический университет). Эта профессиональная грамотность, культура обращения со словом явно читается в ее текстах – она свободно и вместе с тем решительно и умело управляется с формой, рифмой и образом, что сегодня самоценно само по себе, а в сочетании с выраженной авторской интонацией и составляет ту загадочную, поистине алхимическую смесь, которая называется поэзией…

Созвучность времени – еще одна из отрадных примет ее творчества, причем это отнюдь не натужное желание «соответствовать», а органичный взгляд нашей современницы, пытающейся не только осознать, но и сохранить свое «я» в непростом формате нового века.

Безусловно, это женская поэзия в полном смысле этого слова – порывистая, эмоционально насыщенная, устами лирической героини говорит то страсть, то нежность, то отчаяние, то надежда…

Камилла – одаренный человек, способный к творчеству в самых разных его проявлениях: так, помимо поэзии она успешно занимается изготовлением авторских украшений из полимерной глины, металла и других материалов.

Сегодня, представляя новое имя нашим читателям, хочется пожелать автору успехов на всех ее дорогах – в жизни и в творчестве.

Думается, что мы еще не раз встретимся с ее поэзией на страницах нашего журнала.

арифметика

Хочется душу лечить котом,
Не прятаться, а надеяться,
И не откладывать на потом,
Знай: неделимое –
делится.

Делится целое одиночество,
Переставая быть полным,
Делится сердце (когда ему хочется),
Делится звук на волны.

И, разбиваясь о волнорез
Слуха, музыка делится
На тысячи личных микрочудес
Для тех, кому в это верится.

Делятся опытом, он – итог
Битвы добра со злом.
Так что держи шерстяной платок,
Я поделюсь теплом.

Можно надежду делить по дням,
Ждущим нас впереди.
Тем, кто не делится, не понять...
Время их рассуди.

весеннее оттаявшее

Работы – море.
Остыли шрамы,
И рефлексировать не с руки.
Что принимало масштабы драмы,
Сейчас вмещается в две строки.
Дышу – и пишется.
Нет покоя.
И достигают своей земли
В объятья творческого запоя
Мной отправляемые корабли.

мы

Машинным маслом вымазаны пальцы,
рассветным солнцем выкрашены стены.
Мы – капитаны собственных Вселенных,
где можно безнадежно затеряться.

Мы – те, кто пишет телеграммы в небе,
мы – те, кто вечно хочет слишком много.
Шумит трава у нашего порога,
и рвутся к черту якорные цепи.

Скрипят послушно старые кровати
под теми, кто так бесшабашно молод.
Мы посыпаем перцем этот город,
нам, видимо, до старости не хватит

ни ста дорог, полетов и падений,
ни треска разгорающихся веток.
Мы вечные искатели ответов
на то, что с нас же спросится позднее.

Туда, где все безмерно и бессрочно,
летит, кружа, наш самолет бумажный,
но мы друг другу никогда не скажем
того, что без ответа знаем точно.

Да кто сейчас бы думал об ответе,
что проскользнет случайно, будто шутка,
когда мы строим новые маршруты
и нараспашку обнимаем ветер?..

И ты смолишь с улыбкою безбашенной
которую по счету сигарету,
но на тебе я вижу эполеты,
а остальное, в принципе, неважно.

мизантропия

1

Захлопнулось время
со счетом «минус один».
Сижу в пустоте,
как челюскинец среди льдин.
Терпение нервы размалывает в порошок,
И все идет мимо (хотя идет хорошо).
Начало историй давних давно засыпает снег,
И рушится домик,
который построил Джек.

2

Мое время –
неспрошенное «почему?»
Вечная кухня в табачном дыму.
Мое время –
недозавернутый кран.
Оно – тот, кто, устав от душевных ран,
свои плечи впечатал в мой дверной проем...
Но оно не лечит,
а жрёт живьем.

подарок

Я расскажу тебе южное чудо
Звоном и блеском изогнутых сабель,
Белого в дар приведу я верблюда,
И у тебя будет личный корабль.

Я постелю тебе сто километров,
Сто километров узорного шелка.
Древним дыханьем кочующих ветров
Нас занесет, как в песке две иголки.

Я подарю тебе чистую воду –
Самое ценное в мире богатство.
Я объясню тебе тайны природы,
Ты удивишься, как это прекрасно.

Я разверну тебе горькое небо,
Где почивают огромные звезды,
Я покажу тебе всё, где ты не был...
Утром ведь будет мучительно поздно.

Утром, в привычной постели проснувшись,
Ты, уходя, разбудить не посмеешь.
Я расскажу всё сейчас, потому что
Утром ты мне ни за что не поверишь.

когда...

Когда остановить людской разгул
Не суждено ни разумом, ни верой,
Тогда грядет для всех иная мера,
Земля вздохнет:
«Я больше не могу».

Качнется мир, согрет последним солнцем,
И потечет вокруг ручьями воска.
И седовласый бог с глазами Босха
С улыбкой помолчит –
и отвернется.

наказание

Оставалось совсем немного,
Чтобы заново все начать,
Двум споткнувшимся у порога,
Не решившимся постучать.

Но, не веря в счастливый случай
И возможных страшась потерь,
Повторяя: «Так будет лучше»,
Каждый выбрал другую дверь.

Жизни порознь заструятся,
Потекут, как в песок – вода,
До того, как судьбы пасьянсы
Не сойдутся. И вот тогда

Все несбыточные пределы,
Все, что ждало у тех ворот,
В руки яблоком переспелым
Слишком поздно им упадет.

немного истории

Кружка, свечка, кусочек хлеба...
Прожит день, и не более.
Сегодня твоя голова, королева,
Слетит с эшафота в историю.
Будет смотреть удивленно в небо -
Как, неужели всё?..
Прими со спокойствием, королева:
Никто тебя не спасет.
Хоть смейся, хоть плачь –
вариантов нету,
Судьба закрутилась лихо.
Светает, Мария-Антуанетта –
Смелей.
Твой финальный выход.

Я

Ветер мучает занавески.
От весны отсчитавши треть,
Я танцую на тонкой леске –
Приходи на меня смотреть.

На минуточку, праздный, трезвый,
Отойди от своих проблем.
Хорошо, что собрались здесь вы –
Я хочу, чтоб казалось всем,

Что не ведаю я тревоги,
И заботы мои просты,
Что не режет мне леска ноги,
И не боязно высоты.

Не грущу, не люблю, не плачу
И не буду вовек стареть...
Я – охотница за удачей,
Приходи на меня посмотреть.

устала

Я устала.
Иду рисовать цветы,
как завещал Да Винчи.
С одиночеством время диктует нынче
вновь перейти на «ты».

Город сбрасывает со счетов
все намеченные маршруты
и тех, кто готов к чему-то,
и тех, кто не был готов.

Замороженная душа
тихо вымерла, словно Припять,
и не впору ни петь, ни выпить,
ни с тоски, ни на брудершафт.

Все несбывшиеся мечты
пробил час закрывать в консервы,
чаем дезинфицировать нервы
и лечиться от суеты.

Запирает на ключ весна
мимолетные удовольствия,
И – спокойствие,
только спокойствие,
И за окнами – тишина.

бывшие синонимы

**На окне засыпает
рассвет из берлинской лазури.
Нас песком засыпает –
постскриптумом жизненной бури.**

**И так ранено помним мы
все, что будит ночами удушьями.
Мы –
друг друга синонимы,
безнадежно сплетенные душами.**

**Разбавляем чернилами
бессонницу и одиночество.
Тяжело заплатили мы
за то, что жили, как хочется.**

**Будем жить, как получится:
впредь учиться так больно не падать,
и стараться не мучиться,
если вдруг просыпается память.**

**А когда мир довертится,
и погаснут все звезды и солнца,
мы нечаянно встретимся.
помолчим и опять разойдемся.**

Рыцарь

**Я привыкаю. Дальше будет лето.
Тут что ни день –
одни и те же новости.
Не продаются в прошлое билеты,
Пришел конец
моей пространной повести.
Полощутся полотнища знамен,
Трубят отбой.
Закончены интриги.
Я – пыльный воин в пожелтевшей книге,
Я – динозавр рыцарских времен.
Но утверждать нисколько не могу,
Что на покой отправиться готова:
Мой меч или отточенное слово
Доселе затыкают рот врагу.**

**...И я дремлю с улыбкой на лице,
Мне видится поход,
и битва снится.
Но в старой книге вырваны страницы,
И все забыли, что же там в конце.**

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Опекун

Поведение внутри ячейки общества – семьи – довольно часто можно наблюдать в большем масштабе: в масштабе отдельных социальных групп, а иногда и целых государств. Патриархальная семья, как образец семьи, пропагандируемой основными религиями, копируется на других уровнях. Мужчина – глава семьи, рода, социальной группы, автократического государства. Безусловно, такая модель имеет свои преимущества, она позволяет концентрировать ресурсы и достигать поставленной цели. Однако в современном обществе, прошедшем долгую дорогу и достигшем определенного прогресса, обществе, ориентированном на демократические ценности и более гибкую гендерную политику, модель патриархального общества все чаще дает сбой.

В случае семьи патриархальные традиции четко зафиксированы в шариате, домострое. У алжирский писательницы Лейлы Маруан (Leïla Marouane) есть рассказ, который называется «Мой официальный опекун» (Mon tuteur légal). В нем девушка от первого лица рассказывает о том, как брат и сестра, выросшие вместе и во всем друг друга поддерживавшие, после смерти родителей превращаются в чужих людей, почти врагов. Метаморфоза происходит после того, как брат, согласно мусульманским традициям, становится ее опекуном. Взрослая самостоятельная девушка, зарабатывающая себе на жизнь преподаванием, полностью зависит от воли брата. По той причине, что он мужчина, глава семьи. Она не может по закону сделать ни единого шага без позволения брата. Ситуация абсурдная и очень часто трагическая, как мне кажется.

Не только мусульманские страны грешат пренебрежительным отношением к женщине. Запад, декларирующий в наши дни полное равенство между женщиной и мужчиной, шел той же дорогой, что и мусульмане. Право на голосование азербайджанки получили в 1918 году с созданием первой Демократической республики. Француженки получили такое право только в 1944 году. Безусловно, примером для Азербайджана и других республик, позже вошедших в состав Советского Союза, послужил декрет 1917 года о праве женщин России на голосование.

В отличие от Запада, угнетенное положение женщин до настоящего времени является нормой для многих мусульманских стран. Ситуация была такой же и в христианских странах, во времена, когда религия являлась одной из ветвей власти в государстве. Только после отделения религии от государства, в случае России такой акт осуществил Ленин, а в Турции на подобный смелый поступок решился Ататюрк, женщины, хотя бы номинально, перестали зависеть от мужчин.

Еще один парадокс. Мировые религии, как правило, оставляют первенство за мужчиной. Но самая первая монотеистическая религия, возникшая приблизительно в 1 тысячелетии до нашей эры – зороастризм – не придерживается этого принципа. Ее адепты поклоняются единому Богу, которого называют Ахурамазда. Религия признает равенство мужчины и женщины и отрицает любую форму подчинения, в первую очередь, рабство. Культ зиждется на 7 базовых принципах, очень напоминающих принципы демократического общества. Пророк Заратустра, в азербайджанской транскрипции Зардушт, популярная фигура не только на Востоке, но и на Западе. Как не вспомнить книгу Ницше «Так говорил Заратустра». Правда, Заратустра у Ницше – певец «сверхчеловека», далек от пророка Зардушта, основателя зороастризма.

Полную зависимость, почти добровольное рабство, возможно объяснить и в некоторой степени оправдать полной материальной зависимостью женщины от мужчины. Отмечу парадокс сегодняшнего дня. Молодые девушки стремятся обрести модельную

внешность при помощи современной эстетической медицины еще и для того, чтобы удачно выйти замуж за богатого мужчину. Проблема этих женщин в том, что, достигнув, как им казалось, голубой мечты, став законной супругой олигарха, они часто попадают в полную зависимость от довольного собой и жизнью мужчины. Другое дело, что иногда женщин устраивает это рабство по ряду причин. Понять этих женщин сложно еще и потому, что сегодня они могут реализовать себя во многих областях. Они имеют возможности, о каких не могли мечтать их бабушки и прабабушки.

Многолетняя практика такой модели поведения привела к тому, что мнение и потенциальные таланты половины человечества игнорировали. Только сейчас, когда во всем мире наблюдаем всплеск активности угнетаемых, будь то черные, нацменьшинства, женщины, начинает раскрываться потенциал этих людей. Он, словно сжатая пружина, раскрывается быстро, иногда оглушительно. Складывается впечатление, что женщины, в частности, наверстывают упущенные возможности и в некоторых случаях перегибают палку, как в свое время это делали мужчины. Прогресс налицо. В нашем случае, в нашей республике, в больших городах женщины активны. Чего не скажешь о положении женщин в провинции. Буквально на днях поступила информация из Грузии, где в сельской местности в азербайджанской семье обручили девочку 11 лет с мальчиком 15 лет. Оговорюсь, это была помолвка, а не свадьба. И все же. Решать судьбу детей родителям в светской стране – не самая лучшая забота о будущем детей.

Расскажу один забавный и одновременно драматичный случай. Моя подруга, давно переехавшая на постоянное местожительство в Канаду, сделавшая там успешную карьеру, поделилась этой историей. Она приехала навестить брата в Баку. В это же время к нему из района приехал родственник с женой. Моя подруга, долгое время не посещавшая родной город, старалась не терять ни минуты, как можно больше гулять, чтобы запастись впечатлениями. Ну, а родственнику из района хотелось застолий и общения с женщиной, столь непохожей на женщин его окружения. Когда канадка устала от еды, бесконечных разговоров о наших замечательных традициях, она решила применить шоковую терапию. На очередной меджлис женщина пришла в коротких шортах. Эффект оказался даже большим, чем она ожидала. Родственник, справедливо рассудивший, что тлетворное влияние Запада может коснуться его невинной жены, ретировался, забрав жену. Уехали они на следующее утро.

Скажете, смешно. Подумаешь, шорты! Дело не в шортах, а в том, что муж решает все. Где жить, как воспитывать детей, с какими людьми общаться, куда тратить деньги, как отдыхать. Все! У нее не может быть своего мнения. Жена – как отражение мужа. Страдают оба. Мужчина, на котором лежит большой груз ответственности и обязанность зарабатывать деньги. Чем больше, тем лучше, еще и потому что покорность жены покупается, в основном, деньгами. У женщины же вырабатывается исковерканный постоянной зависимостью нрав. Она скрытна, достаточно лицемерна и не в меру корыстна. Безусловно, я утрирую, но тенденция такова. Покорная жена по мере взросления в определенный момент превращается в гайнану. Образ азербайджанской гайнаны разрекламирован сверх меры. Немало анекдотов, иронии, даже сарказма, когда речь заходит о колоритном образе. Определенная доля истины есть в подобном отношении. Мать семейства, прошедшая тяжелую службу под начальством мужа и, самое главное, своей деспотичной свекрови, через определенное время повторяет ее черты. Авторитарная, не терпящая возражений матрона. «Тирания порождает тиранию». Женщины, как любая угнетаемая часть социума, вырвавшись на волю, часто начинают вести себя, как тираны. Они не видели другой модели поведения. Одна-единственная модель: палач-жертва, жертва – палач. Если ты не жертва, то, по определению, становишься палачом.

Женщин во всем мире все больше в администрации, в искусстве, в литературе, в политике. Они выходят из тени. Ангела Меркель – одна из самых успешных политиков, сумевшая вывести Германию в лидеры Европы. Не буду множить примеры, они очевидны.

Побыввавшая с визитом в Азербайджане государственный министр по делам европейского соседства Великобритании Венди Мортон заявила, коснувшись Карабахского конфликта: «Женщины могут сыграть важную роль в построении прочного и долгосрочного мира. Когда женщины садятся за стол переговоров, это повышает вероятность соблюдения и сохранения мирного соглашения». А также она не забыла о проблеме, присущей всем развивающимся странам, о домашнем насилии, об аде за закрытыми дверьми, который не выносят на суд общественности. «Соединенное Королевство является одной из ведущих стран в продвижении прав женщин и девочек и гендерного равенства, и потому призывает Азербайджан подписать Стамбульскую конвенцию, которая защитит женщин от домашнего насилия», – резюмировала Мортон. Согласимся с британским министром, женщины заслуживают внимания, уважения и любви со стороны сильной половины человечества.

Позитивная дискриминация

Разговоры, а следом за ними акции по поводу ущемления прав меньшинств любого рода, будь то этнические, либо гендерные, набрали обороты и грозят снести существующие модели ценностей, базирующиеся, в некоторой степени, на религиозных догмах. Цивилизация прошла долгий путь развития, мы знаем, что ее развитие шло не прямолинейно, а по спирали. Основы религиозной морали были дополнены и улучшены демократическим форматом. На каком-то отрезке пути мы возвращаемся к, казалось бы, пройденному, правда, на другом уровне. Борьба за права отдельной личности, а также общества в целом, в настоящее время, похоже, превратились в тренд, в самоцель. Неважно, кто и за что борется. Главное – выдвинуть как можно больше условий. Зачастую абсурдных. Вместе с дискредитацией борьбы, похожей часто на шоу фриков, теряется смысл требований, на смену ясным и справедливым требованиям приходят истеричные лозунги, отпугивающие разумных самодостаточных людей.

На Западе существует такое понятие, как «позитивная дискриминация». Это значит поощрение и забота о малоимущих и угнетаемых социальных группах. Безусловно, такое бережное отношение к людям, ущемленным в своих возможностях с рождения, создает здоровую атмосферу в обществе, позволяя тем, кто изначально лишен всякой надежды на успешную карьеру и соответствующую комфортную жизнь, получить к ней доступ. Подобный социальный лифт во благо и самим угнетенным и привилегированным слоям общества. Он в некоторой степени уменьшает разрыв между социальными группами, а также способствует улучшению криминальной обстановки.

Вопрос позитивной дискриминации в США всегда был актуальным, а с ростом движения «Blacklivesmatter» («Черные жизни важны») стал «архиважным», как говорил один из вождей коммунизма. Невозможно не заметить, что у темнокожих американцев или, как сейчас говорят, у афроамериканцев были и есть проблемы с интеграцией в обеспеченные круги общества, занятые, по определению, белыми. Вспомним пронзительный эпизод в американском фильме 2018 года «Зеленая книга» про пианиста-афроамериканца, играющего классическую музыку. Те же люди, что аплодировали ему на концерте, не позволили ему войти в ресторан «для белых». События в фильме происходят не во времена рабства, а в 1960 году. В аннотации к фильму сказано: «*В названии фильма обыгрывается «Зелёная книга негра-автомобилиста» – ежегодный справочник, публиковавшийся между 1936 и 1966 годами. Период издания пришёлся на эпоху законов Джима Кроу (неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах в период с 1890 по 1964 гг.), когда в обществе легально получила широкое распространение дискриминация в отношении людей с цветным типом кожи. «Зелёная книга» позволяла путешествующим небелым подыскивать ночлег, сервисы и заправочные станции, которыми они могли воспользоваться*».

Кроме афроамериканцев, другие меньшинства: латиноамериканцы, азиаты, ин-

дейцы – список можно продолжить – требуют справедливого к ним отношения. На практике речь идет о позитивной дискриминации, о льготах и протекционизме для этих групп. Женщины, примкнувшие к движению «me too» («И я тоже»), требуют от мужчин уважения их достоинства. Отношение к ним мужчин как к сексуальным куклам оскорбляет и возмущает. Они требуют оценивать их по деловым качествам и не подвергать домогательствам. Харри Вайнштейн, голливудский продюсер (с обвинений в его адрес началась кампания «me too»), учитывая количество эпизодов и особый цинизм, получил по заслугам. Его посадили в тюрьму надолго, на 23 года.

Да, у женщин есть амбиции, и они давно переросли немецкое правило трех К: Kinder, Küche, Kirche (ребенок, кухня, церковь), которое приписывают кайзеру Вильгельму II. Они хотят строить карьеру благодаря своему профессионализму. Естественно, есть исключения. Стоит посмотреть какое-нибудь реалити-шоу, чтобы убедиться в том, что социум многогранен. Дамы «с пониженной социальной ответственностью» улучшают свою жизнь иным способом, охотясь на падких до их прелестей богатых мужчин. Женщины протестуют против домашнего насилия, имеющего место во многих странах мира. Количество убитых, замученных женщин повергает в шок.

Проблемы женщин плавно перетекают во всеобщую гендерную проблему – права сексуальных меньшинств, о которых громко кричат в Европе, Штатах. Безусловно, однополая любовь, столько время находившаяся под запретом, вырвавшись из нелегального состояния, пребывает в эйфории и требует все новых и новых доказательств своей легитимности. Вспомним, что «новое» – зачастую «хорошо забытое старое». В античном Риме однополая любовь не вызывала никаких нареканий. У Александра Македонского был любимый мужчина (возможно, не один) и любимые женщины. К сторонникам однополой любви присоединились трансгендеры, сетующие на судьбу, давшей им ненавистный пол. В эпоху демократии эти люди получили возможность поменять пол и с облегчением примкнуть к сообществу людей, близких им по духу, а теперь уже и по полу. Как видим, все вышеуказанные требования имеют право на жизнь.

А теперь посмотрим, что получается на деле в случае, когда справедливые требования, перейдя определенный рубеж, превращаются в кошмар для общества.

Идея позитивной дискриминации всегда казалась привлекательной, особенно в обществах, ориентированных на социальную справедливость. В Советском Союзе существовали, к примеру, квоты при приеме в единственную в стране Коммунистическую партию. Для чего необходимо было вступить в партию, известно всем советским людям: для того, чтобы иметь возможность занимать сколь-нибудь значимый пост. Не будучи коммунистом, продвигаться по карьерной лестнице было невозможно. А для более благостной картины нужны квоты. При приеме в партию в организации приходили разнарядки. К примеру: 3 женщины колхозницы, 2 (мужчин) рабочих с заводов и т.д. Меня шокировал удивительный документ, представленный в интернете: Циркуляр № 409 от 5 августа 1937 года, который устанавливал квоту для расстрелов в лагерях Гулага. Идея ясна. Американские товарищи взяли идею на вооружение. Сегодня для поступления в самые престижные американские вузы, такие, как Гарвард и Йельс, существуют квоты для афроамериканцев. Уточню, квоты рассчитаны на получение стипендии, позволяющей учиться в столь престижном университете. То есть, даже если белый претендент, возможно, молодой человек из скромной семьи, имеет блестящие способности, он останется за бортом. Ему не повезло, он не черный. Конечно, те у кого есть средства для оплаты учебы, могут не беспокоиться. Здесь принцип позитивной дискриминации вступает в противоречие с принципом меритократии. Штаты прошли долгую дорогу, стараясь уравнять афроамериканцев в правах с белыми американцами. Несомненный успех – избрание первого афроамериканца Барака Обамы на пост президента страны в 2009 году. Недавнее интервью принца Гарри и его жены Меган Маркл известной ведущей Опре Уинфри вызвало неоднозначную реакцию как в Соединенных Штатах, так и в Англии.

Взволнованный рассказ Меган о страданиях, что выпали на ее долю в королевской семье, вызвал у ведущей вполне ожидаемое негодование. И все же нельзя не заметить, какой путь прошла Британская королевская семья за последние 100 лет. Представить, что герцогиней, официальной женой британского принца, наследника короны, станет афроамериканка, к тому же уже побывавшая замужем, в начале и в середине не так давно закончившегося XX века мог лишь отчаянный фантазер. Сейчас – это реальность. Весь мир имел возможность любоваться пышной свадьбой Гарри и Меган, где среди приглашенных английские аристократы соседствовали с афроамериканцами разного социального статуса, начиная с мамы невесты, тренера по йоге. И говорить о том, как тяжело жить в королевском семействе, по меньшей мере, странно, если вспомнить, что такое королевский этикет, и какая тяжелая наука – всегда помнить о том, что ты ежеминутно находишься под наблюдением подданных. Вспомнить можно и о привилегиях, о дворцах, слугах, нарядах, самолетах и т.д. Если принимать привилегии, то необходимо согласиться и с лишениями. Дело вкуса и выбора.

Преклонение колен белыми перед черными сильно смахивает на ритуальный танец. Вопрос: почему белый человек, никогда не участвовавший в работорговле, не замеченный ни в каком-либо акте расовой дискриминации, должен преклонять колено перед темнокожим собратом? В самом деле, если бы я была темнокожей и передо мной встала на колени белая женщина только потому, что она белая, я бы почувствовала себя ужасно. В чем виновата белая женщина?

Женщины в борьбе за права быть самостоятельными (не могу не согласиться с этим требованием, я тоже в числе этих женщин), все же не должны забывать, что мужчины, в силу своей природы, смелее и предприимчивее. Нельзя стремиться сделать из них аморфных существ, боящихся своей тени и не смеющих высказать женщине свои чувства, проявить инициативу. Ведь женщине так хочется иногда побыть слабой, женственной. Конечно, в меру… Оговорюсь, женщинам в Азербайджане еще очень далеко до той яростной борьбы и противостояния с мужчинами, которая ведется в странах, где демократия имеет давние традиции. Но глядя на них, стоит подумать о том, чтобы не повторять их не очень удачного опыта. На мой взгляд.

Позитивная дискриминация для того, чтобы продолжать вызывать сочувствие даже тогда, когда необходимость в ней отпала, прибегает к пропаганде, иногда заканчивающейся откровенной истерией. Гей-парады, права трансгендеров стали любимыми темами арт-хауса, и теперь уже любой, кто считает себя более или менее продвинутым артистом, для того, чтобы доказать широту своих взглядов, просто «обязан» высказаться, одобрить и посочувствовать этим меньшинствам. Предположим, что эти артисты искренни. Но если чрезмерно защищать права одних, то непременно начнут страдать другие. Гендерный вопрос зашел в тупик. Вопрос о третьем поле вызывает, по меньшей мере, недоумение. В природе известны редкие исключения, такие, как гермафродиты, где вопрос с полом природой не решен. Третий пол, скажете вы. Возможно. Но такие случаи можно пересчитать по пальцам. А если на уровне государства вводить в документах графу о неопределенном поле и в школах детям внушать идеи, что они не делятся на мальчиков и девочек, а являются до поры до времени неизвестно кем, «неведомой зверюшкой», как определил Пушкин, и сами в дальнейшем определят свой пол, то, безусловно, возникают сомнения по поводу политики чрезмерной «позитивной дискриминации».

Давно известно, что самые правильные решения, если они приобретают характер кампании, если они начинают использоваться для того, чтобы приобрести авторитет, а вместе с ним получить от своей популярности дивиденды, заканчиваются адом и для тех, кого защищают и для тех, от кого защищают. «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Не поспоришь с этой библейской истиной.

ЛЯМАН БАГИРОВА

Литературные портреты

Сладчайшие меда

Не надо забывать,
Что переводы
Должны не рознить,
А сближать
Народы...

Б.Заходер

Когда-то давно, и, кажется, уже совсем в другой жизни, учительница природоведения в школе, объясняя нам различие между живой и неживой природой, поведала, что к живой относятся растительные и животные организмы, а к неживой – реки, моря, овраги и камни.

В 3-м классе принимаешь на веру все, что говорит учитель. Немедленно пожалев бедных представителей неживой природы, я тут же представила себе огромное разнообразие камней. Громадных и крохотных, потрескавшихся от старости и гладких, как кожа младенца, излучающих и поглощающих свет, всевозможных форм и расцветок от пенно-белой и нежно-розовой как морская раковина, до темно-серой с ржавыми разводами – цвета печали, цвета вечности. Знала ли я, что почти через сорок лет снова испытаю это чувство соприкосновения с вечностью, бродя мимо серых плит Александро-Невской Лавры?.. Но обо всем по порядку.

Редкий питерский дождь тихо сыпал на покрытый наледью асфальт. Мы стояли перед некрополем Александро-Невской Лавры и ждали экскурсовода. Им оказалась миниатюрная миловидная девушка, и экскурсия началась.

Хорошо поставленным мелодичным голосом она произносила заученные фразы. Маршрут был проложен мимо наиболее примечательных захоронений Лазаревского кладбища – на нем нашли покой многие знаменитые люди 18-го века – Ломоносов, сенатор и писатель А.А.Столыпин, архитектор Андрей Воронихин. И там же похоронена Наталья Николаевна Ланская (в первом браке – Пушкина).

Перейдя через дорогу к монастырю, оказались на Тихвинском кладбище. Его еще называют Некрополем мастеров искусств. Там мы задержались дольше. Какое-то сладостное благоговение наполняло меня, словно заново и с невероятной силой открывался смысл давно знакомых строк В.А.Жуковского, чья могила тоже была здесь:

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были

– А вот могила всем известного поэта-баснописца И.А.Крылова, 250-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 2019 году. Как видите, надгробный памятник представлен в виде пилона из темно-серого камня, на котором высечено имя поэта и даты его жизни. Пилон как форма памятников восходит к древнеримской традиции. А рядом – обратите внимание! – уже другой пилон. Это могила поэта и переводчика Николая Ивановича Гнедича.

Под портретом надпись: *«Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира. Речи из уст его вещих сладчайшие меда лилися»*. О чем же говорит эта надпись?

– О том, что он считался лучшим переводчиком «Илиады» Гомера на русский язык, – тихо сказала я.

– Верно. Как видите из дат жизни и смерти, в 2019 году 13 февраля отмечается 235 со дня его рождения, а умер он в 1833 году 15 февраля в возрасте 49 лет. Ну, а дальше пройдемте к могилам историка Н.М.Карамзина и поэта В.А.Жуковского.

Группа тихо двинулась по шуршащим гравием дорожкам. Я задержалась около памятника Н.И.Гнедичу, вглядываясь в профиль на камне. Дождь усиливался, оставляя по пилону разводы. Словно темно-серые слезы на темном граните. «Помните, не забывайте, не забывайте», – шелестел дождь. Струились слезы по памятнику, бороздили надпись: *«Речи из уст его вещих сладчайшие меда лилися»*. И захотелось вспомнить, ибо память о мертвых – совесть живых…

***

Родился будущий писатель в Полтаве 13 февраля (2 февраля по старому стилю)1784 года. Родители его были людьми родовитыми, но очень бедными. Маленький Николай очень рано потерял мать, а потом и сам оказался один на один со смертью. Оспа, прививки от которой еще не были распространены в то время (первую в России противооспенную прививку сделала себе Екатерина 2-я в 1768 году), свирепствовала безжалостно. Большинство тех, кто выживал после этой болезни, оказывались изуродованными. Возможно, поэтому в старину пользовалась популярностью полная форма известной поговорки: *«Пройти огонь и воду, медные трубы, чертовы зубы, Крым и рым»*. Под «чертовыми зубами» подразумевалась болезнь, и большей частью оспа. Именно она оставляла на теле и лице выжившего человека следы-шрамы.

Недуг не только изуродовал лицо будущего поэта и переводчика, но и лишил его правого глаза. Но – видно и впрямь в природе всегда работает закон баланса – обделив в чем-то одном, она воздает сторицей в другом. Гнедича формировали и воспитывали книги и люди, читавшие и почитавшие «чтение доброе». Отец Гнедича завещал полтавской гимназии 1250 томов библиографических изданий, а ректором «словенской семинарии», где учился будущий переводчик «Илиады», был специалист по древним и европейским языкам.

В 1793 году мальчик отправляется на учебу в Полтавскую духовную семинарию, а через пять лет было решено перевести эту школу вместе с учениками в Новомиргород из Полтавы. Узнав об этом, отец Николая, забрал сына из учебного заведения и послал в Харьковский коллегиум. Это была самая лучшая украинская школа в то время. Коллегиум будущий поэт окончил в 1800 году, после чего уехал в Москву и поступил в Гимназию Московского университета в качестве пансионера. Но уже через несколько месяцев юношу за прекрасные успехи в учебе перевели студентом на философский факультет, который он блестяще окончил в 1802 году.

1802-й был знаковым для Гнедича – он впервые увидел плоды своей переводческой деятельности в печати. Это была трагедия «Абюфар» Ж. Дюсиса. В это же время публикуется и собственное произведение 18-летнего писателя – повесть «Мориц, или Жертва мщения». А через год в свет выходят два перевода из Шиллера (любовь к этому поэту Гнедич пронес через всю жизнь) – роман трагедия «Заговор Фиеско» и «Дон Коррадо де Герера». О молодом переводчике и поэте заговорили как о многообещающем авторе. Но слава, как и любовь, не всегда дружит с деньгами. Их катастрофически не хватало, и планы на дальнейшую учебу были оставлены. В том же 1802 году поэт переезжает в Санкт-Петербург, где определяется на службу в департамент народного просвещения. Там он прослужит до 1817 года.

Все свободное время писатель уделял занятиям театром и литературой и достиг в этой области больших успехов. Глубокий проникновенный голос, огромная начитанность, умение артистично преподнести материал открыли перед Гнедичем двери дворцов графа Строганова и президента Академии художеств А.И.Оленина. Благодаря покровительству последнего (их объединял общий интерес к античному искусству), Гнедич в 1811 году был избран в члены Российской Академии и назначен библиотекарем публичной библиотеки в отделении греческих книг. Улучшилось материальное состояние, появилось больше свободного времени. Гнедич познакомился с Пушкиным, Крыловым, Жуковским, Державиным и некоторыми будущими декабристами. Именно Гнедич оказал влияние на декабристов, искавших в современности образ поэта-героя. Таким он и предстает в речи Гнедича «О назначении поэта»: *«Чтобы владеть с честию словом, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом. Поэт не должен отделять любви к славе своей от любви к благу общему»*.

Само дело литератора Гнедич определял как подвиг и относился к нему с благоговением: *«Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства»*. А *«…изучение древних, питая и укрепляя разум, облагораживает и душу.. Она растет и возвышается с великими мужами»*.

В 1807 году Николай Иванович приступил к главному делу своей жизни – переводу «Илиады» Гомера.

«Сладчайшие меда» поэмы возникли не сразу. Вначале Гнедич стал переводить «Илиаду» александрийским стихом – шестистопным ямбом. Фактически он продолжил дело первого стихотворного переводчика «Илиады» Ермила Кострова. Тот перевел первые шесть песен гомеровской поэмы александрийским стихом. В 1809 году Гнедич издает седьмую часть поэмы в том же размере.

Но уже в 1812 году он отдал преимущество гекзаметру – незаслуженно забытому шестимерному античному стиху. До этого времени гекзаметр в своих стихах использовал только В.К.Тредиаковский, а его слог был очень трудным. Обращение Гнедича к гекзаметру можно считать своеобразной революцией в переводе. По собственному выражению Николая Ивановича он *«имел смелость отвязать от позорного столба стих Гомера и Вергилия, привязанный к нему Тредиаковским»*.

Поэт мужественно уничтожил шестилетний труд, и только в 1829 вышло полное издание «Илиады», переведенное размером подлинника. Публикация вызвала восхищение современников. Пушкин написал о поэме восторженные строки:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Правда, он же затем прошелся по переводу ехидной эпиграммой:

Крив был Гнедич-поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

И тем не менее, Пушкин оставался одним из самых горячих почитателей перевода Гнедича.

Современному человеку трудно представить, с какими сложностями имел дело новый переводчик «Илиады». Вот только один из примеров, доказывающий, в каком мучительном поиске пребывал переводчик. Ахилл у Гнедича говорит об Агамемноне «псообразный». А.Н.Оленин считал, что это слово надо перевести как «песоокий», а еще был вариант «песьевзорый».

Перевод был окончен в 1826 году. Василий Андреевич Жуковский, которого все характеризовали, как добрейшей души человека, написал Гнедичу искренние заботливые строки: *«Поздравляю с завершением великого подвига жизни. Вот мой совет: не спеши являться с трудом своим в свет»*.

Гнедич так и поступил – опубликовал поэму лишь спустя три года, а до той поры тщательно перечитывал и поправлял. И успех превзошел ожидания многих, а лучше всех, пожалуй, высказался критик Белинский: *«постигнуть дух, божественную простоту и пластическую красоту древних греков было суждено на Руси пока только одному Гнедичу»*.

Помимо переводческой деятельности, Николай Иванович был известен и оригинальными произведениями. Лучшим из них считается стихотворение «Рыбаки». Именно в нем дается изумительное и очень лиричное описание белых ночей. Это описание цитировал Пушкин в примечании к «Евгению Онегину»:

Вот вечер, но сумрак за ним не слетает на землю;
Вот ночь, а светла синевою одетая дальность:
Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.

***

«Сердце человеческое не умирает и не изменяется, ибо сердце не принадлежит ни нации, ни стране, но всем общее; оно и прежде билось теми же чувствами, кипело теми же страстями», – писал Гнедич в предисловии к своему переводу «Илиады». Трудно найти строки лучше, тоньше и проникновеннее характеризующие самого Николая Ивановича, чем эти. Сердце человеческое не умирает и не изменяется. Но смертна его оболочка…

Болезни, начавшиеся еще в детстве, не оставляли его. Писатель несколько раз ездил лечиться на минеральные воды Кавказа. Это помогало лишь на время. В 1830 году недуги обострились с новой силой, прибавилась еще и боль в горле. Лечение в Москве искусственными минеральными водами не принесло облегчения. 15 февраля 1833 года, через два дня после своего рождения, Гнедич умер от осложнений гриппа в возрасте 49 лет. Семьи у него не было – единственной страстью его были литература, театр и книги.

«Нет, весь я не умру – /Душа в заветной лире/Мой прах переживет/И тленья убежит», – восклицал великий современник Гнедича. Глядя на скромный серый камень в Некрополе искусств, щедро омытый слезами дождя, хотелось в это верить. У меня не было в руках цветов, а очень хотелось положить их к подножию памятника человеку, «обогатившему русскую словесность переводом Омира». Возможно, его дух примет это маленькое эссе как благодарную дань памяти. Ведь все мы живы, пока о нас помнят. Или хотя бы вспоминают…

Насмешливое счастье

Яркими звездами вспыхивают воспоминания. Стопка глянцевых, вкусно пахнущих открыток на нянином столе. Няня аккуратно надписывает одну за другой. Приятельниц у неё много, и всем к Новому году надо отправить по открытке – крохотный трогательный символ тепла и дружбы, увы, канувший в прошлое. Сейчас уже не рассылают открыток друг другу...

Я выбираю осторожно одну. На темно-синем фоне, яркая, аж горят глаза, золотая Жар-птица. Ее держит в руках улыбающийся Иван-царевич (так во всяком случае мне кажется), а маленький конь под ним летит по синему глянцевому небу.

– Я тоже такую хочу! – кричу я. Еще бы! От ослепительной Жар-птицы дух захватывает.

– Такую поймать легко, а удержать трудно, – усмехается няня. – На то и Жар-птица. Не каждому такая под силу. Она как насмешливое счастье, – добавляет она тихо.

Я не верю няниным словам, да и не очень понимаю их. Разве может быть насмешливым счастье? Может...

Кажется, философу Розанову принадлежит интересное высказывание о том, что каждый человек в определенном возрасте оказывается словно наведенным на фокус: контуры личности совпадают с контурами лица – это и есть человек настоящий. Считается, что Чехов сфокусировался к сорока годам, Ахматова тоже в среднем возрасте, Блок в молодости, Достоевский в последние годы жизни.

Судьба моего нынешнего героя так отчаянно не совпадала с его внешностью, что рождала особое чувство – гармонию дисгармонии. Но, как ни странно, именно в этом портрете он был наведен на фокус – душа и наружность совпали. Наверно, он сам понимал это, поэтому написал шутливые стихи к собственному портрету работы художника Знаменского:

Не дивитеся, друзья,
Что так толст и весел я:
Это – плод моей борьбы
С лапой давящей судьбы;
На гнетущий жизни крест
Это – честный мой протест.

Стихи были веселыми и горько-правдивыми. Жизнь подвергала его все новым и новым испытаниям, он преодолевал их мужественно. «Это службишка не служба, служба будет впереди», – беззаботно написал он в 19 лет, конечно же, не подозревая, насколько эти строки окажутся пророческими. Или это была просто плата за талант, за великую славу его бессмертного «Конька-Горбунка»?

Да, герой моего нынешнего эссе – Петр Павлович Ершов, русский поэт, прозаик, драматург, известный только первым своим произведением – «Коньком-Горбунком». Повторить успеха юности не получится...

«Петр» означает камень. Первенца своего мелкий полицейский чиновник Павел Алексеевич Ершов назвал, конечно, в честь апостола Петра. Но иное имя вряд ли подошло бы будущему писателю. Чтобы выстоять во всех жизненых передрягах, нужно было каменное терпение.

Петр Павлович Ершов родился 22 февраля (6 марта) 1815 года в деревне Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии. Из 12 детей Павла Алексеевича Ершова и тобольской купеческой дочери Евфимии Васильевны выжили лишь двое — Петр и Николай.

Братья были нежно привязаны друг к другу, родители души в них не чаяли. И все было бы хорошо, если бы не эпилептические припадки маленького Петра. Измученная страхом мать уговорила мужа провести мистический обряд, который в Сибири назывался «продать ребенка». Суть его была в следующем: больного ребенка подносили к окну, под которым словно бы случайно оказывался нищий. Ему и «продавали» ребенка, спрашивая: «За сколько возьмете?». Ответ был простой и один и тот же: «Грош!».

Люди верили, что после этого обряда силы и здоровье возвратятся к больному ребенку. Так и сделали. Маленького Петра «продали» за грош нищему, после чего здоровье на какое-то время и впрямь вернулось к мальчику.

Через много лет Петр Павлович будет мрачно шутить об этой истории и говорить о том, что ему доподлинно известна своя цена – грош!

В 1824 году родители определили Петра и его брата в Тобольскую гимназию. Мальчики жили в семье родственников матери, а когда окончили гимназию, отец перевёлся в Петербург, где братья поступили в Императорский Санкт-Петербургский университет. В 1831–1835 годах Петр учился на историко-филологическом факультете университета.

И вот тут и случился блистательный подарок судьбы, пообещавший яркое будущее.

В начале 1834 года он представил профессору словесности П.А.Плетневу в качестве курсовой работы первую часть сказки «Конек-Горбунок». Педагог во время одной из лекций прочитал с университетской кафедры отрывок из «Конька-горбунка» и назвал студентам автора сказки — их сокурсника Петра Ершова, сидевшего в аудитории. В том же 1834 году отдельным изданием вышла вся «русская сказка в трех частях».

Триумф был невероятным. Автору прочили громкую славу. Еще бы! «Конька-Горбунка» прочитал и высоко оценил сам Пушкин:

– Теперь этот род сочинений можно мне и оставить, – восторженно поблагодарил он 19-летнего автора.

Правда, успех никогда не появляется без своей сестры – зависти. И вот уже появилось малодостоверное известие литературного критика Павла Анненкова о том, что первые четыре строки сказки принадлежат Пушкину. А потом и вовсе пошел слух, что сказку написал вовсе не юный, никому не известный сибиряк Петр Ершов, а Пушкин. Мол, пожалел бедного студента и разрешил ему напечатать «Конька-Горбунка» под своим именем... Но, как бы там ни было, сказка Ершова мгновенно пошла в народ и вызвала к жизни множество подражаний и подделок. В 1870–1890-х годах вышло около 40 поддельных «Коньков-Горбунков» общим тиражом около 350 тыс. экземпляров!

После успеха «Конька-Горбунка» Петр Ершов стал вхож в литературные круги столицы, общался с Пушкиным, Жуковским, В.Г.Бенедиктовым, публиковал лирические стихотворения. Всего за этот период в печати (в основном в «Библиотеке для чтения») появилось 10 его стихотворений.

Удача сопутствовала молодому поэту: в декабре того же 1834 года к печати была одобрена первая часть его поэмы «Сибирский казак», а затем и вторая часть этой «старинной были». Слог Ершова был прост и звонок, завораживал своей легкостью. Казалось бы, все складывается хорошо. Он и сам потом вспоминал о тех временах:

Я счастлив был. Любовь вплела
В венок мой нити золотые,
И жизнь с поэзией слила
Свои движения живые.

Были задуманы несколько исторических поэм, драматических и прозаических произведений. Кстати, любопытно, что один из героев повести «Панин бугор», влюбленный романтик, носил фамилию Сталин. Скорее всего поэтому оно было опубликовано только в 1984 году.

Но... Как часто в жизнь вторгается беспощадное «но». Многие замыслы так и не были осуществлены, а «Конек-горбунок» стал лебединой песней Петра Ершова. Буквально сразу, в том же 1834 году, после молниеносного успеха на автора, словно из ящика Пандоры, стали сыпаться несчастья.

Отца Петр схоронил в 1833 году, а в 1834 году внезапная смерть уносит любимого брата поэта – Николая.

Но вдруг вокруг меня завыла
Напастей буря, и с чела
Венок прекрасный сорвала
И цвет за цветом разронила.
Все, что любил, я схоронил
Во мраке двух родных могил...

Окончание университета и новые проблемы. Молодой сибиряк не смог получить желаемую должность, приходилось расставаться с друзьями, порывать с литературной средой, в которую успел уже вжиться.

Прощание с Петербургом стало болезненным: многое здесь стало дорогим, а с другой стороны, Ершова манила родная Сибирь, он называл ее «северной красавицей», мечтал об исследовании этого края.

В последний раз передо мною
Горишь ты, невская заря!
В последний раз в тоске глубокой
Я твой приветствую восход:
На небе родины далекой
Меня другое солнце ждет.

(«Прощание с Петербургом», 1835)

Возвращение в Тобольск тоже не стало отрадным. В декабре 1836 года Ершов писал университетскому другу В.Треборну: *«С самого моего сюда приезда, т. е. почти пять месяцев, я не только не мог порядочно ничем заниматься, но не имел ни одной минуты веселой. Хожу, как угорелый, из угла в угол и едва не закуриваюсь табаком и цигарами... Читать теперь совсем нет охоты, да и нечего... Ко всему этому присоедини еще мое внутреннее недовольство всем, что я ни сделал, что я ни думаю делать... Скоро 22 года; назади – ничего; впереди... Незавидная участь!..»*

Только Петр начал привыкать к жизни в Тобольске, увлекся работой в гимназии, планируя изучение жизни местных народностей, издание журнала и др., как новое горе: в апреле 1838 года скончалась мать. Поэта охватило отчаяние, друзьям он пишет, что схоронил «последнюю из родных». Ему было 23 года.

Рвется грудь моя тоскою,
И в страданиях немых
Поэтической слезою
Тихо катится мой стих.

А дальше словно ком с горы. Проблески радости и бесконечное горе...

Через несколько месяцев после похорон матери Ершов встречает С.А.Лещеву – молодую вдову с четырьмя детьми – и влюбляется в нее. Забрезжило счастье.

Домашний кров, один или два друга,
Поэзия – мена простых затей.
А тут любовь – прекрасная подруга,
И вкруг нее веселый круг детей.

Только дома он был поистине счастлив. *«Известность известностью, а долг обеспечить тех людей, которых судьба поручила мне и которые для меня милы, также что-нибудь да значит»* (из письма к В.Треборну). Он искренне привязывается к детям своей жены. Рождаются и общие дети – две дочери.

В 25 лет Ершов хоронит свою первую дочь, через год – вторую дочь, а еще через год – жену. В 30 лет Петр Павлович – вдовец с четырьмя детьми на руках.

Через полтора года он женится снова – на О.В.Кузьминой, но и эта семейная жизнь была недолгой: в 1852 году она умирает.

Горе преследовало его неотступно: из 15 детей при рождении выжило только 6, а в 1856 году он сообщает друзьям: *«На одной неделе я имел несчастье похоронить сына и дочь – моих любимцев... Ум мой теперь весь в сердце, а сердце – на могиле детей»*.

Петр Павлович женится в третий раз, и лишь третья жена будет рядом до конца жизни.

Не было отрады и в литературе. Ошеломляющий «Конек-Горбунок» сверкнул как комета на темном небе творчества. Порой Петру Павловичу казалось, что задорная, искрящаяся счастьем сказка была лишь авансом за последующие удары судьбы.

Характер Ершова меняется – он становится раздражительным и замкнутым. В 1857 году его назначают директором тобольской гимназии, где учеником его станет будущий великий химик Дмитрий Менделеев. Потом Ершова назначают директором народных училищ губернии. Но все это приносит мало утешения. Он постоянно раздирался между творческими исканиями, переставшими радовать, и заботами повседневной рутины.

«Мой гений-хранитель, подай мне терпенье / Иль пламень небесный во мне потуши!» Были времена, когда он вообще хотел отказаться от художественного творчества. В письме к другу 14 апреля 1844 года поэт высказал горькую мысль: *«Была пора, когда и я увлекался чем-то похожим на вдохновение. А теперь я принадлежу, или по крайней мере скоро буду принадлежать к числу тех черствых душ, которые книги считают препровождением времени от скуки, а музыку заключают в марши и танцы...»*

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть.

В сибирские годы Петр Павлович пишет очень немного и, увы, безуспешно. С 1837 года до конца его жизни в печати появилось 28 его новых стихотворений, в т.ч. отклик на смерть Пушкина. Пробует себя Ершов и в прозе и драматургии. Но публикация цикла рассказов «Осенние вечера» и пьесы «Купец Базим или Изворотливость бедняка» прошла незамеченной.

Судьба снова и снова проверяла Камень на прочность. Или усмехалась за ранний успех...

Замысел поэмы «Иван-царевич» в 10 томах и 100 песнях остался неосуществленным.

В 1858 году происходит чудо: Ершова отправляют на целый месяц в служебную командировку в Петербург. Он полон трепетных надежд – а вдруг фортуна вспомнит о нем?..

Чуда не случилось. Прежние знакомые или умерли, или напрочь забыли о нем.

Одинокий бродил он по петербургским улицам и вздыхал – все прошло, все... Чужие огни чужого города. В дневнике Петр Павлович запишет:

«Отвыкнув от многолюдства, я с каким-то невольным удивлением гляжу на эти толпы, которые снуют взад и вперед по всем улицам, особенно по Невскому проспекту».

В самых удрученных чувствах он возвращается в Тобольск. Да, он напишет в письме к одному из друзей, что его *«родной Тобольск в тысячу раз милее»* Петербурга. Но мрачное мироощущение не покинет его уже до конца жизни.

В 1862 году он подает в отставку. Ничто не могло заставить его переменить решение: ни почетная должность, ни солидное жалованье и казенная квартира. Он жаждет *«только спокойствия и укрытия от известности»*, причем жаждет настолько сильно, что на несколько лет даже прерывает переписку с университетскими друзьями. Только в музыке еще ищет он утешения, только музыку вместе с поэзией называет *«двумя сестрами одной матери»* и видит в ней таинственность и глубину. *«Ершов охотно пускался со мною в разговоры о музыке, и сам стал заниматься изучением игры на флейте»*, – писал его университетский друг А.Ярославцов.

Материальные трудности, последовавшие за отставкой? О, да, несомненно! Но независимость и честность всегда были дороже ему. «Честным остался он до гроба, простирая честность даже до суровости. Так, кто-то из родственников вздумал подарить одной из его дочерей шелковой материи на платье. Смутился Ершов и сказал: *«Прошу вас избавить меня навсегда от таких подарков: дети мои могут носить только такое платье, какое я в силах им сделать!»* – вспоминали современники писателя.

Ящик Пандоры все еще был открыт. В 50 лет Ершов тяжело заболел и только благодаря заботам Дмитрия Менделеева наконец-то получил пенсию – 1080 рублей в год.

В 1864 году доходит весть о постановке в Петербурге балета «Конек-горбунок». Премьера прошла с потрясающим успехом. Но автор уже был спокоен к этому. Былое отходило от него и, как видно, навсегда. Только за три года до смерти прежняя жажда жизни всколыхнулась в нем. Он жаждал живого общения, писал в 1866 году другу: *«Может быть, изобретательный ум придумает какой-нибудь далекослышный рупор, и тогда я буду день и ночь разговаривать с вами»* (Словно предвидел наше время!).

Но... Все тише становился гул жизни, все уже круг общения поэта. Последние годы своей жизни он провел в окружении семейства, уединившись от всех, полностью уйдя в религию. Водяная болезнь ускорила развязку страданий. 18 августа 1869 года Петр Павлович Ершов «тихо и спокойно скончался». Похоронен был на Завальном кладбище Тобольска неподалеку от могилы декабриста и поэта Вильгельма Кюхельбекера. Надпись на памятнике гласит: *«Петр Павлович Ершов, автор народной сказки «Конек-Горбунок»*.

Полное собрание сочинений Петра Павловича было издано только в 2005 году. Славы блистательного «Конька» не повторило ничто. И все же

...кто светлыми мечтами
Волшебный мир в душе своей явил,
Согрел его и чувством, и страстями
И мыслию высокой оживил...

тот тысячу раз более достоин благодарной памяти потомков, чем изобретатели самого совершенного оружия и средств массового поражения. Ибо их дар служит Благу, а не Злу.

Прим. При написании эссе были использованы материалы из Интернета, книги воспоминаний о П.П.Ершове (Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. – Спб., 1872.)

ЛУИЗА ГЛЮК

Перевод с английского Ирен ТАСАЛОВОЙ

8 октября 2020 года Нобелевский комитет Шведской академии присудил премию по литературе американской поэтессе Луизе Глюк, которая стала 16-й женщиной в списке лауреатов «нобелевки». Как было сказано в резолюции комитета, она удостоилась этой высокой награды за «точный поэтический голос, своей суровой красотой превращающий индивидуальное во всеобщее».

Родилась Луиза Глюк в 1943 году в Нью-Йорке, в семье потомков еврейских иммигрантов из Венгрии. Отец, который в молодости хотел стать писателем, познакомил ее с греческой мифологией и мировой литературой, свои первые стихи она написала в раннем детстве. Из-за нервного заболевания ей пришлось отказаться от идеи получить высшее образование, и хотя она посещала курсы поэзии при Колумбийском университете в Нью-Йорке, но диплом так и не получила – впрочем, как известно, статус поэта дается отнюдь не соответствующим дипломом…

В 1968 году Глюк опубликовала первый сборник, а уже второй ее сборник, по мнению критиков, «открыл миру самобытный голос Глюк» и принес ей стипендию Гуггенхайма, присуждаемую за «исключительные творческие способности». Всего Глюк выпустила порядка 20 сборников стихов, пишет она также и рассказы. Основные темы ее стихов – семейные трагедии, отношения между людьми, вера в Бога. В стихах часто читаются древнегреческие и древнеримские мотивы, используются мифические образы и исторические персонажи.

Поэтесса является лауреатом более 20 литературных премий, почетным доктором нескольких колледжей, а также членом престижных поэтических обществ и научных организаций США. В настоящее время преподает в Йельском университете.

Миф о любви

Когда же деву полюбил Аид,
он сотворил подобие Земли –
там было всё:
кругом луга цвели
(и ложе брачное добавить не забыл).
Там было всё:
и солнца яркий свет,
чтоб постепенно про него забыть
она смогла, и в вечном мраке жить.
Аид держал с самим собой совет
о том, что после обустроит ночь,
как тень листвы, дрожащей на ветру,
добавит звезды, желтую Луну
(а как привыкнет дева –
все их прочь…)
Пусть Персефона свыкнется сперва,
и новый темный мир ей станет мил,
ведь все в том мире есть, –
Аид решил, –
и я с ней рядом, трепетно любя.

Кому из нас не хочется любви?..
Он терпеливо ждал за годом год –
как Персефона средь лугов цветет
смотрел и строил для любимой мир.
Она любила запахи цветов
и всякого плода вкушала смак.
Он размышлял –
уж если это так,
всю страсть ее я усладить готов.
Кому из нас не хочется в ночи
к возлюбленному чреслами прильнуть
и за звездой своей пуститься в путь?..
Уста двоих дыханьем горячи́,
и это знак, что в нас двоих есть жизнь,
и что двоих нерасторжим союз,
и если я, уснувший, повернусь,
она себе прикажет – повернись.
И этих чувств вкусил владыка тьмы,
глядя на им же сотворённый мир,
где Персефоне предстояло с ним
прожить...
Но чьи б тревожило умы,
да не его – что в мире этом нет
ни запахов, ни вкусов, ни цветов...
Нашел ли он для покаянья слов?
В любви искал ли дружеский совет?..
Такого он не мог вообразить,
как не умеет всякий, кто влюблен,
он мыслью лишь одной был поглощен,
он все мечтал и все не мог решить,
как рукотворный мир именовать.
Сначала думал –
будет «Новый Ад»,
потом решил –
«Подземный Райский Сад»,
и «Девством Персефоны» называть
решил отныне этот темный мир.
Свет лунный над долиной засиял,
Аид на ложе милую обнял,
он представлял, как нежно говорит:
«Моя любовь теперь всегда с тобой,
мою защиту ты всегда найдешь...»
Но он подумал, – это будет ложь.
И произнес, не покривив душой:
«Ты умерла.
Здесь я и Царь, и Бог.
Никто тебе не причинит вреда».
Он думал –
это лучшие слова,
правдивее едва ль найти б он смог.

Утонувшие дети

Ты видишь, не умевшим рассуждать,
им точно надлежало утонуть.
Сквозь глотку льда пролёг ко смерти путь,
пришлось потом всю зиму догонять
своих хозяев шерстяным шарфам,
пока и те не скрылись под водой...
Шарфы и дети обрели покой,
покорные запруде, как рукам,
что сомкнуты в обьятья меж собой.

Но смерть должна настигнуть их не так –
конец приблизив к самому началу,
как будто бы они совсем не знали
рождения сквозь бесконечный мрак.
И все, что было после, только сон:
где лампа стол собою освещает,
и скатерть белая не только этот стол,
но их самих, как саван, укрывает.

Но все же дети слышат имена,
знакомые их разуму и слуху,
скользящие по гладкости пруда –
манок неупокоенному духу:
– Чего ты ждешь,
вернись домой, домой,
потерянный под синею водой,
недвижимою, синею водой.

Всех святых

И теперь еще эта земля не пришла к завершению.
Потемнели холмы. И волы в своем синем ярме
погрузились, усталые,
каждый в свои сновидения.
Вот и скирды уложены вдоль оголенных полей.
У дороги лапча́тка роняет свои лепестки,
и на небо восходит Луна, заостряя клыки.

То бесплодие жатвы, а может, бесплодность чумы.
И жена, что открыла окно и своею рукою
воздает семена, как в уплату грядущей зимы –
семена золотые, зовущие дух за собою.
Ну, иди же сюда,
ну, иди же сюда,
о, малыш!..

...И душа выползает из древа в вечернюю тишь.